

ГОСУДАРСТВО

выпуск 2

Специальное научно-популярное издание
журнала «Государственная служба»

Ещё недавно образование определялось как формирование неких профессиональных качеств выпускника, получение им массива знаний, необходимых для работы после окончания обучения. Сейчас же идёт возвращение к дидактике прошлого века, прямо востребованной укреплением суверенитета государства. Страна нуждается в подготовке специалиста, который является не просто приложением по обслуживанию чужих технологий, а человеком, который подобные технологии в состоянии разрабатывать. Не скопировать уже функционирующую систему, а создать собственную.

Художник М. В. Моторин. «Московский Кремль. Кремлёвские куранты», 1948 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АВЕРЬЯНОВ Виталий Владимирович

доктор философских наук

АБРАМОВ Константин Валерьевич

кандидат психологических наук

БАЙДАРОВ Дмитрий Юрьевич

кандидат юридических наук

БАРАНОВ Михаил Владимирович

кандидат философских наук

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович

доктор политических наук

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна

член-корреспондент РАН

доктор политических наук

ГОЛЫШЕНКОВА Ольга Михайловна

президент МАКО

ДЕМИН Игорь Юрьевич

ответственный секретарь редакции,

кандидат политических наук

ДУГИН Александр Гельевич

доктор философских наук

доктор политических наук

ЖУРАВСКИЙ Александр Владимирович

кандидат исторических наук,

кандидат богословия

КАРМАНОВ Роман Владимирович

гендиректор ПФКИ

КОСТЫЛЕВ Павел Николаевич

н.с. Института Китая и современной Азии РАН

КУРАНОВ Григорий Владимирович

кандидат медицинских наук

ЛОГИНОВ Андрей Викторович

доктор политических наук,

кандидат исторических наук

МЕДВЕДЕВ Вадим Викторович

кандидат экономических наук

НАЗАРОВ Антон Анатольевич

кандидат филологических наук

ПИВОВАР Ефим Иосифович

доктор исторических наук, академик РАН

ПОЛОСИН Андрей Владимирович

главный редактор, доктор политических наук

РАПОПОРТ Борис Яковлевич

кандидат социологических наук

ФАДЕЕВ Валерий Александрович

доктор исторических наук

Специальное научно-популярное издание журнала «Государственная служба»

ГОСУДАРСТВО ВЫПУСК 2

Совместный проект АНО «Руниверс», журнала «Государственная служба» и проекта «ДНК России»

Главный редактор **А.В. Полосин**

Ответственный секретарь редакции **И.Ю. Демин**

Художественный редактор **И.Я. Керемецкий**

Дизайн и верстка **П.Л. Ремизов**

Корректор **М.В. Аркадова**

На обложке: репродукция картины «Сельская школа». Художник Н.П. Богданов-Бельский.

Редакция: 119071, Москва, Ленинский просп., д. 15А, эт. 6, пом. 49

Тел. +7 (495) 737-76-32, e-mail: rus.gosudarstvo@mail.ru, info@runivers.ru

Отпечатано с предоставленных готовых файлов в полиграфическом центре ФГУП «Издательство „Известия“»: 127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 6, тел.: +7 (495) 650-38-80, izv-udprf.ru

Подписано к печати 21.10.2025. Формат 210×297 мм. Печать офсетная. Тираж 1500 экз. Заказ №0000

Государство. Выпуск 2: АНО «Руниверс». – М., 2025. – 132 с.

Издание представляет собой научно-популярный сборник статей, посвящённых стратегической роли образования и культуры как основ национального суверенитета и устойчивости государства в XXI веке. Авторы анализируют, как эти сферы формируют глубинный код национальной идентичности (включая патриотизм, коллективизм и приоритет духовного над материальным), выступают источником «духовного иммунитета» против внешних идеологических воздействий и стратегической инвестицией в интеллектуальный потенциал нации. Особое внимание уделяется необходимости образовательного суверенитета для подготовки инженеров и управленцев, способных разрабатывать собственные технологии, а не только обслуживать чужие. В статьях представлен исторический опыт России в области просвещения, анализируется проблема фрагментации знания и упрощённых социальных решений, а также обсуждаются современные вызовы, такие как рост кон- трэлиты и интеграция искусственного интеллекта в образовательный процесс. Издание является совместным проектом журнала «Государственная служба», проекта «Руниверс» и проекта «ДНК России».

Содержание

Производство культуры	4
А. В. Полосин	
Образование и культура	8
С. В. Володенков	
Кто мы?	16
А. Д. Харичев	
Инженер для государства: Humanitarian cogito ergo sum.	26
В. И. Шевченко, А. А. Ларионов (иеромонах Родион)	
Социально-психологическое самочувствие в вузах России	33
К. В. Абрамов	
Культура русского мира	40
Р. В. Карманов	
Фрагментация знания и искушение простых решений	44
М. В. Баранов	
Образование и революция	53
И. Ю. Демин	
Экспорт образования	64
Д. Ю. Байдаров, А. В. Путилов, Д. Ю. Файков	
Образование, искусственный интеллект и академическая честность в эпоху перемен	70
П. Л. Отоцкий	
Образ чиновника в русской литературе	78
П. В. Сурков	
От семнадцатого века до семнадцатого года	86
А. И. Любжин	
Что такое образование в России и каким оно должно быть	100
А. А. Назаров	
Смутное время в Европе	112
Д. Р. Жантиев, М. В. Баранов	
Сетевые сообщества как новая форма социальности	118
О. М. Голышенкова	
Песня строить и жить помогает	128
А.В. Полосин	

Производство культуры

неостановимый/непрекращающийся/
вечный процесс

Человек, говорят, осуществляет три производства в его модификациях / три модификации производства. На самом деле производство одно, а вот измерений его основания три: материальное, социальное, духовное. Порядок их иерархии каждый определяет в меру своего разума, наверное... Похоже на квантовую механику: масса, энергия, информация.

А. В. Полосин,
доктор политических наук,
кандидат психологических наук

До производств додумались философы-психологи. До квантового всего — Макс Планк, Нильс Бор, Вернер Гейзенберг и их последователи (Макс Борн, Эрвин Шрёдингер, Вольфганг Паули, Поль Дирак). А вот некто Эйнштейн полагал, что «Бог не играет в кости», и это убеждение тоже, и совершенно точно, повлияло на понимание природы социального и природы человека, укрепило жёсткий материализм в науках (и отчасти культурах). Духовное производство, сиречь культуру, мы тоже стали рассматривать именно как материальное, в европейском прочтении, окрашивая либо как *аполлоническое*, то есть подчинённое порядку, разуму и логике («Ничего сверх меры», «Имей мужество пользоваться собственным умом» — Кант), либо же как *дионисийское*, то есть хаотичное, безумное, экстатическое, постмодернистское («Я люблю того, кто стремится творить сверх себя и потому гибнет» — Ницше или «Сливаясь с пучиною всё неразлучней / То встретил, что ваш не изведает глаз, — / Пьянее вина, ваших лир полнозвучней / Чудовищ любовный безмолвный экстаз!» — А. Рембо¹), научному осознанию не поддающееся и несущественное для серьёзной науки, подтверждаемое или не подтверждаемое в

наблюдаемой реальности. Только традиционные «восточные практики» в контексте культуры настаивали в посвящённом материализме на понятиях самодостаточности духовного и его первопричинности, говоря, что для Востока совершенствование человека первично — это его труд по преодолению своих пороков и выращиванию/укреплению/возращению достоинств. «Достойный муж» — это про внутренние процессы и самооценку с завышенными требованиями к самому себе, а то, что происходит в окружающем мире, — недостойно внимания «достойного мужа». И всё вокруг этого. Русские традиционно выбрали не мейнстримное трактование. Русские попытались вернуть в культуру духовное производство в понимании деятельности — школа Льва Выготского активно заявляла о необходимости рассмотрения целостного процесса синтеза материального, социального и духовного, но марксизм жёстко определял первичность производственных ресурсов, потому приходилось приспосабливаться (даже когда это и не очень удавалось, так как немецкая философия достаточно ревностно стерегла свою органическую немецкую логику и педантичный анализ).

Однако для того чтобы понять значение культур, давайте сначала разберём само это удивительное понятие, означающее великое множество всего. Например, «культура» означала в одном из своих первичных трактований ни много ни мало — возделывание земли (**земледелие** во всех смыслах: и землю ко-

¹ Рембо А. Пьяный корабль. Пер. В. Ю. Эльснера.

пать, и души человеческие возделывать, обрабатывать, почитать, выращивать, улучшать, совершенствовать). Сегодня мы этим словом называем в том числе и виды выращиваемых растений: зерновые, бобовые, плодово-ягодные, паслёновые культуры. С другой стороны, «культура» может отсылать корнями к понятию «культ» от богов (в древности) до личностей (в новое и новейшее время). Посредством культа создаются ценностные приоритеты, традиции, значимые предметы как в рамках мышления того времени, когда боги напрямую участвовали, жили, а иногда и сожительствовали с людьми, так и во времена царствования атеизма, агностицизма, технократизма и т. п. При этом культ всегда нёс в себе смысл улучшения человека, идею его формирования и установления связи и/или соотношения с эталоном и/или предком. В эпоху Просвещения активно стали появляться представления о культуре **в контексте критики процесса развития** — противостояние «природа vs культура» (например, Жан-Жак Руссо противопоставлял «естественное состояние» человека («природу») и его «искусственное», созданное обществом состояние («культуру»), говоря, что культура портит изначально добрую природу человека, считая цивилизацию в этом смысле злом). А вот И. Гердер видел в культуре **прогресс**, развитие человеческого рода, так сказать, путь **от варварства к цивилизации** че-

Культура в нашей (русской) традиции — это максимально всеобъемлющее понятие. Спорить о том, что какой-то вид, или аспект, или функция культуры являются наиболее важной её составляющей, — занятие не для слабонервных. Но при этом перед государственным управлением эта задача, безусловно, стоит.

рез развитие разума, наук, искусств и общественных институтов. Чуть позже «культура» приобретает множественное число (и начинает восприниматься в общественном пространстве как сложная, исторически сложившаяся система) и постепенно становится абстрактным понятием, описывающим **всё созданное человеком** в противовес природе. Рассматривая в таком свете, обычно культуру описывают/изучают через искусство или науку (уровень развития технологий), а также сам процесс (или этап) исторического развития общества. Только в **XIX веке** «культура» окончательно начала укрепляться в **научной среде** в таких дисциплинах, как антропология, этнография, социология и культурология. Пожалуй, можно сказать, что первое научное определение дал ей Э. Тейлор: «Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле складывается в своём целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества»². Начиная с XX века стали развиваться **различные научные школы и подходы** (эволюционизм, диффузионизм, функционализм, структурализм, семиотика и герменевтика, пост-структурализм, Франкфуртская школа) к изучению культуры, рассматривающие её как этап развития, явления, сферы деятельности, среды. Собственно, в такой исторической последовательности за понятием «культура» и закрепился целый комплекс функциональных, разнородных и системных значений. По-свое-

² Тейлор Э. Б. Первобытная культура. Пер. с англ. Д. А. Корочевского. — М.: Политиздат, 1989.

Советский плакат

му, это, конечно, хорошо, но с другой стороны, очевидна и слабость такого трактования: теперь мы спорим о том, что же называть культурой... А вот её функции чуть более очевидны:

- социально-адаптационная — формирование общества и поддержание его единства и идентичности;
- интегративная — синтезирование и объединение людей, практик, образцов, механизмов, смыслов и образов (отвечающих за чувство и понимание принадлежности);
- коммуникативная — сохранение, передача, тиражирование и распространение ценностей и общего «поля смыслов»; развитие и совершенствование языка, человека и общества через общение, знаки и символы;
- познавательная — формирование знаний и целостного представления о мире, народе, стране, эпохе;
- смыслополагающая (мировоззренческая) — поиск, систематизация, описание и предположение ответов на фундаментальные вопросы бытия, создание общего «поля смыслов»;
- аксиологическая — формирование ценностей и идеалов;

- регулятивная — формирование системы норм поведения, требований, правил и законов общества, относящихся ко всем индивидам во всех областях жизни и деятельности;
- оценочная — осуществление возможности дифференциации «свой-чужой» на основании мировоззрения и ценностей;
- игровая — изменение окружающей среды и/или способа её (и/или себя) восприятия; творческое, а также упорядоченное действие; механизм восприятия и присвоения; компенсаторно-развлекательная составляющая.

В этих функциях просматриваются два лица античного Януса: одним лицом культура вбирает всё сотворенное человеком и систематизирует в своей онтологии, с другой стороны — является активной средой, обеспечивающей формирование человека через систему своих результатов (продуктов культуры). Для описания такой сущности ещё можно привести иллюстративный пример метафоры «ленты Мёбиуса», переводящей разные поверхности в плоскость одного измерения и одной границы: непонятно, где внутреннее, где внешнее, правое — левое, где начало, от которого нужно плясать, но понятно, что можно это делать из любой точки.

Важным стоит отметить то, что культура включает не только предметные результаты деятельности людей (машины, технические сооружения, результаты познания, произведения искусства, нормы права и морали и т. д.), но и субъективные человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности (знания и умения, производственные и профессиональные навыки, уровень интеллектуального, эстетического и нравственного развития, мировоззрение, способы и формы взаимного общения людей в рамках коллектива и общества).

«Культуру(ы)» можно также выделять и классифицировать по основаниям: **содержание (материальное:** средства производства, инструменты, предметы быта, инфраструктура, хозяйство / **духовное:** знания, наука, искусство, религия, нормы, ценности, язык, идеи, образы, смыслы) и **носители (народное:** анонимность, традиционность, коллективность / **массовое:** коммерциализация, доступность, простота, серийность, развлекательность / **элитарное:** узкий доступ, авангардность, сложность воплощения и восприятия).

В некоторых случаях и в некоторых политических системах (в зависимости от придаваемого значения) культуру или операционализируют и встраивают в технологии («культура ест стратегии на завтрак»), или определяют в центр системы («Культура — это не просто украшение человеческого существования... а условие его возможности» — К. Ясперс; «Человек — это животное, зависшее в паутине смыслов, которую он сам сплёл. Я принимаю культуру за эту паутину» — К. Гирц), или уничтожают («Когда я слышу слово „культура“, я хватаюсь за пистолет»).

Культура в нашей (русской) традиции — это максимально всеобъемлющее понятие. Спорить о том, что какой-то вид, или аспект, или функция культуры являются наиболее важной её составляющей, — занятие не для слабонервных. Но при этом перед государственным управлением эта задача, безусловно, стоит. Функции, планы и результаты деятельности в государственном управлении в области культуры, несомненно, требуют чёткого описания и разграничения на всех уровнях власти. Мы долго находились в состоянии игнорирования значения культуры в области / как инструмента сохранения и развития системы общественного производства. «Культурка» позволяла нам затыкать дыры в событийном графике праздничных мероприятий и выпускать пар любителей позаниматься самодеятельностью. Мы финансировали

Мы не понимали, что технологии прошлого века не могут решать те задачи, которые должна решать культура. Мы не понимали, какие решения нужны. Когда мы стали разбираться в такой сложной сущности, как развитие общества, первое, что стало понятно, — это то, что ключевым вопросом станет культура и культурное производство.

учреждения культуры по остаточному принципу и не понимали, как работает культура и каковы её законы. Мы не понимали, что технологии прошлого века не могут решать те задачи, которые должна решать культура. Мы не понимали, какие решения нужны. Когда мы стали разби-

Ре-Ми. Рекламный плакат русского журнала по вопросам культуры и искусства «Аполлон», 1911 г.

раться в такой сложной сущности, как развитие общества, первое, что стало понятно, — это то, что ключевым вопросом станет культура и культурное производство. И простых решений сегодня нет. Как бы кому-то ни казалось, что можно просто нанести хохлому на ракету или перерисовать образы трёх богатырей на голливудский манер. Культура кажется простой для тех, кому она ведома издалека, но вот сущность её безмерно широка и глубока.

На одном из собраний преподавателей социальных и гуманитарных дисциплин прекраснейшая профессор (не исключаю, что с итальянскими корнями) бедкультурологии искренне высказывала претензии известнейшим политологам и мыслителям: «Я вообще не понимаю, зачем нужны все психологии, социологии, политологии. В культурологии всё уже сформулировано». И в чём-то уважаемая профессор, безусловно, права. Сущность культуры и вбирает в себя вклад человека в то, что не принадлежит именно этому человеку, и формирует каждого человека, позволяя ему принять то, что создано не им. Понятие «культура» позволяет вместить созданное предыдущими поколениями и всё то, что создаёт ныне живущее. Сформировать и синтезировать новую концепцию, в которой узнаваемы древние и заметны новые решения. Передать полученное следующим поколениям. Всё это — вечный, неостановимый процесс. Главный процесс для человека и человечества, выраженный в его языках. Тех самых языках, утрата которых означает утрату культуры. ●

Образование и культура

Стратегические основания суверенитета России в XXI веке

С. В. Володенков,
д.п.н., профессор Московского
государственного университета
им. М. В. Ломоносова

Глобальные трансформации современности привели к радикальной переконфигурации архитектуры национального суверенитета. В текущих условиях его понимание вышло за традиционные рамки территориальной целостности и формальной независимости в международных организациях. *Суверенитет в XXI веке представляет собой сложную многоуровневую систему обеспечения устойчивости и геополитического влияния государства.* Его структура включает сегодня в себя не только традиционные аспекты политической автономии, но и такие измерения, как цифровой суверенитет и информационная безопасность, экономическая независимость в условиях санкционного давления, а также технологический паритет, достигаемый за счёт развития научно-исследовательского потенциала.

В данной системе координат два элемента приобретают фундаментальное, хотя часто и недооцениваемое значение: *духовно-культурная идентичность и образовательный суверенитет.* Именно они формируют внутренний базис национальной устойчивости. Так, образование представляет собой не только процесс трансляции знаний, но и *ключевой механизм формирования национального сознания,* способного к критической рефлексии, сохранению исторической памяти и проектированию будущего на основе автохтонных ценностных ориентиров. Культура, в свою очередь, является не набором фольклорных элементов, а **глубинным кодом национальной идентичности,** выполняющим функцию

Васнецов В.М. «Крещение Руси», 1895–1896 гг.

иммунной системы против экзогенных идеологических воздействий, хранилищем исторического опыта и источником «мягкой силы» во внешней политике.

Синергетический эффект от взаимодействия сфер образования и культуры — в образовательных учреждениях, транслирующих ценности отечественной истории и литературы, в институциях (театры, музеи), сохраняющих культурное наследие, в научных школах, обеспечивающих преемственность исследовательских традиций, — составляет основу долгосрочной устойчивости и независимого развития Российской Федерации. Таким образом, данные сферы следует рассматривать не как социальные сервисы, а как *стратегические ресурсы обеспечения национальной безопасности и суверенитета современного государства.*

Цивилизационные истоки: культура и просвещение как основы русской государственности

Историческое развитие России может быть интерпретировано как процесс формирования и защиты уникальной цивилизационной модели, в котором культура и образование выполняли роль *базовых структур государственности*. Данные институты формировали национальное самосознание, устанавливали нормативные поведенческие паттерны, обеспечивали сохранение и трансляцию коллективного опыта, выступая, таким образом, в качестве *культурного генома*, определявшего траекторию развития нации на протяжении столетий.

Крещение Руси: формирование цивилизационных оснований

Принятие князем Владимиром христианства византийского обряда в 988 году представляло собой не просто религиозную реформу, но цивилизационный выбор экзистенциальной значимости. На территории Восточно-Европейской равнины, населённой разнородными славянскими, финно-угорскими и тюркскими племенами, связанными преимущественно данническими отношениями, Крещение стало *актом культурного и духовного самоопределения*, интегрировавшим Древнерусское государство в орбиту развитой византийской цивилизации.

Принятие христианства сопровождалось внедрением кириллической письменности. Данный инновационный прорыв обеспечил формирование *единого семиотического пространства*. Священные тексты, юридические кодексы («Русская Правда»), летописные своды («Повесть временных лет»), создававшиеся на старославянском языке, заложили основы об-

Историческое развитие России может быть интерпретировано как процесс формирования и защиты уникальной цивилизационной модели, в котором культура и образование выполняли роль базовых структур государственности.

Кустодиев Б. М. «Земская школа в Московской Руси», 1907 г.

щего исторического нарратива и правовой системы. Монастырские центры стали ключевыми узлами в системе распространения знания.

В стенах монастырей (Киево-Печерская лавра, Новгородский Юрьев монастырь) были организованы первые институты *систематического образования*. Монастырские школы выполняли функции не только подготовки клира, но и *скрипториев*, обеспечивавших копирование и сохранение книг, ведение хроник, перевод трудов античных и византийских авторов. Таким образом, они выступали в роли основных центров генерации и сохранения знания в средневековой Руси.

Православие обеспечило формирование *единой системы ценностных и нормативных ориентаций*. Общий пантеон святых, единый литургический язык и церковный календарь, почитание общих религиозных центров способствовали консолидации разнородного населения над племенными структурами. Христианские нормы и этические принципы формировали моральный каркас общества, способствуя интеграции разрозненных племён в единый народ.

Таким образом, Крещение Руси стало точкой бифуркации, инициировавшей процесс кристаллизации русской цивилизационной идентичности. Письменность, монастырское образование и унифицированная система ценностей создали прочный культурно-образовательный фундамент, на котором в дальнейшем строилась русская государственность. Это положило начало традиции, в ко-

Школа в царской России

Старое здание Московского университета

торой культура и просвещение осознавались как детерминанты не только развития, но и выживания и суверенитета.

Имперский период: культура и образование как факторы формирования национальной идентичности

Период XVIII–XIX веков характеризуется осуществлением масштабного *цивилизационного синтеза*. Реформы Петра I были направлены на модернизацию государства через интеграцию европейских достижений при сохранении национальных основ. Ключевым элементом данной политики стало осознание роли *светского образования как государствообразующей силы*.

Созданные в петровскую эпоху Навигацкая школа, Морская академия, а впоследствии Академия наук и художеств функционировали как *стратегические центры подготовки кадров* для флота, промышленности, дипломатии и науки. Их выпускники формировали основу имперской управленческой элиты. Развитие сети гимназий и университетов (Московский, Казанский, Харьковский) привело к формированию *массового для своего времени слоя образованной служилой элиты*, сочетавшей европейскую образованность с ориентацией на имперское служение и национальные интересы.

XIX век ознаменовался *интеллектуальным и культурным подъёмом*, сопоставимым по значимости с эпохой Ренессанса. Творчество А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. П. Чехова сформировало уникальный *культурный код русской идентичности*. Их произведения

Православие обеспечило формирование единой системы ценностных и нормативных ориентаций. Общий пантеон святых, единый литургический язык и церковный календарь, почитание общих религиозных центров способствовали консолидации разнородного населения над племенными структурами.

стали формой глубокой национальной рефлексии. Музыкальная (М. И. Глинка, М. П. Мусоргский, П. И. Чайковский) и художественная (передвижники) культуры трансформировали народные мотивы и исторические сюжеты в произведения мирового уровня. В данный период культура становится значимым компонентом геополитики.

Расцвет культуры был обусловлен наличием широкого образованного слоя, сформированного гимназиями и университетами. Литературные салоны, журналы («Современник», «Отечественные записки»), публичные лекции и библиотеки выступали в качестве *инфраструктуры национального интеллектуального дискурса*. Система образования готовила аудиторию, способную к восприятию и развитию сложных идей.

Влияние русской культуры золотого века вышло далеко за пределы империи. Произведения Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, музыка П. И. Чайковского, достижения русского балета получили мировое признание. Это позволило России осуществлять *геополитическое влияние не силовыми методами, а через*

«мягкую силу» культурного и интеллектуального превосходства, утвердив статус России как великой духовной державы.

Следовательно, имперский период демонстрирует, что образование представляет собой инвестицию в кадровый суверенитет и интеллектуальный потенциал нации, а культура является инструментом смыслополагания и основой глобального влияния. Петровские реформы и золотой век русской культуры были взаимосвязанными элементами проекта по строительству России как уникальной цивилизации, способной к адаптации внешних влияний без утраты собственной идентичности и к осуществлению собственного влияния на мир через силу духа и мысли.

Конструирование социальной реальности и национальной идентичности в СССР

Советский опыт в сферах образования и культуры представляет собой масштабный социальный эксперимент. Под лозунгом построения нового общества большевики предприняли попытку трансформировать сознание многомиллионного населения, используя школу и культуру в качестве основных инструментов модернизации и идеологического воздействия.

Кампания по ликвидации безграмотности (ликбез) 1920–1930-х годов являлась крупномасштабным проектом социального инжиниринга, образовательной революцией, заложившей основы модернизации страны. Создание рабфактов обеспечило доступ к высшему образованию для выходцев из низших социальных слоев. Достижение почти всеобщей грамотности к середине века стало фундаментальным условием для индустриализации, создания массовой армии и формирования единого информационного поля. Данные меры могут быть расценены как акт утверждения образовательного суверенитета, создавший человеческий капитал для технологического прорыва.

Советская культурная политика носила тотальный характер. Литература, кинематограф, театр, изобразительное искусство, массовая песня были ориентированы на конструирование советской идентичности и продвижение социалистической идеологии. Институты типа

Урок в советской школе.

Пролеткульта и творческих союзов стали инструментами централизованного управления культурным производством с целью формирования нового типа личности — советского человека. Культура стала эффективным инструментом мобилизации населения в периоды индустриализации и Великой Отечественной войны.

Уникальность советской модели заключалась в её системной целостности. Образование (от дошкольного до высшего) и культура (кинотеатры, дворцы культуры, библиотеки, СМИ) были интегрированы в единый государственный механизм. Унификация учебных программ, списков литературы и репертуарной политики обеспечила беспрецедентный охват, стандартизацию и подготовку миллионов специалистов.

Советская система продемонстрировала высокую эффективность образования и культуры как инструментов мобилизации и социального лифтинга. Она доказала способность инвестиций в массовое просвещение и культуру трансформировать аграрную страну в индустриальную и научную сверхдержаву, обеспечившую системную консолидацию перед внешними угрозами. Это был триумф системного государственного подхода. Однако жёст-

Каждый гражданин С. С. С. Р. должен помнить наше обещание тов. Ленину:

*„К 10-летию Октябрьской Революции
ни одного неграмотного в С. С. С. Р.“*

**Ликвидация неграмотности—
вопрос чести!**

**ЖЕНЩИНА!
УЧИСЬ ГРАМОТЕ!**

**ЭХ, МАМАНЯ! БЫЛА
БЫ ТЫ ГРАМОТНОЙ,
ПОМОГЛА БЫ МНЕ!**

**НЕГРАМОТНОСТЬ—один из наших злейших
врагов, и мы должны его УНИЧТОЖИТЬ
так же, как мы уничтожили других врагов!**

**Гомельский ГУБКОВ, ГУБИСПОЛКОМ и ГУБПРОФСОВЕТ
призывают всех честных и сознательных граждан С. С. С. Р.
принять САМОЕ ДЕЯТЕЛЬНОЕ УЧАСТИЕ в борьбе
с неграмотностью.**

**Общими усилиями мы УНИЧТОЖИМ величайшее зло—
НЕГРАМОТНОСТЬ!**

Оформитель: Е. С. Кругликова.

Иллюстрация: «Дружная семья», Ленинград. 1-я Государственная.

Литература.

Плакат Е. С. Кругликовой, 1923 г.

кая зависимость этой системы от не подлежащей ревизии официальной идеологии стала её уязвимым местом. Кризис идеологии привёл к системному кризису всей инфраструктуры просвещения и культуры, лишённой гибкости и внутренней свободы.

Советский опыт сформировал уникальное наследие: беспрецедентные достижения в ликвидации неграмотности, создание массовой системы образования и культуры, доказавших свою мобилизационную способность и роль в укреплении государственного суверенитета через формирование человеческого капитала и унифицированной идентичности. СССР доказал, что образование и культура являются столпами государственности, однако их устойчивость зависит от способности системы к развитию, диалогу и учёту внутреннего многообразия в рамках общенациональных целей.

Исторический императив: культура и знание как основы государственного суверенитета

Исторический анализ позволяет выявить устойчивую закономерность: *периоды расцвета и могущества Российского государства неразрывно связаны с эпохами подъёма национальной культуры и масштабного прогресса в сфере образования*. Принятие письменности и христианства в Киевской Руси; создание системы светского просвещения и золотой век культуры в императорский период; образовательная революция и мобилизационная мощь культуры в СССР — *все эти достижения базировались на признании знания и творческого духа в качестве краеугольных камней государственной мощи*.

И наоборот, периоды смут, упадка и геополитических неудач характеризовались деградацией этого фундамента: ослаблением образовательных институтов, разрывом культурной преемственности, идеологическим кризисом или прагматичным пренебрежением данными сферами. Когда государство начинает рассматривать образование как статью расходов, а культуру как факультативный элемент, ослабевает интеллектуальный и духовный потенциал нации, нарушается историческая преемственность, сокращается воспроизводство

Плакат И. И. Громицкого, 1930 г.

Советская система продемонстрировала высокую эффективность образования и культуры как инструментов мобилизации и социального лифтинга.

талантов, что в конечном итоге подрывает легитимность, обороноспособность и международный авторитет государства.

Обнаруживаемая корреляция носит не случайный, а причинно-следственный характер, подтверждённый историческим опытом России. Культура и образование представляют собой не сферу услуг, а *систему жизнеобеспечения государства*, его культурно-исторический код, определяющий способность к выживанию, адаптации и лидерству. Их развитие является стратегической инвестицией в суверенитет.

Пренебрежение же данными сферами ведёт к эрозии основ государственности, утрате национальной идентичности и в конечном счёте к исторической маргинализации. В условиях XXI века, характеризующихся битвой

Плакат, 1925 г.

Плакат А. А. Радакова, 1920 г.

нарративов и гибридными конфликтами, данный тезис звучит как императивное предупреждение: государство, утратившее связь с культурными корнями и переставшее инвестировать в национальный интеллект, обречено утратить субъектность и стать объектом внешнего влияния.

Образование и культура как интегрированная основа российской цивилизационной модели

XXI век трансформировал классические представления о геополитике и переопределил сущность государственного суверенитета. Если ранее он измерялся военной мощью и территориальным контролем, то сегодня ключевые конфликты разворачиваются в области идей, ценностей, исторической памяти и культурных кодов. Новые фронты пролегают в информационно-смысловом пространстве.

В новой реальности, где информационные потоки стали инструментом воздействия, а глобализация — вызовом для идентичности, образование и культура для России приобре-

тают характер судьбоносных элементов национального бытия — стратегического ресурса развития, ключевого актива национальной безопасности и суверенитета в его цивилизационном измерении.

Образование на протяжении веков выполняет функцию «фабрики суверенитета». Оно позволяет осуществлять подготовку не только квалифицированных специалистов, но и носителей уникального интеллектуального и ценностного кода — учёных, инженеров, управленцев, мыслящих в парадигме национальных интересов и опирающихся на отечественные научные традиции. Без такой «кадровой автономии» технологическое и экономическое развитие становится неустойчивым и зависимым от внешних решений. *Образовательный суверенитет является фундаментальным механизмом национальной безопасности и архитектором интеллектуальной независимости.*

Культура, в свою очередь, функционирует как система формирования «духовного иммунитета» и «мягкой силы». В условиях глобальной стандартизации она сохраняет ядро национальной идентичности — язык, историческую память, этические ориентиры, при

этом по-прежнему представляя собой эффективный инструмент притяжения и влияния на международной арене. В связи с этим *культурный суверенитет является жизненной необходимостью для нации в эпоху глобального ценностного кризиса.*

При этом важно отметить, что ключом к стратегической устойчивости российского государства является синергия между образованием и культурой. Образование, интегрированное в культурный контекст, формирует не просто грамотного, но и сознательного гражданина-патриота. Культура, опирающаяся на глубокие образовательные традиции, приобретает новую глубину и актуальность. Совместно они создают незыблемый фундамент суверенного государства в современном мире.

В условиях глобальной гомогенизации образование, насыщенное культурным контекстом, и культура, основанная на исторической правде, формируют духовный иммунитет нации. Они обеспечивают консолидацию не на основе лозунгов, а через глубинное понима-

В условиях глобальной гомогенизации образование, насыщенное культурным контекстом, и культура, основанная на исторической правде, формируют духовный иммунитет нации.

ние коллективной идентичности («кто мы?») посредством языка, литературы, исторической памяти и традиционных ценностей, выступая антитезой дезинтеграционным процессам и основой внутренней устойчивости. И только органичный синтез национально ориентированного образования и динамично развивающейся культуры способен сформировать цивилизационную цельность.

Данный синтез представляет собой не статичную основу, а динамичный фундамент, способный адаптироваться к тектоническим сдвигам XXI века. Именно на этой платформе может быть построена подлинно суверенная Россия: внутренне сильная, внешне авторитетная, уважаемая не за военную мощь, а за мощь духа и ясность мысли в многополярном мире. Пренебрежение этими сферами явля-

Григорьев С. А. «Обсуждение двойки», 1950 г.

ется не экономией, а саморазрушением. Их укрепление — императив национального выживания и процветания.

В настоящее время в России закладывается основа её будущего. Элементами этой основы являются не только технологические и инфраструктурные проекты, но и учебники, формирующие критическое мышление и историческое сознание; театральные и культурные практики, актуализирующие вечные вопросы; цифровые платформы, конструирующие «русский мир» в онлайн-среде; научные школы, решающие стратегические задачи развития. Укрепление образования и культуры позволяет России не просто строить государство, но и отстаивать право на собственную цивилизационную модель и исторический путь в условиях глобальных трансформаций. Это представляет собой высшую форму суверенитета в XXI веке.

В связи с этим недооценка вызовов в культурной и образовательной сферах или промедление в выработке адекватных ответов могут привести не просто к тактическим ошибкам, а к риску исторической маргинализации и утраты субъектности в глобальном масштабе. Только стратегическое и национально ориентированное развитие образования и культуры способно обеспечить качественный скачок от догоняющей модернизации к стратегии лидерства, основанной на собственном интеллектуальном и духовном капитале. От успеха данной миссии зависят конкретные исторические судьбы. Это мост к будущим поколениям, право которых — жить в стране, не только занимающей определённую территорию, но и задающей тренды, уважаемой как носитель уникальной цивилизационной модели и многовековой мудрости. ●

Кто мы?

А. Д. Харичев

Ещё недавно образование определялось как формирование неких профессиональных качеств выпускника, получение им массива знаний, необходимых для работы после окончания обучения. Сейчас же идёт возвращение к дидактике прошлого века, прямо востребованной укреплением суверенитета государства. Страна нуждается в подготовке специалиста, который является не просто приложением по обслуживанию чужих технологий, а человеком, который подобные технологии в состоянии разрабатывать. Не скопировать уже функционирующую систему, а создать собственную.

Как сказал ещё в 2018 году только назначенный ректором МИФИ Владимир Шевченко: «Человек не может стать инженером, если он не знает Льва Толстого». Нельзя стать управленцем на производстве — а в этом и состоит миссия инженера, — если не понимаешь устройства мира. В этой логике и появилось решение о социально-гуманитарном ядре высшего образования. Уже можно говорить как о свершившемся факте о таких дисциплинах, как «Основы российской государственности» и «История России». Необходимо ещё многое, например курс по российскому праву, по социальной психологии, основам культурологии, экономики. И особенно философии! В России после догматического преподавания марксизма-ленинизма есть некая предубеждённость к этой дисциплине. В корне поменять ситуацию может создание учебника по русской философии. Учебник должен содержать ответ на главный вопрос: кто такой человек и в чём на самом деле смысл его существования.

Сейчас много дискуссий на тему того, что ценности имеют значение. Много дискуссий о том, что если Россия претендует на статус цивилизации, то у неё должны быть свои, от-

личные от других и ценности. Есть разные дискуссии на эту тему. Но если оставить субъективные предпочтения, то несомненный интерес представляет исследование, недавно сделанное В. Э. Багдасаряном. Он методом экспертной оценки получил различия между нашим и западным миром (см. рис.1). Из его схемы видно, что самые принципиальные различия лежат в противопоставлении коллективизма индивидуализму, идеализма — рационализму и патриотизма — космополитизму. В общем, ожидаемые результаты по первым тройкам в России и на Западе. И эти результаты коррелируют с духовными ценностями из 809-го указа президента: для России первая тройка — это патриотизм, коллективизм и приоритет духовного над материальным, наш идеализм. Это то, что принято считать консервативными ценностями. А для либерального Запада в приоритете жизнь, гуманизм, права и свободы человека.

Спорить, что лучше, не имеет смысла. Разные цивилизации веками формируют свои ценностные установки. Но мне кажется, что коллективизм, если рассматривать его как коллективность, командность, — это замечательное конкурентное преимущество. Будущее безусловно не за одиночками, а за настоящими командами. Кроме того, в этом исследовании В. Э. Багдасарян попробовал сделать мировые шкалы цивилизационно-ценностного реостата. И хотя некоторые результаты получились довольно спорные, но в целом они допустимы и дают более объёмную картину. Например, японцы не склонны к милосердию, а у нас это настолько глубоко проросло, что искоренить уже невозможно. И с этим мы всю нашу историю живём. На этом реостате точно так же проявляются у разных народов индивидуализм и коллективизм. Что касается патриотизма, в Западной Европе национальные границы практически не существуют. Тако-

Россия и Запад: оцифровка традиционных ценностей

Россия

Запад

Рисунок 1

ва её специфика. И как следствие, они, безусловно космополиты. Мы больше патриоты. Живя на огромных пространствах, но в строго определённых границах, всю историю России вынуждены её защищать. Так устроена наша держава более тысячи лет. Антагонизма в этих проявлениях нет, есть разные приоритеты. И значит, в рамках мировой цивилизации можно выделить российский цивилизационный код.

Мы попытались за несколько итераций дать собственное толкование этому коду. В конечном итоге было выбрано 56 ценностей, которые мы считаем полной сборкой нашего цивилизационного кода.

Для нас жизнь стоит, оказывается, гораздо меньше, чем для человека западного. Мы считаем, что есть вещи поважнее, чем просто факт жизни. Это, по сути, основа любой веры. Поэтому мы определяем одну из составляющих нашего цивилизационного кода как веру.

На базе этих 56 ценностей у нас разные авторы строят разные модели, мне больше импонирует векторная модель (см. рис.3), которая несколько упрощённо, но строго оригинально показывает основы российского цивилизационного кода.

Первый вектор — рационализм и идеализм. Мы в большей степени мыслим образами. Это не о том, что у нас нет аналитических способностей. Безусловно, они есть. Но на протяжении всей нашей истории было принято мыслить представлениями, составлять идеальные картины будущего, часто иррационального. Именно отсюда постоянные попытки создать какую-то национальную идею и стенания, что нам её не хватает. На самом деле по поводу национальной идеи заморачиваемся только мы. Это нам нужно строить либо коммунизм, либо царство Божие на земле, ну в крайнем случае Европу от Лиссабона до Владивостока. Нужно стремиться к идеальному, всеохватному, всеобщему. Счастья всем, и пусть никто не уйдёт обиженным. Никому больше это всерьёз в голову не прихо-

дит. А если и приходит, то всё-таки в первую очередь для самого себя.

Мы как-то привыкли, что нам нужен некий светлый образ, к которому мы всё время стремимся и которого никогда, наверное, не достигнем. Поэтому на изображении реостата мы ближе к полюсу идеализма, чем рационализма. Этот императив можно назвать верой. И не только потому, что «Умом Россию не понять, // Аршином общим не измерить: // У ней особенная стать — // В Россию можно только верить». Объяснить иначе нашу интенцию в плане служения, нашу жертвенность, наш героизм по-другому крайне сложно.

Для нас жизнь стоит, оказывается, гораздо меньше, чем для человека западного. Мы считаем, что есть вещи поважнее, чем просто факт жизни. Это, по сути, основа любой веры. Поэтому мы определяем одну из составляющих нашего цивилизационного кода как веру. А если мы говорим о вере, встаёт сразу мировоззренческий вопрос о том, мы смертны или нет. И о каком бессмертии — религиозном или гражданском — идёт речь? Мне ближе тема гражданского бессмертия. Мы можем быть бессмертными в наших детях, в наших поступках, в наших делах. И если мы считаем, что мы живём, пока о нас помнят и помнят о том, что мы делаем, то это, пожалуй, ответ на вопрос: «Считаем ли мы себя смертными или считаем, что бессмертие существует?» Это действительно философская проблема, поэтому для нас слово «вера» является достаточно точным определением на этом векторе рационализма и идеализма.

Второй вектор — индивидуализм и коллективизм. Я уже упомянул, что считаю это нашим конкурентным преимуществом. В России под общим наименованием «мир», помимо прочего, подразумевалась и община, общество, и то или иное пространство, вселенная. В разные годы нашей истории это качество называли соборностью, народностью, общинностью. Потом говорили, что это коллективизм, коммуначество. Сегодня чаще используют термин «командность». Работа в команде, умение работать в команде и за команду — конечно, тема настоящего и будущего. Для нас в последние десятилетия становится очевидным, что двигатель развития не конкуренция, а партнёрство. Это тоже про коллек-

Мировые шкалы цивилизационно-ценностного реостата

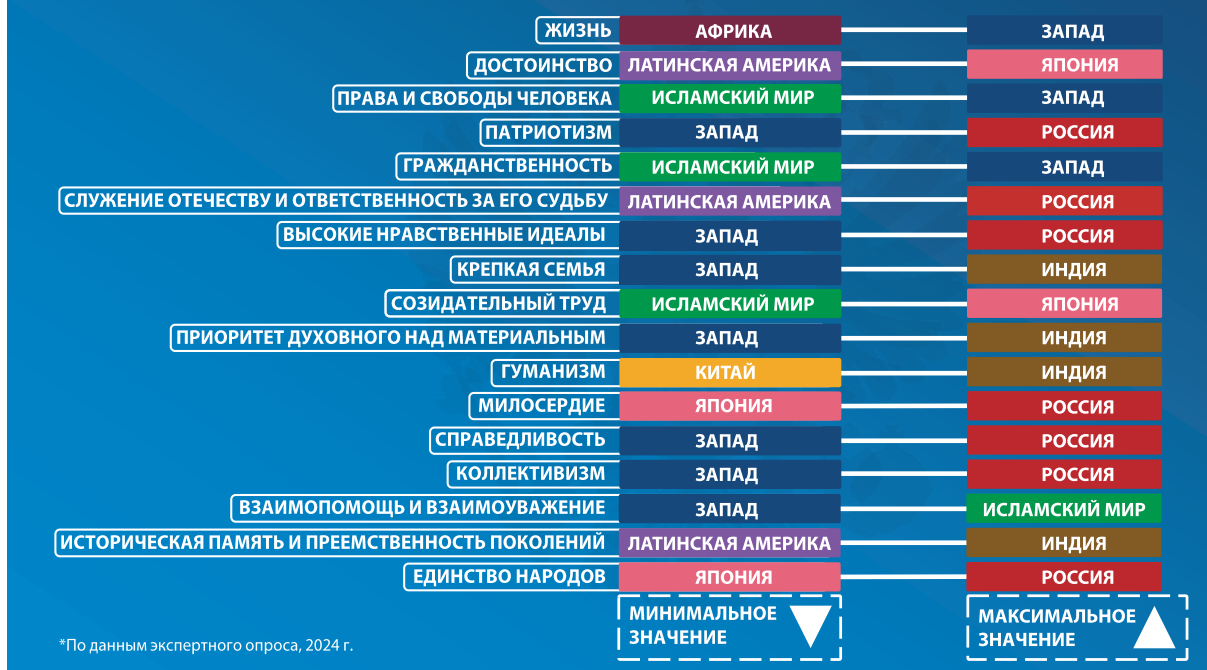

Рисунок 2

тивность, про семейность. Семейность — это вообще наша черта, потому что мы живём маленькими группами, собираясь вместе на кухне или на даче. Мы так привыкли. И семья для нас несколько больше, чем просто родственники. В семью могут входить близкие друзья и даже коллеги. Так устроен наш мир. Поэтому, когда президент говорит, что Россия — семья семей, он имеет в виду не только наше многонациональное единство и разнообразие. Он имеет в виду, что Россия состоит из этих малых групп друзей, коллег, родственников, которые образуют всю эту совокупность под названием Великая страна. Отсюда наша полифоничность, умение жить в таком мире, где существует множество народностей, национальностей. Мы приспособились к этому, мы сумели, не попирая друг друга, не нарушая своих культурных различий, сосуществовать. И в этом нашем многообразии есть ещё одно наше конкурентное преимущество, источник развития. Поэтому мы называли этот императив семьёй, семья как «семь „я“», как команда. Мне это кажется более удачным названием, чем более привычное «мы».

Следующий вектор — это формальная и моральная нормативности. Для русского человека важнее дух закона, чем его буква. Важно не соблюдение регламентов и процедур. Важ-

на правда. Мы руководствуемся скорее десятью библейскими заповедями, чем 282 законами Хаммурапи. Когда мы что-то нарушаем, то нас это угнетает и вызывает дисгармонию, только если наша совесть нам говорит, что мы поступили неверно. Но нас совсем не беспокоит, если нарушаем одну из 282 кем-то сформулированных инструкций для жизни, особенно если это осталось незамеченным.

Мы ближе к моральной, чем к формальной нормативности. У нас не принято стоять на красный свет, если на улице нет автомобилей. Мы не очень ладим с регламентами и прочими инструкциями. Но зато у нас есть в языке такое понятие, как «совесть». И отсюда наше такое стремление к справедливости, честности и уважению. Эти ценностные установки доказаны многочисленными социологическими исследования о запросах нашего общества. Ничего другого. Мы назвали этот императив несколько популистски — «правда». Но этот термин охватывает все перечисленные ценностные ориентации. И конкурентное преимущество правды для нас неоспоримо. Как в известном фильме: «Вот скажи мне, американец, в чём сила? Разве в деньгах? Вот и брат говорит, что в деньгах. У тебя много денег, и чего? Я вот думаю, что сила в правде: у кого правда, тот и сильнее!»

Цивилизационный код России

Рисунок 3

Следующая пара векторов сложнее, мы её назвали «зависимое и независимое развитие». У неё более выраженный исторический контур. Допустим, Молдавия всегда существовала в зависимом положении. То от Турции, то от Румынии, то от России, сегодня от Евросоюза. Она настолько смогла привыкнуть к подчинённости, что уже может не увидеть возможности свободного существования. А есть страны, которые привыкли за свой суверенитет и за свою независимость всю историю бороться, особенно страны с большими границами. Россия всю свою историю постоянно отстаивала свой суверенитет. В наш цивилизационный код вошло стремление быть суверенными, быть независимыми, даже просто быть страной с собственным «я». У вас католицизм — у нас будет православие, у вас капитализм — мы будем строить социализм. Вот эта наша самость является той основой, под которой мы понимаем патриотизм. Любовь к Родине, ответственность за её судьбу — эти исторически выстраданные чувства у человека возникают совершенно осознано. Поэтому мы совсем не космополиты, а патриоты, привыкшие иметь собственное «я» и отстаивать

независимость своей страны. Конкурентно это преимущество или нет, не знаю. История, наверное, рассудит. И Родина — конечно же, понятие, имеющее главный смысл в нашей системе идентичности. Президент точно сказал: «Патриотизм — наша национальная идея».

Ну а следующий вектор касается свободы. Свободы «от» или свободы «для»? Свобода от чего-то (очевидно давящего, ограничивающего, угнетающего) или свободы воли? Скорее, мы ближе к правому полюсу, к тому, что касается свободы воли. Так сложилось, что воля имеет для нас большую ценность. Ещё Данилевский обосновал влияние климатических и географических факторов на нашу цивилизацию. Мы можем терпеть, стойко переносить все тяготы и невзгоды, а в какой-то момент (или когда, как говорится, припрёт) можем мобилизоваться и совершить подвиг. Но к системной работе мы не очень привычны. Наверное, из-за этого и многие наши беды. Для нас проблематично не придумать уникальное устройство, а запустить его в серию и сделать его максимально дешёвым. Не думаю, что это наше безусловное конкурентное преимущество, но умение выйти из зоны ком-

Структура российской цивилизации

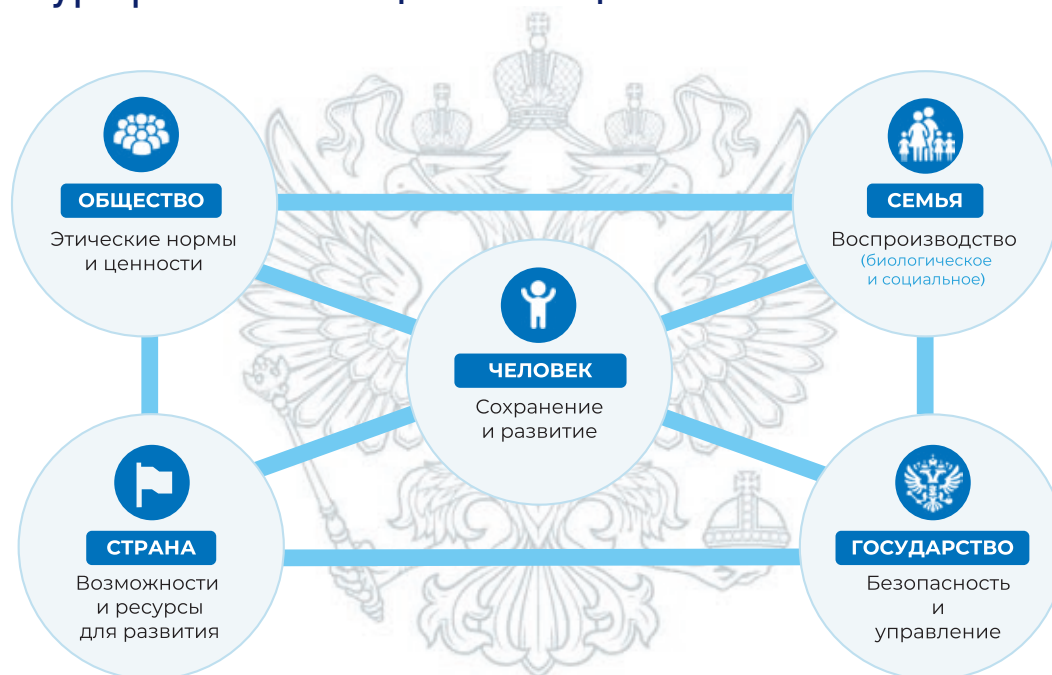

Рисунок 4

форта, проявить волю — это всё-таки, мне кажется, ценное качество.

Теперь о том, какие вызовы стоят перед нашей цивилизацией, если рассматривать её через пятиэлементную модель.

Первый вызов — перед обществом. Много написано про расколы и противоречия. По сути, перед обществом один серьёзный вызов, он называется просто — гражданская война, разъединение людей, разделение страны, утрата способности бороться за своё сохранение и развитие. Мы переживали это в своей истории минимум дважды: в XVII и XX веках. И кто сказал, что это не может произойти вновь? Вызвано это может быть какими угодно условиями: конфликтами на национальной или религиозной почве, межпоколенческими или имущественными противоречиями. Но это тот риск, точнее вызов и угроза, который присутствует всегда для любой социальной системы.

Вызов перед страной — это утрата суверенитета. Какого угодно — военного, территориального, политического, культурного суверенитета. Если бы не случилось СВО, то, пожалуй, можно было констатировать тот факт, что Россия в течение какого-то — нельзя сказать, что очень большого — времени потеряла бы свой политический суверенитет. Элита России

Вызов перед страной — это утрата суверенитета. Какого угодно — военного, территориального, политического, культурного суверенитета. Если бы не случилось СВО, то, пожалуй, можно было констатировать тот факт, что Россия в течение какого-то — нельзя сказать, что очень большого — времени потеряла бы свой политический суверенитет.

была настроена исключительно на то, чтобы отправлять детей учиться за границу, формировать себе за рубежом пенсионную структуру. Кто побогаче — где-нибудь на Лазурном Берегу, кто победнее — в Черногории. То есть мы просто теряли элиту. После окончания лучших физматшкол до 70% выпускников уезжали учиться за границу. И практически не возвращались. Через какое-то время мы окончательно утратили бы свой потенциал и экономический, и технологический, и политический.

Для России СВО оказалось очищением. Повторюсь, утрата суверенитета — это глав-

Цивилизационная формула России

Рисунок 5

ный вызов, который стоит перед страной, другого нет. Подвиг наших ребят состоит ещё и в том, что они спасли наше сознание. Просто потому что каждый говорящий о прелестях глобализации и поездок в Европу хотя бы думает о том, что в это время под обстрелом и объективом БПЛА находятся люди, которым важнее Родина, чем вечеринка на Мальдивах. Хотя бы потому, что наши ребята воюют в том числе и для того, чтобы у нас была возможность и праздновать, и быть счастливыми.

Вызов перед семьёй — это, конечно, то, что называется депопуляцией: отказ от семьи, отказ от детей, от мужа — это общемировая проблема воздействия глобалистического эксперимента. Сегодня даже КП Китая серьёзно рассматривает вопрос падения рождаемости, объясняя это просто. Женщины в крупных городах не хотят образовывать семьи. Они живут, удовлетворяя свои потребности, делая карьеру. Ближе к 30 годам они рожают ребёнка от кого-нибудь либо от взятой спермы из банка данных. Неполная семья стала нормой. Они рожают одного ребенка и говорят, что этого достаточно. А муж — дополнительная обуза, которому надо стирать носки и готовить еду. И если ещё недавно в Китае боролись с неконтролируемой рождаемостью, то теперь серьёзно озабочены её падением. А на фоне прогрессирующей инфантильности, молодежного культа «лежать на спине», работать «на уда-

лёнке» эта история превращается в проблему, которая, увы, не чужда и нам.

Депопуляция может быть вполне модной, красиво сложенной интервенцией в сознание. Вирусом, поражающим мышление неадекватным и непродуманным конструктом. Сегодня в Европе набирают силу движения, которые не подразумевают рождение детей или создание семьи, печально известные как «чайлд-фри». Россия ведь не только из-за того против ЛГБТ, что это считается аморальным. У нас давно нет за это уголовной ответственности. Но пропаганда такого образа жизни, втягивание в него не разобравшейся в себе молодёжи просто ведёт к демографической яме и к уничтожению нашего народа, нашей культуры, страны. Поэтому мы будем всегда против, это неизбежно. Иначе мы умрём. Иначе страна просто погибнет.

В том, что касается государства, главный вызов — утрата доверия власти и слом политической системы. История, понятная всем. О революциях и смуте мы уже говорили. Власть в западной трактовке и концепциях (в том числе принятых и нашими «гуманистами») понимается как нечто чудовищно угнетающее. Насилие. Безличностный и неодушевлённый голем. Но давайте понимать, что власть — это институт организации взаимодействия людей, исторически сложившихся в рамках определённой культуры и языка.

Ключевые идеологические линии государственной политики

Рисунок 6

Власть, конечно, можно узурпировать и отделить от граждан. Но такие системы не живут. Власть всегда и во все времена базировалась на доверии одних людей другим людям. Наделает исполняющих властные функции обязанностями и теми полномочиями, которые нужны для исполнения этих обязанностей. И институты власти (управления) — это необходи-

Депопуляция может быть вполне модной, красиво сложенной интервенцией в сознание. Вирусом, поражающим мышление неадекватным и непродуманным конструктом.

мый и на самом деле естественный механизм обеспечивающий сохранение и развитие. Не напрасно говорят о том, что властей множество. Есть и четвертая власть — журналистика. И пятая власть — учителя. И этот список не закрыт. А проблема утраты доверия между людьми, осуществляющими властные полномочия, и теми, кто им эти полномочия доверил, — это проблема и вечная, и актуальная для любого государства. И если вдуматься, то утрата доверия государству — это утрата доверия к состоятельности гражданина. Обоюдоострая и опаснейшая угроза. Тем, кто, зани-

маясь разрушениями государств на протяжении последних десятилетий, формирует свою финансовую империю, эти законы хорошо известны. Только для нас их усилия означают лишь то, что мы способны и должны различать реальные проблемы доверия и искусственно созданные нарративы, разрушающие наш мир.

Для человека вызов сложнее, это расчеловечивание. Сошлюсь на Эммануэля Тодда (ну точно совсем не русского): он привёл убедительные примеры относительно того, к чему ведёт неуправляемая свобода. Считалось, что безграничная свобода позволяет также безгранично расширяться и увеличиваться личности. Как показывает Тодд в своих работах, всё происходит с точностью до наоборот. Личность расширяется и увеличивается только работой в команде, а не от получения личной свободы. Только в коллективе, в социальных связях она способна расширяться. Если личность атомизируется, то она, наоборот, сужается, скукоживается. Выводы, к которым пришли наши коллеги на Западе, — что самая главная беда либерального общества — разрушение личности на фоне массовой десоциализации.

Атомизация и расчеловечивание людей могут происходить по разным направлениям. Человек может превратиться просто в субъект потребления продуктов и услуг. В общем-то, к этому ведут наши маркетинговые, вся сегодняшняя торговля и реклама. Вполне

себе такое общество потребления, где человек просто субъект потребления.

Вторая история — это виртуализация человека, когда в силу развития информационных систем и систем коммуникации человеку приятнее находиться в виртуальном мире, чем в действительном. И, уходя в этот виртуаль-

Надо делать акцент не только на военной патриотике, но скорее на гражданско-патриотическом и духовно-патриотическом воспитании, которое немыслимо без мировоззренческих аспектов.

ный мир, он перестаёт быть человеком, становится виртуальным аватаром. Вот это расчеловечивание, конечно, опасно. Нельзя сказать, что это уже сегодняшний день, это про завтра. И нам придётся решать эту проблему и как-то справляться с этим вызовом.

Ответы на вызовы

Что касается ответов на вызовы, они не инструментальные, а скорее идеологические. Они могут базироваться только на собственном цивилизационном коде. Если ответы базируются на чём-то чужом, то тогда они не смогут противостоять этим вызовам и не смогут быть адекватными. И если уж говорим про общество, то настаиваем на концепции «мы».

Необходимо формирование солидарного и сплочённого общества. Поэтому мы продвигаем волонтерские штабы, поддерживаем движение «Мы вместе». Из этого вытекает наша идеология «Своих не бросаем», ориентация на сплочение, на солидарность, на формирование общества именно таких установок. Иначе нам легко могут навязать конфликт и раскол.

Что касается страны, это, безусловно, формирование патриотических установок и патриотическое воспитание. Я думаю, что уже близко то время, когда появятся у нас федеральные законы о патриотическом воспитании, где всем органам государственной власти, образовательным учреждениям и прочим общественным и государственным структурам будут описаны цели и задачи, и даже

ключевые показатели эффективности для формирования патриотических установок. Главное на этом пути — не гнаться за мероприятиями и количеством людей, потому что это приведёт только к отторжению и слому. В Союзе русского народа накануне 1917 года было, по-моему, 2,5 миллиона человек. И мы праздновали 300-летие дома Романовых, и множество патриотических и православных праздников, регулярно посещали храмы, массово участвовали в крестных ходах. Можно вспомнить патриотический подъём накануне и в первые годы Первой мировой войны... Но случился слом системы, и в течение нескольких месяцев в стране восторжествовало безбожие и хаос. То же самое было и в Советском Союзе: праздновали советские праздники, отметили 110-летие В. И. Ленина, провели замечательную Олимпиаду в 1980 году. Мы строили коммунизм, отрицали Бога, КПСС насчитывала 18 миллионов штыков, но всё случилось очень быстро и трагично.

Надо делать акцент не только на военной патриотике, но скорее на гражданско-патриотическом и духовно-патриотическом воспитании, которое немыслимо без мировоззренческих аспектов.

Если мы говорим про государство, то неизбежно упираемся в проблему меритократии. Должности и влияние должны распределяться по принципу достижений, заслуг и таланта, а не по происхождению или связям. Возведя меритократию в принцип, президент создал открытый конкурс для руководителей нового поколения «Лидеры России», поэтому у нас идёт уже седьмой набор в «Школу губернаторов». Мы собеседуем, загоняем кандидатов в естественный отбор, учим их... Потому что нам нужны в управленческом звене профессионалы, которые имеют моральный авторитет.

Ну и про человека... Надо воспитывать человека будущего, не виртуального, не биоробота, а человека, который бы отвечал задаче сохранения и развития нашей цивилизационной системы. Мы набросали список из семи элементов, которые нам кажутся самыми существенными и самыми главными (рис. 7). Нам нужны патриоты, не диванные, а деятельные, готовые отвечать за себя, свою семью и свою страну.

Многонациональность — это на самом деле наше конкурентное преимущество.

Человек будущего и ценностные ориентации, которые он разделяет

1 ДЕЯТЕЛЬНЫЙ ПАТРИОТИЗМ

Ценность личной сопричастности к судьбе России, любовь к Родине, гордость за свою страну, ответственность за её судьбу

2 СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ ТРУД И СЛУЖЕНИЕ

Служение как высшая форма самореализации в созидательном труде

3 КОМАНДНОСТЬ («МЫ»)

Как взаимопомощь и взаимоуважение. Сплоченность и солидарность

4 ЕДИНСТВО НАРОДОВ

Наша сила, наша уникальность, повод для гордости и источник развития. Россия – семья семей

5 СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ И ТРАДИЦИОННЫЕ НРАВСТВЕННЫЕ НОРМЫ

Значимость семьи и детей (от трех детей и более)
Опора на совесть и морально-этические нормы

Рисунок 7

В этом наша сила, в этом многообразие культур, традиций и того, что мы разные. Когда мы разные, это взаимно обогащает нас. Если мы не заикливаемся на том, что нас разъединяет, а ищем в соседях то, что отличает нас друг от друга, но при этом является уникальным и полезным для всех, тогда это наша сила.

Приоритет определённых норм нравственных — тут скорее от противного. Нам нужна нетерпимость к любому религиозному радикализму, сектантству и экстремизму.

Семейные ценности — это единственный ответ на вызов депопуляции. Нам нужны традиционные ценности семьи популяризировать. А это комплексная история. Она предполагает определённые и агитационные, и пропагандистские мероприятия, вплоть до того, что в рекламе не размещать семьи с одним или двумя детьми. И не снимать фильмы, где будет один или два ребёнка, а чтобы было трое детей. В общем, заниматься этим пропагандистски системно, может, даже тотально создать моду на многодетные семьи. Второе — конечно, нужна мотивация. И прежде всего это касается жилья. Нужна соответствующая компенсация ипотечных кредитов, нужен начальный капитал, нужен целый ряд действительно дорогих мер, которые приводят к эффекту. Ну и скажу парадоксальную, казалось бы, вещь, но она очень правильная.

Нужны консультации не только для женщин, но и для мужчин, потому что мужское здоровье — сильный ограничитель рождаемости, как показывает опыт и практика наших людей, врачей, которые этим занимаются.

И последнее, но точно не менее важное, а скорее наоборот, — служение. Очень важная история. Мы говорили о том, что мы идеалисты, что нам нужна всегда какая-то верхняя цель. Мы недавно проанализировали различные наши профессии и пришли к выводу, что для более чем 70% работников на разных предприятиях и в разных организациях возможно служение. Военный служит Родине в идеале. Чиновник — народу, актёр — искусству, учёный — науке, врач — здоровью людей, учитель — детям... То есть если мы посмотрим на множество профессий, которыми люди занимаются, то оказывается, что служение присуще очень многим из них.

Может быть, пришло то время, когда из нашего оборота и нормативных актов должны исчезнуть такие фразы, как «медицинские или образовательные услуги». Нет услуг медицинских, нет образовательных, а есть служения. Мне кажется, что когда это случится, когда мы повернёмся в эту сторону всерьёз и надолго, то это будет большим импульсом для нашего развития, для формирования человека будущего. ●

Инженер для государства:

Humanitarian cogito ergo sum

Социально-гуманитарное образование — это один из ключевых элементов формирования государственного мышления, гражданской идентичности и способности выпускника решать комплексные задачи национального масштаба.

В. И. Шевченко,
д.ф.-м.н., ректор НИЯУ МИФИ

А. А. Ларионов (иеромонах Родион),
к.ф.-м.н., канд. богословия,
директор Института фундаментальных проблем
социогуманитарных наук НИЯУ МИФИ

Современный вызов для ведущих технических университетов России, к числу которых относится и Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», заключается не только в подготовке высококлассных исследователей и инженеров, но и в формировании нового типа руководителей научных коллективов для решения государственных задач и обеспечения стратегической национальной безопасности.

Безусловно, что для такого университета, как МИФИ, фундаментальная физико-математическая и инженерная подготовка остаётся ядром профессиональных компетенций нашего выпускника. Однако если представить себе, что подготовленный нами специалист создаёт технологически безупречный продукт, но не может ничего сказать о его ценности, экономической эффективности, рыночной востребованности, месте в общем контексте

развития глобальной науки и комплексе государственных и общественных задач, — такой продукт рискует оказаться решением в поиске проблемы, не вписанным в реальность «сферическим конём в вакууме». Именно отсюда проистекает насущная потребность в формировании различных типов мышления для инженера, он должен уметь видеть любую решаемую задачу в широком наборе различных контекстов: научно-техническом, экономическом, государственном, этическом и т.д. Это вдвойне важно для работ, направленных на обеспечение национальной безопасности и технологического суверенитета страны.

Историческое наследие

В Советском Союзе существовала система инженерно-технического образования, создававшая «армии бойцов научно-технологического фронта». Инженеры, конструкторы и исследователи поддерживали гигантскую советскую техносферу, многими плодами которой мы пользуемся до сих пор. Изначально дизайн этой системы предполагал, что создатель технологий должен быть погружён в гуманитарную повестку и ему полезно задумываться о смысле и ценности своей деятельности. Однако на практике эта глубокая идея была заменена набором советских идеологических догм, чуждых реальной академической среде. Система, при всех её сильных сторонах, имела фундаментальный изъян: редуцируя реальность в угоду идеологическим доктринам, она закрывала или тормозила до-

Миссия НИЯУ МИФИ — обеспечение стратегической национальной безопасности Российской Федерации через комплексное превосходство в высоких технологиях.

Осознание необходимости интеграции социогуманитарных знаний наталкивается на ряд глубоких системных вызовов.

ступ ко многим возможностям. Она не учила критически осмыслять свои основания, а навязывала готовые, не подлежащие сомнению ответы. Драматические истории с советской генетикой и кибернетикой, практически полное уничтожение русской богословской науки — наиболее яркие примеры. И уже тогда, сначала в шутку, а потом вполне всерьёз, возник знаменитый разлом «физики — лирики».

Разрушение советского государства и иллюзия поражения СССР в холодной войне привели к другой крайности. 13-ю статью Конституции Российской Федерации — «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» — стали толковать как полный отказ от национальной самоидентификации. В 1990-е годы в системе высшего образования дисциплины, формирующие государственное мышление, были отменены. Кроме того, преподавательский корпус во многом формировался по остаточному принципу, что привело к отрицательному отбору содержания и методик в учебном процессе. Проблема воспитания личности вообще оказалась на периферии образовательной повестки. В то же время значительная часть отечественной гуманитарной науки тихо стагнировала на соответствующих факультетах классических университетов,

Нильс Бор
и Эйнштейн в доме
Пауля Эренфеста
в Лейдене. 1925 г.

И. В. Курчатов
и П. Л. Капица

Вернер Гейзенберг

углубляя разрыв между реальностью и социально-гуманитарной академической средой. Широко известные казусы так называемых новых хронологий — характерные индикаторы этого разрыва. Тренд непонимания со стороны академического сообщества технических университетов усиливался: зачем инженеру нужны такие дисциплины?

Фундаментальные навыки

У наших студентов, сконцентрированных на профильных предметах (физика, математика, информатика), выработался стереотип восприятия социально-гуманитарных предметов как скучных и бесполезных. Это происходит из, казалось бы, железной логики: время не резиновое, а технарю нужны прежде всего технические знания. Чем больше их будет, тем лучше и «дороже» этот специалист. Однако надо признать, что это очень узкое, «лаборантское» понимание роли инженера и тем более исследователя. Если же смотреть на задачу шире — не просто как на подготовку квалифицированного исполнителя, а как на формирование творца, визионера, архитектора технологического будущего, способного двигать вперёд целые отрасли и обеспечивать суверенитет государства, — картина

кардинально меняется. Ответ на студенческое недоумение кроется в самой сути гуманитарного знания, которое не создаёт абстрактного зрудита, а формирует мышление.

Исаак Ньютон, Блез Паскаль, Нильс Бор, Вернер Гейзенберг, Альберт Эйнштейн (и очень многие другие) — титаны, на чьих плечах стоит современная физико-математическая наука, — были людьми глубоко и разносторонне образованными. Они знали древние языки, интересовались философией, теологией, метафизикой, играли на музыкальных инструментах и т. д. Можно точно сказать, что

Уровень Сократа:

«Я знаю, что я ничего не знаю».

Социогуманитарное знание

позволяет подняться на этот уровень.

обладание различными типами мышления не помешало им достичь выдающихся научных результатов, а скорее всего, напротив, способствовало этому.

Есть чёткое методологическое различие между человеком с настоящим университетским образованием и без него. Первый хорошо знает и принимает как факт, что в мире существует бесконечное количество вещей, о которых он ничего не знает. Это дарует глубокое благоговение, созидательное смирение и пытливые удивление перед непознанным, присущие всем великим ученым. «Не знаю, кем я кажусь миру, но сам себе я кажусь мальчиком, играющим на морском берегу, который развлекается тем, что до поры до времени отыскивает камешек или раковину более цветистые, чем обыкновенно, в то время как великий океан истины расстилается передо мной неисследованным» — эта цитата Исаака Ньютона как нельзя лучше иллюстрирует мысль выше. Более того, обретая навык использования этих качеств, человек может перейти на новый уровень восприятия реальности, связанной с определенным видением. Второй же живёт в парадигме «когнитивного нуля»: если он чего-то не знает или не понимает, то в его картине мира этого и не существует. Мир такого человека ограничен его непосредственным опытом и набором известных ему формул. «Если я чего-то не понимаю,

значит, это неважно, значит, меня это не касается, значит, это несущественно».

Для инженера-исполнителя, «нажимающего на кнопки», приписка чужой технологии, такого мышления может быть и достаточно. Правда, есть риск, что уже совсем скоро искусственный интеллект и автоматизация вытеснят таких «специалистов» с рынка навсегда. Но для инженера-исследователя, который должен ставить и решать принципиально новые задачи, такое мышление подобно приговору. Оно не позволяет увидеть проблему под другим углом, выйти за рамки дисциплины, заметить то, что не укладывается в привычную парадигму. По меткому замечанию **Пиамы Гайдено**, которая занималась исследованием структуры и законов развития естественно-научных программ, «хотя научное исследование и может подчас происходить без специальной философской рефлексии относительно своих собственных оснований, но только до определенного момента: у тех, кого мы справедливо относим к классикам науки, забота о теоретическом обосновании собственной деятельности составляет важный момент последней».

Ярчайший исторический пример неспособности выйти за рамки собственной системы мышления — пример пифагорейцев — первой системной научной школы, которая ввела в математику понятие доказательства. Их картина мира была построена на гениальной и красивой формуле «всё есть число», под которым понимались отношения натуральных чисел (рациональные числа). Это было знамя и квинтэссенция одной из естественно-научных программ Античной цивилизации — платоно-пифагорейской математической программы.

Модель прекрасно описывала мир, пока не нашёлся человек, который задал простой, но разрушительный вопрос: а каким числом выражается длина диагонали квадрата со стороной единица? Оказалось, что это число — корень квадратный из двух — невозможно выразить отношением двух натуральных чисел. Такие числа называются иррациональными. Это открытие повергло школу в такой ужас, что, согласно преданию, несчастного первооткрывателя сбросили с корабля, дабы скрыть «опасное» знание.

Платон и Аристотель. Рафаэль Санти «Афинская школа», фреска, 1510–1511 гг.

В чём причина этой трагедии? Пифагорейцы активно пользовались своим инструментом — числами, — но не дали ему полного определения, не осмыслили его границы и ограничения. Они столкнулись с тем, что их инструментарий и их картина мира оказались недостаточны для описания реальности. Неспособность рефлексировать по поводу своих собственных оснований привела к кризису и попытке уничтожить то, что этому основанию противоречит. История науки соткана из подобных примеров.

Прямая параллель с современностью очевидна. Инженер, блестяще владеющий методами классической механики, но не способный усомниться в их универсальности, окажется беспомощен перед лицом задач, требующих квантового или релятивистского подхода. Он будет пытаться вписать новую реальность в старые схемы, и его ждёт неудача. Гуманитарное образование, через изучение истории науки и философии, даёт некоторый иммунитет к такой катастрофе, учит видеть условность и ограниченность любой, даже самой совершенной модели.

Другой пример, который любил приводить в своих лекциях основатель Школы передовых исследований Тюменского государственного университета Андрей Щербенок, — бакалаврская программа по биологии в Университете Чикаго, где в своё время одновременно

работали четыре нобелевских лауреата по физиологии и медицине **Брюс А. Бейтлер, Роджер Сперри, Эдвард Лори Татум, Джеймс Дьюи Уотсон**. Мотивированным абитуриентам, мечтавшим сразу окунуться в передовую науку и работать в этих легендарных лабораториях, было на пороге заявлено: «Никаких вам лабораторий. Первые два года будете изучать диалоги Платона и речи Цицерона. В оригинале». На возмущённые возгласы: «Как же так, мы же пришли работать в лабораториях с нобелевскими лауреатами!» — следовал убийственный ответ: «Мы хотим, чтобы вы стали будущими нобелевскими лауреатами, а не высококвалифицированными лаборантами уже состоявшихся нобелевских лауреатов».

Системе нужны добросовестные и квалифицированные «лаборанты». Но технологический суверенитет и будущее определяются теми, кто способен выйти за контур и совершить прорыв. А это невозможно без освоения той самой социогуманитарной базы, которая является фундаментом для различных типов мышления.

Цивилизационный и практический подход

Цивилизационный аргумент в пользу гуманитарной подготовки ярко выражается следующим историческим примером — пере-

пиской премьер-министра **Петра Столыпина** с его министром просвещения **Александром Шварцем**. Министр аргументировал премьеру, что приходящий в университет выпускник классической гимназии — будущий студент и потенциальный профессор — «должен быть причастен целой цивилизации, которая стояла до него».

Гимназист, изучавший греческий и латынь, читавший в оригинале **Цицерона** и **Аристотеля**, приходил в науку не *tabula rasa*. Сталкиваясь с проблемой, он смотрел на неё не в одиночку. Вместе с ним был весь мир Греко-римской цивилизации. **Платон, блаженный Августин** и **Дидро** вместе с ним решают эту проблему и помогают ему. А если инструмент выпускника, например, реального училища ограничен только узкопрофессиональными знаниями, у него нет этого гигант-

Исследователь должен научиться вмещать в себя всю цивилизацию, оставаясь её наследником, носителем и завещателем.

ского культурного и интеллектуального фундамента, который можно задействовать для решения сложнейшей задачи.

Современный инженер, создающий системы искусственного интеллекта, беспилотный транспорт или квантовый компьютер, сталкивается с вопросами, имеющими не только технологическое, но и этическое, философское, социальное измерение. Будет ли его решение служить человеку или поработит его? Как оно изменит общество? На какие ценности оно опирается? Ответы на эти вопросы не найти в учебнике по физике. Их поиск — это и есть мысленный диалог с **Демокритом Абдерским, Иммануилом Кантом, Айзеком Азимовым**, с их цивилизационным наследием. Вспоминая **Платона и пифагорейцев**, обобщая другие примеры из истории развития естественно-научных программ, мы дерзнём выдвинуть на обсуждение следующую гипотезу: только то общество может претендовать на звание государства-цивилизации, которое в своих недрах создало уникальный и фундаментальный вклад в ту или иную естественно-научную программу.

Вопреки расхожему мнению, что мир вращается вокруг денег, эффективности и конкретных результатов, самые успешные практики мыслят ровно теми же категориями. Вспоминается финал конкурса «Я, ты, Москва» 2023 года, где собралось более 2000 мотивированных, технологически ориентированных студентов. Перед ними выступали основатели и руководители крупнейших российских компаний с оборотом в сотни миллиардов рублей. Что же они говорили молодёжи? Говорили ли они об оптимизации бизнес-процессов, KPI, налоговых схемах или логистике? Нет. Они все говорили о ценностях, миссии, духе — абсолютно гуманитарных аспектах. Рассуждали об онтологии (что бывает в мире, а что нет) и аксиологии (что ценно, а что нет). Их презентации были построены на категориях философского и метафизического характера.

И это не было позёрством — это было прямым следствием их опыта. Они понимают, что серьёзный, долгосрочный успех строится не на сиюминутной эффективности, а на прочном фундаменте общих принципов, корпоративной культуры и системы ценностей. Построить, описать и транслировать эту систему — сугубо гуманитарная задача. Инженер, неспособный понять этот язык ценностей, обречён остаться на уровне исполнителя в отделе R&D, но никогда не сможет стать архитектором будущего и лидером, определяющим стратегию.

Сегодня технические вузы сталкиваются с новым вызовом — конкуренцией с интенсивными курсами. 17-летний абитуриент, уже владеющий основами программирования, стоит перед выбором: потратить 5–6 лет на получение фундаментального образования в университете или за несколько месяцев получить на курсах узкоспециализированные, но востребованные на рынке навыки и сразу начать зарабатывать. Если рассматривать образование исключительно как получение навыка для заработка, то выбор в пользу курсов может показаться очевидным. И здесь важно чётко сформулировать, что предлагает университет и чего не могут предложить такие курсы.

Несомненно, можно стать очень богатым человеком без высшего образования (достаточно вспомнить **Стива Джобса** или, скажем, яркие карьеры из области спорта). Од-

Бронников Ф.А. «Гимн пифагорейцев солнцу», 1869 г.

нако в среднем с точки зрения вероятности человек с высшим образованием зарабатывает существенно больше на протяжении жизни. И дело, конечно, здесь не только в деньгах. Ведущие технические университеты поддерживают и развивают научно-техническую культуру страны, готовят тех самых «атлантов», которые держат на своих плечах техносферу. Закройте их, и через поколение некому будет не только создавать что-то новое, но и понимать, поддерживать и развивать уже созданное. Там, где курсы готовят ремесленников, способных качественно выполнять определённые операции с известными инструментами, университеты готовят творцов, способных ставить новые задачи, изобретать новые инструменты, создавать новые смыслы и, что самое главное, понимать, зачем и для чего это нужно в контексте общества, культуры и человечества в целом.

Государственное мышление

Как же этого добиться? Для всех очевидно, что у студентов технических вузов столь необходимый социально-гуманитарный блок попросту «не усваивается» — они просто не понимают, зачем им это нужно. И большое количество вводимых новых курсов, и постоянное переписывание основ старых этому

нисколько не поможет. Можно сколь угодно долго пить витамины и минеральные добавки или часами пропадать в спортзале, но, если делать это неосмысленно и несистемно, эффекта не будет.

Проблема усугубляется искажённой структурой образовательных программ, где гуманитарные дисциплины сконцентрированы на младших курсах, довольно волюнтаристски и вульгарно дублируя школьную программу. Возникает закономерный спор за нагрузку: преподаватели профильных дисциплин справедливо полагают, что «повторение — мать

Университет — это не служба по трудоустройству, это несущий столп пространства культуры.

заикания» и ценное время лучше направить на математический анализ, а не на «пережёвывание пройденного (часто, увы, мимо) в школе».

Именно в преодолении этих постсоветских «родовых травм» и заключается одна из ключевых задач трансформации гуманитарного блока современного технического образования. Студенты, находясь в плену самообмана собственной компетентности (эффект **Даннинга — Крюгера**), не могут адекватно оценить области своего незнания. Эта проблема

маскируется и кратно усугубляется доступностью интернета и технологиями ИИ, которые дают иллюзию быстрого получения любого знания, но на деле заглушают способность к любому мышлению. Обучение, превращаясь в квазилёгкое и скучное, сдобренное постоянной геймификацией, окончательно убивает внутреннюю мотивацию.

Анализ внутренних мотиваций студентов выявляет системную лакуну. На вопрос о целях обучения в вузе студенты в основном дают два ответа: получение высокооплачива-

Ключевой пробел — отсутствие «гражданственности» в системе мотивации.

емой профессии (т. е. самореализация в отношении экономических акторов) и успех через социальное признание (самореализация в отношении общества как актора). При такой системе координат в поле зрения абитуриентов и студентов практически отсутствует видение третьего актора — государства. Будущий выпускник испытывает сложности с формулировкой амбиций и траектории своего развития в контексте национальных интересов. Все хотят жить в сильном и процветающем государстве, но мало кто задумывается о том, кто и как его будет строить. Это свидетельствует о слабом осознании явления «гражданственности» как личной ответственности и вовлечённости в решение государственных задач. Данный пробел в кругозоре и мышлении является критическим для подготовки специальных кадров, обозначаемых термином *research&development director*, или своего рода «новый архитектор», — тех, кто должен работать на обеспечение стратегических направлений развития страны.

Локальные попытки «латать дыры» тщетны и подобны усилиям потушить горящий дом чашкой воды. Необходим комплексный, системный подход, выходящий за привычные контуры.

Позволим себе использовать физическую метафору резонанса. В каждом человеке есть внутренние природные «струны», которые имеют свои собственные частоты. Они отзываются, резонируют и звучат на определё-

нные смыслы, идеи, образы, виды деятельности, приходящие из внешней среды. Задача университета — создать такую насыщенную и многомерную среду, где будет звучать много разных «инструментов» на разных частотах. Это и есть та самая экосистема, которая производит знания, инновации и кадры. Задача студента — подкручивать колки этих душевных «струн», зажимать «лады», пробуя себя в разном: в научных исследованиях, междисциплинарных инженерных проектах, в клубах единомышленников, на лекциях приглашённых философов и искусствоведов, в социальных и гуманитарных инициативах, в любом творческом поиске. Цель — сделать полную «спектроскопию» своей души и найти тот самый резонанс, то дело, которое воспламеняет его сердце, даёт ему вдохновение и, через это, составляет его призвание.

Университет может обнаружить в студенте-физике талант архитектора или ветеринара (и такие случаи у нас есть), и это будет не ошибкой, а величайшей победой системы образования, поскольку главная задача университета — помочь человеку найти свой путь и избежать трагедии прожитой не своей жизни.

Спор о гуманитарных дисциплинах в техническом вузе — это не спор о том, чем заполнить учебный план. Это попытка найти ответ на вопрос: какого инженера мы хотим видеть архитектором будущего своей страны? Инженер-ремесленник, мыслящий категориями «когнитивного нуля», виртуозно владеющий известными инструментами, но неспособный создать новый, пока необходим. Но его уже недостаточно даже для поддержания статус-кво. Инженер-исследователь с государственным мышлением, архитектор будущего, способный к критической рефлексии, осознающий ограниченность любого знания, причастный к интеллектуальной культуре целой цивилизации и имеющий за спиной, в голове и в сердце своих предшественников от **Платона с Аристотелем и великих каппадокийцев до Эйлера с Ломоносовым и Курчатова с Капицей**, при решении сложнейших задач — бесценен. Именно он способен совершить прорыв, обеспечить стратегическую национальную безопасность, технологический суверенитет и определить будущее государства-цивилизации России в XXI веке. ●

Социально-психологическое самочувствие в вузах России

К. В. Абрамов,
кандидат психологических наук, ВЦИОМ

В ноябре 2024 года нами была проведена третья волна мониторинга онлайн-опроса среди студентов, преподавателей и административного состава 328 вузов по всем федеральным округам и новым регионам страны. 227 297 человек приняли участие в опросе, из них: 179 316 студентов, 47 981 сотрудников вузов, в том числе 29 327 преподавателей и 18 654 административного состава. Некоторые выводы на основании части полученных результатов предлагаем вашему вниманию.

Ключевые выводы по образу «идеальной России»

Образ «благоустроенной страны» остаётся наиболее привлекательным среди студентов, но его востребованность существенно снизилась за год наблюдений (29%, –11 п.п.). На фоне прочих образов заметнее всего усилился образ «современной страны» (18%, +4 п.п.), а также «великой страны» (22%, +2 п.п.).

Среди сотрудников вузов образ «благоустроенной страны» также теряет в востребованности, хотя и менее заметно, чем у студентов (26%, –5 п.п.). При этом если в прошлом году этот образ был востребован среди сотрудников в той же мере, как и «великая страна», то, по данным 2024 года, образ «великой страны» является наиболее востребованным среди сотрудников вузов (33%, +2 п.п.). Также заметно более актуальным стал образ «современной страны» (15%, +3 п.п.).

Образы «демократической страны» (12%, +1 п.п., у студентов; 6%, +0 п.п., у сотрудников),

а также «социального государства» (8%, +0 п.п., у студентов; 13%, –1 п.п., у сотрудников) остаются востребованными реже всего, как и в прошлом году.

Меняется содержание идеальных образов страны, выраженное в соответствующих им наборах ценностных принципов. В 2024 году принцип «сила и ответственность» стал менее существенным во всех образах страны (средний балл 6,16, снижение –1,56 балла, среди студентов; средний балл 6,34, снижение –1,93 балла, у сотрудников). Наиболее заметно растёт количество выборов принципа «единства многообразия» (4,53 балла, +0,84 балла, у студентов и 4,13 балла, +0,96 балла, у сотрудников), хотя он продолжает оставаться наименее выбираемым принципом. Наиболее часто выбираемыми принципами у студентов стали «созидание и развитие» (6,71 балла) и «любовь

Учитывая прямую корреляцию положительных оценок деятельности президента России и оценок достижимости идеального образа, в качестве гипотезы можно предположить, что для наиболее лояльных студентов образ «современной страны» становится близким по востребованности к «сильной стране».

и доверие» (6,67 балла). Среди сотрудников вузов принцип «созидания и развития» также стал ключевым (8,00 балла), однако принцип «сила и ответственность» остаётся всё так же востребованным значительной частью сотрудников вузов.

Образ идеальной России

2024 г.

2023 г.

Скажите, какой прежде всего Вы бы хотели видеть Россию через 10–15 лет?

(в % от опрошенных, закрытый вопрос, один ответ)

Таблица 1

Ценности идеальной России

2024 г.

2023 г.

Какие ценностные принципы, на Ваш взгляд, наиболее соответствуют такому будущему, которое Вы хотели бы видеть для России?

(средние от 0 до 30 по респондентам из каждой ЦА)

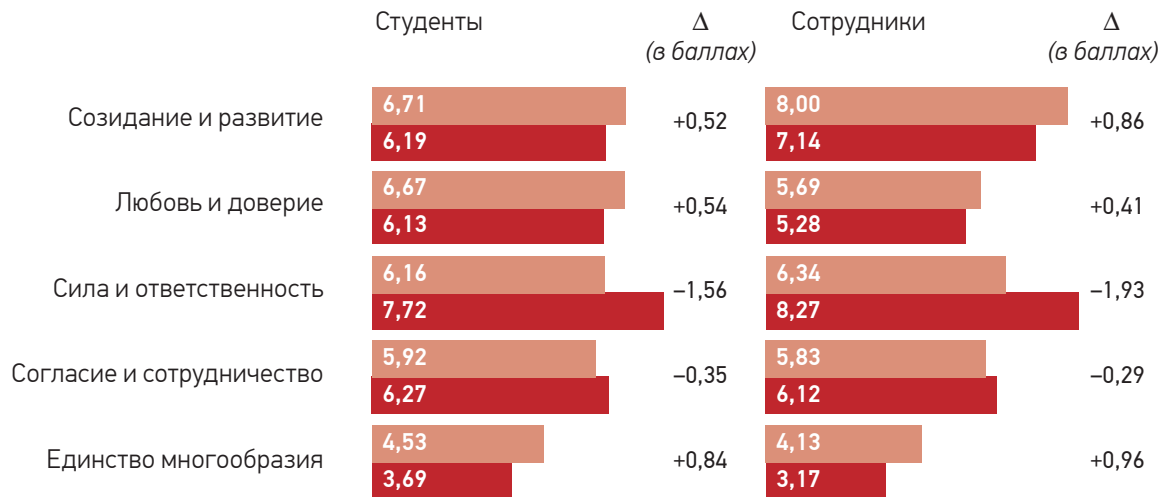

Таблица 2

Представления о будущем России

На ваш взгляд, насколько Россия будет соответствовать вашему идеальному образу через 10–15 лет?

(в % от опрошенных, один ответ)

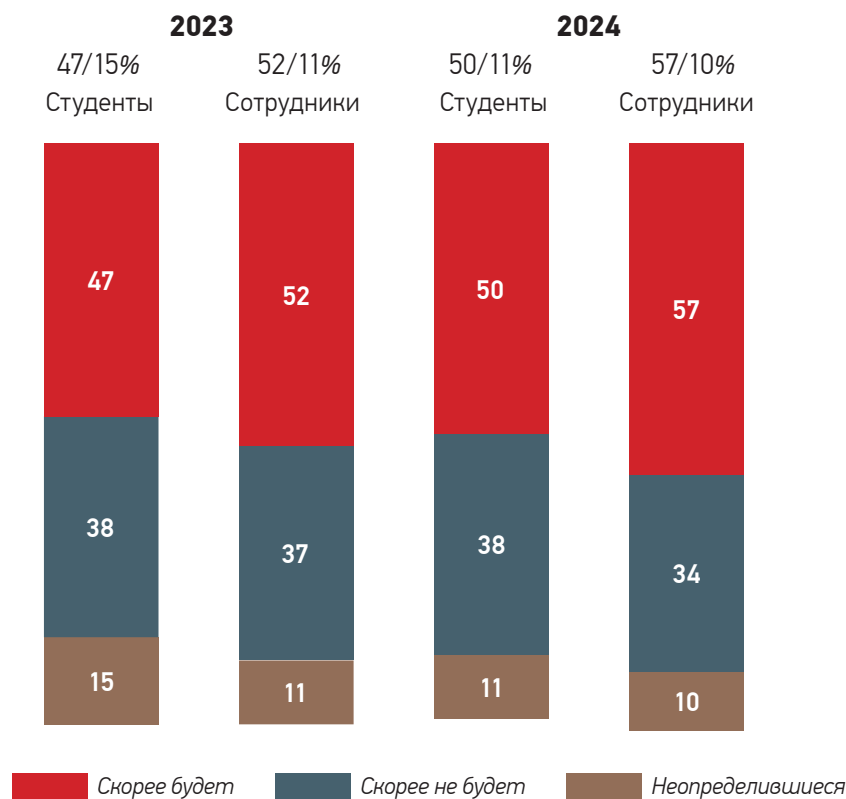

Таблица 3

В качестве гипотезы можно предположить, что изменение ценностного наполнения идеальных образов может быть вызвано адаптацией картины мира студентов и сотрудников вузов к реалиям после февраля 2022 года, к принятию новой «нормальности», потому скорее связанный с «мобилизационными» настроениями принцип «сила и ответственность» ослабевает, уступая дорогу общим принципам развития страны.

Восприятие достижимости выбранного идеального образа студентами и сотрудниками вузов заметно выросло за год наблюдений. Считают свой идеальный образ достижимым 50% студентов (+3 п.п.) и 57% сотрудников (+5 п.п.).

При этом заметно выросла уверенность в достижимости «современной» России (+8 п.п. у студентов, +9 п.п. у сотрудников). Учитывая прямую корреляцию положительных

оценок деятельности президента России и оценок достижимости идеального образа, в качестве гипотезы можно предположить, что для наиболее лояльных студентов образ «современной страны» становится близким по востребованности к «сильной стране». Именно эти два образа являются ключевыми для кластера лояльных студентов и сотрудников. См. таблицы 1–3.

Ключевые выводы по идентичности и ценностям

Как и в прошлом году, в «ценностное ядро» студентов и сотрудников вузов входят справедливость (49% у студентов, 45% у сотрудников вузов), права и свободы человека (48% у студентов, 35% у сотрудников вузов), крепкая семья (48% у студентов, 57% у сотрудников вузов), жизнь (46% у студентов, 38% у сотрудни-

Ключевые ценности

2024 г

2023 г

Какие из приведенных ниже ценностей Вы считаете для себя основными?

(% от опрошенных, закрытый вопрос, до пяти ответов)

	Студенты	Δ (в п.п.)	Сотрудники	Δ (в п.п.)
Справедливость	49 53	-4	45 51	-6
Права и свободы человека	48 50	-2	35 30	+5
Крепкая семья	48 46	+2	57 62	-5
Жизнь	46 45	+1	38 45	-7
Взаимопомощь и взаимоуважение	42 46	-4	39 50	-11
Патриотизм	23 22	+1	33 29	+4
Милосердие	22 23	-1	16 20	-4
Гуманизм	22 23	-1	15 15	0
Достоинство	21 22	-1	22 27	-5
Единство народов России	17 18	-1	20 15	+5
Историческая память и преемственность поколений	17 17	0	32 25	+7
Высокие нравственные идеалы	16 16	0	22 18	+4
Служение Отечеству и ответственность за него	10 9	+1	17 15	+2
Созидательный труд	9 9	0	20 19	+1
Приоритет духовного над материальным	8 9	-1	10 10	0
Гражданственность	7 7	0	5 7	-2
Коллективизм	6 7	-1	9 7	+2
Ни одна из перечисленных выше	0 0	0	0 0	0
Затрудняюсь ответить	6 4	+2	3 1	+2

Таблица 4.

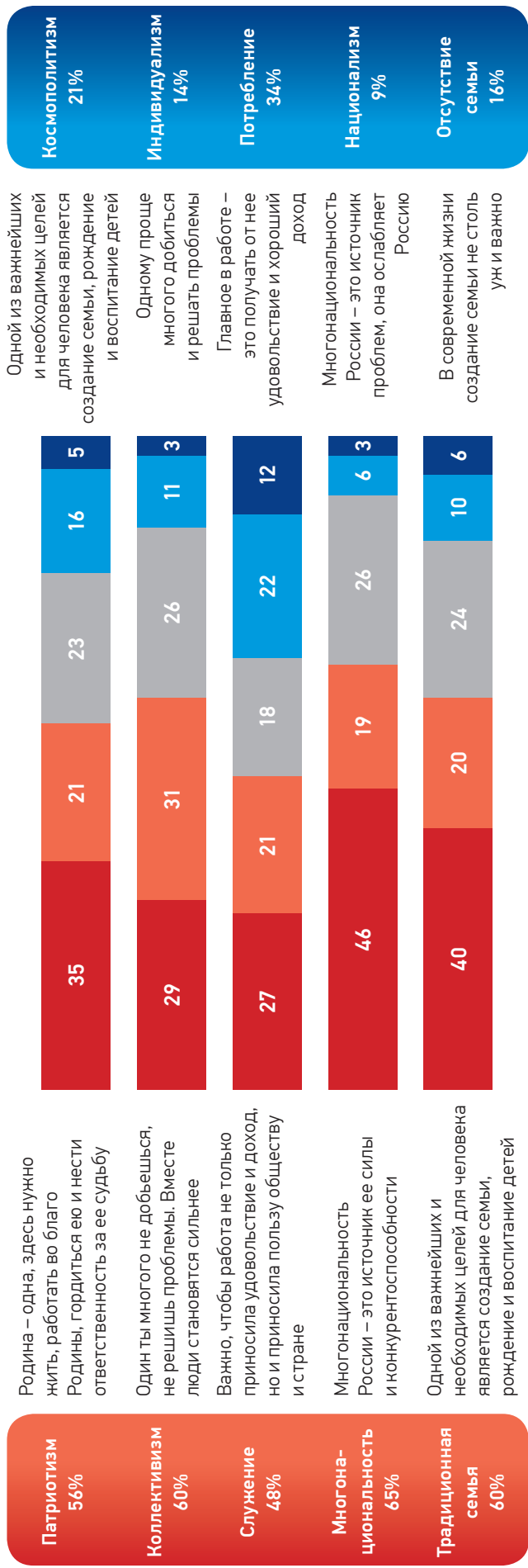
нов вузов), взаимопомощь и взаимоуважение (42% у студентов, 39% у сотрудников вузов).

Студенты в значительной мере тяготеют к «положительным» полюсам ценностных установок: патриотические установки (56%) существенно превалируют над космополитизмом (21%), многонациональность (65%) над национализмом (9%), традиционная семья (60%) над отсутствием семьи (16%), коллективизм (60%) над индивидуализмом (14%). Вместе с тем для опрошенных студентов неоднозначен выбор между ценностями служения (48%) и потребления (34%). Сотрудники вузов являются за-

метно более выраженными носителями базовых ценностных установок, среди которых особо выделяются традиционная семья (83%), патриотизм (81%) и коллективизм (82%). При этом следует отметить, что предыдущие исследования на платформе «Неравнодушный человек» показывают, что дихотомия «коллективизм — индивидуализм», вероятно, не воспринимается студентами как антагонистическая. Скорее всего, она интерпретируется студентами как иное противопоставление: «достижение чего-либо с помощью коллектива» и «достижение без помощи коллектива».

Ключевые ценности: студенты

Какое из предложенных утверждений, на Ваш взгляд, является более верным?
(% от опрошенных студентов, закрытый вопрос, один ответ по каждому утверждению)

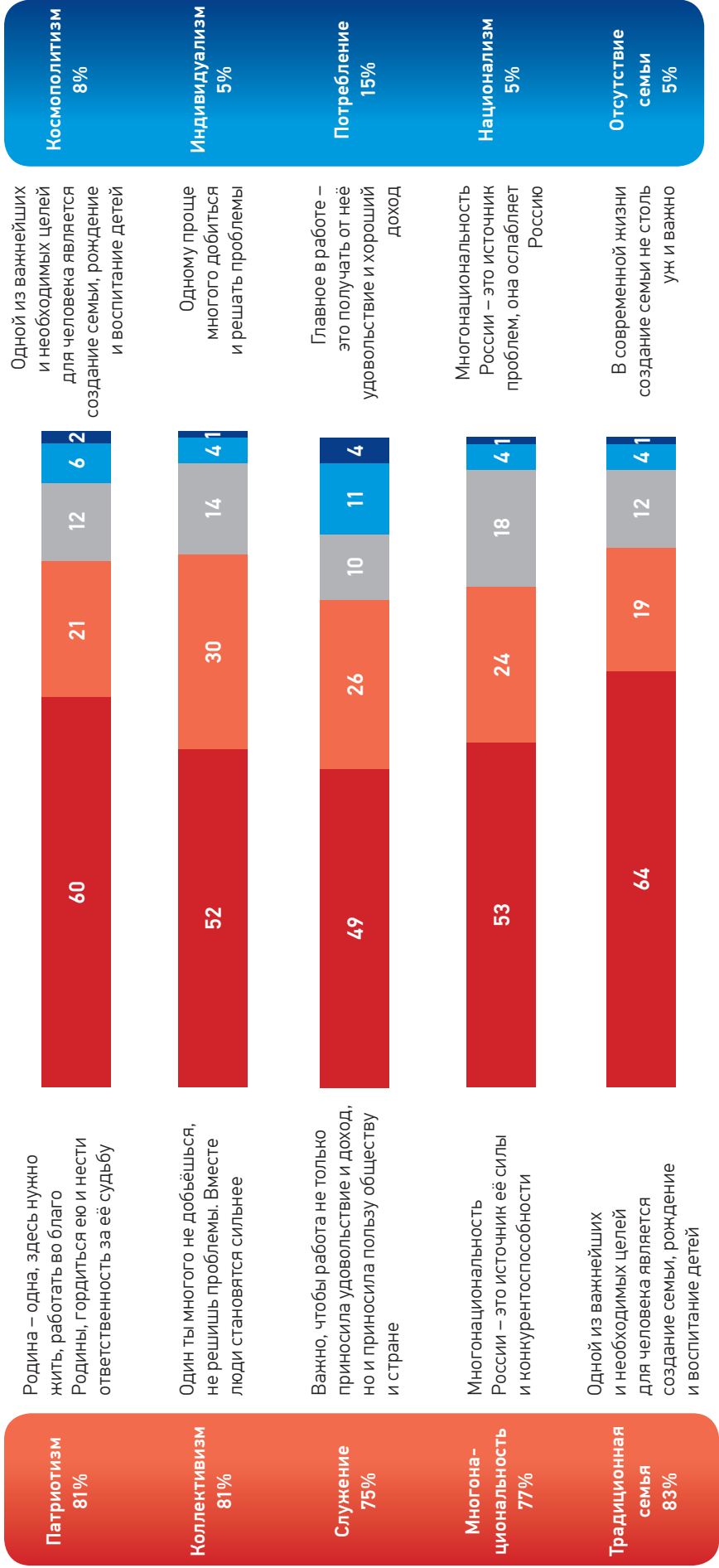

Среди студентов более выраженными являются все тестируемые в исследовании «положительные» полюса дихотомий: многонациональность (65%), традиционная семья (60%), коллективизм (60%), патриотизм (56%). Относительно более сложная картина оценок респондентов наблюдается	в отношении дихотомии «служение-потребление». Хотя 48% студентов скорее склоняются к утверждению «важно, чтобы работа не только приносила удовольствие и доход, но и приносила пользу обществу и стране», но к противоположному полюсу (34%) опрошенных респондентов из данной целевой аудитории. Следует обратить	внимание, что в этом исследовании, а также в исследовании «Ценностный портрет студентов первых курсов» (сентябрь-октябрь 2024), по дихотомии «коллективизм-индивидуализм», в отличие от прочих дихотомий, плохо различаются базовые кластеры «противников» и «сторонников» Президента. Предполагаем,	что утверждения в методике в интерпретации студентов связаны с другим противопоставлением: «достижение чего-либо с помощью коллектива» и «достижение без помощи коллектива». Данная гипотеза нуждается в дополнительной проверке качественными методами исследования.
---	--	--	---

Таблица 5.

Ключевые ценности: *сотрудники*

Какое из предложенных утверждений, на Ваш взгляд, является более верным?
(% от опрошенных сотрудников, закрытый вопрос, один ответ по каждому утверждению)

Не могу оценить /
затрудняюсь ответить

Скорее первое

Точно первое

Скорее второе

Точно второе

Таблица 6

Спектр идентичностей: *студенты*

Скажите, пожалуйста, кем лично Вы себя считаете в первую, во вторую и в третью очередь?
К какой социальной группе, общности людей Вы себя относите и кем себя считаете?
То есть при ответе на вопрос «Кто я?»*.

(% от опрошенных, закрытый вопрос, один ответ)

	В первую очередь	Во вторую очередь	В третью очередь	Σ 2023	Σ 2024	Δ (в п.п.)
Гражданин России	29	20	16	62	58	-4
Представитель своего рода, семьи	20	19	15	50	52	+2
Представитель мужского/женского пола	10	12	11	32	32	0
Представитель своего поколения	8	10	11	33	28	-5
Гражданин мира	6	4	5	17	14	-3
Представитель определённой профессии	5	6	11	21	21	0
Представитель своего народа, этноса	4	6	6	19	16	-3
Представитель своего региона, республики, края, области	3	8	9	19	19	0
Представитель своей религии	2	2	3	7	7	0

* Аудитории три раза отвечали на вопрос о собственной идентичности («отношу в первую», «во вторую», «в третью очередь»). В столбце Σ стоит распределение ответов респондентов, отметивших определённую идентичность хотя бы один раз за три выбора.

В 2023 году «Гражданин России» был представлен в виде закрытия «Гражданин страны»

Таблица 7

Среди студентов и сотрудников вузов ключевыми идентичностями продолжают оставаться гражданская (58%, -4 п.п., среди студентов, 71%, -2 п.п., среди сотрудников вузов), а также семейная идентичность (52%, +2 п.п., среди студентов; 53%, +2 п.п., среди сотрудников вузов). В обеих аудиториях исследования заметно снижение доли респондентов, которые считают себя представителями своего поколения, а в аудитории студентов — и «граждан мира». В качестве гипотезы можно предположить, что одномоментное снижение значимости как гражданской (в меньшей мере), так и поколенной идентичности связано со снижением давления внешних факторов, активизировавших именно их. Идентичности проявляются в момент столкновения с иной активной идентичностью, вызовом — после 2022 года оно

могло выражаться в несогласии с «политикой взрослых» (или, напротив, с отстаиванием своей позиции против «детей») и внешней в отношении к России агрессией.

Среди студентов и сотрудников вузов растёт доля позитивных эмоций в отношении к России и снижается количество отрицательных. Среди студентов выросла доля респондентов, выбирающих в качестве эмоции по отношению к России благодарность (+5 п.п.). Ключевые эмоции в отношении России у студентов остаются прежними: гордость (54%, +3 п.п.) и любовь (54%, +5 п.п.). Среди сотрудников вузов изменения являются ещё более заметными и положительными. Наиболее существенно выросла доля сотрудников вузов, разделяющих в отношении России чувство гордости (62%, +6 п.п.) и любви (51%, +6 п.п.). См. таблицы 4–7. ●

Культура русского мира

Р. В. Карманов,
генеральный директор Президентского
фонда культурных инициатив

Начнём издалека. Культура, как вторая природа человека, появилась вместе с ним на территории Танзании (Олдувайская культура) по современным оценкам примерно 2,5 млн лет назад. Этот факт не вызывает возражений ни у креационистов, настаивающих на божественном происхождении человека, ни у современных дарвинистов, являющихся сторонниками антропогенеза. Как только у мыслящего существа произошло отчуждение мысли, связанной с пробуждением его воли, — возникло творчество.

Результаты творчества не могут быть переданы через генетический код. Культурное наследие имеет файловую (символическую) природу и может существовать только в социуме. По оценкам специалистов по раскопкам в танзанийском Лаэтоли и эфиопском Хадаре, культурированию человечества около одного миллиона лет.

Известных определений слова/понятия «культура» существует около полутысячи (см., например, работы Л. Моргана, Э. Тэйлора, Б. Малиновского, К. Л. Стросса, И. Гердера, Ю. Лотмана, М. Бахтина), и проводить аналогии, когда под этим термином каждый подразумевает своё, — дело неблагодарное. Однако сейчас аналогия будет уместной, поскольку благодаря техническому прогрессу все мы сталкиваемся со словом, наглядно характеризующим значение и роль культуры в нашей с вами жизни. Это слово «прошивка». То есть то, что пронизывает сознательное и подсознательное, наполняет смыслами и ценностями, задаёт внутренние установки и влияет на внешнее поведение. Культура — внутри и во-

круг нас. Оглянитесь вокруг прямо сейчас — всё, что вы видите, это результат влияния культуры.

Если подумать, то в обычном мобильном телефоне, в котором сейчас сосредоточена в буквальном смысле вся человеческая жизнь, важен не корпус, не набор деталей внутри и даже не дорогостоящий уникальный чип. В нём важна прошивка, без которой всё остальное превращается в грудку бессмысленного пластика вперемешку с металлом. И в точной аналогии с культурой прошивку не видно, она незаметна, её наличие мало кем рефлексировано, но она есть и именно она каждую секунду оказывает влияние на все остальные процессы. Многие ли из нас это понимают?

До сравнительно недавнего времени общепринятым было стремление определять культуру как некое «специальное мероприятие», наподобие похода в театр или на классический концерт, — занимался человек «настоящим серьёзным делом»: поднимал, допустим, экономику или трудился на производстве — и вот вышел в свет поднимать культурный уровень. Поднял... и вернулся обратно в «настоящую жизнь», а культура осталась где-то там, в ярком свете сверкающих софитов.

Понимание того, что культура имеет значение, по всей видимости, начало приходить тогда, когда на наших глазах всего за несколько лет было перепрошито население целого ряда бывших союзных республик. Причём в качестве инструмента перепрошивки была выбрана массовая культура: популярная музыка, комиксы, сериалы, «шортсы» и «рилсы» в социальных сетях. То есть всё то, на что было принято смотреть свысока как на что-то второстепенное и малозначительное и оттого незаметное.

Трутовский К. А. «Хоровод в Курской губернии», 1860 г.

Однако самое дорогое знание — что культура по своей созидательной и разрушительной силе превосходит и экономику, и политику — мы приобрели, когда созданные в умах украинской молодёжи привлекательные образы вывели её на Майдан, а затем повели дальше, к обрыву, с которого целая страна полетела в бездну.

Украинская культура под руководством тех, кто не одно столетие оттачивал своё мастерство манипуляции умами, создала образ врага и продолжает его укреплять и культивировать, превратив в часть своей глубоко инфицированной прошивки. Образы, образы и ещё раз образы. В сочетании с искажением, фальсификацией и интерпретацией исторических фактов популярная (она же массовая) культура стала мощнейшим оружием в руках изощрённых технологов, замещающих целые смысловые кластеры в когда-то цельной системе координат. У них получилось. И возникла страна 404. Мы не сразу разобрались, но поняли и содрогнулись. К счастью, сейчас мы уже понимаем, что процесс работает в обе стороны, исцеление возможно.

Неудивительно, что рефлексия на тему значимости культуры идёт тяжело. Вирус, проникающий в культурный код, распространяется незаметно. Причём настолько подспудно, что общество, им поражённое, наотрез отказы-

вается признавать симптомы болезни. В запущенном состоянии вирус мутирует в часть культурного кода, сливается с ним, проникает в «ДНК» и становится чем-то обычным, до тех пор пока сильное воздействие не указывает на ненормальность ставшего к тому моменту нормой. Часто это очевидно только стороннему наблюдателю, как, например, нам очевидно, что «западные» ценности (кстати говоря, не истинные, а в жёсткой и настойчивой форме привнесённые кем-то для какой-то чудовищной цели) ведут к катастрофе.

Посмотреть со стороны на самих себя, кроме самих же себя, некому. Обнаружить вирус в своём организме, который этот вирус принял и уже превратил в часть собственной микробиоты, неизмеримо сложнее. Простой пример, который наверняка всем знаком и привычен: англоязычная музыка звучит повсеместно, прислушайтесь, она везде — её транслирует множество радиостанций, под неё танцуют дети на школьных праздниках, она звучит из ретрансляторов на городских или сельских праздниках, в торговых центрах, она заполняет социальные сети и она же долгое время влияла на формирование вкусов и ценностей всё новых поколений российских музыкантов. Мы живём в англоязычной среде, это часть нашей прошивки. Как уже было сказано выше,

Горюшкин-Сорокопудов И. С. «Скит», 1912 г.

проверить на себе, насколько то или иное проявление культуры нормально, очень сложно. Поэтому давайте посмотрим на других.

Представьте, что француз вместе со своей семьёй садится в машину у себя в Орлеане, тыкает по кнопкам радио и примерно в каждом случае слышит русские песни, перемежаемые французским конферансом ведущих. Это невозможно. Французская популярная культура под надёжной защитой в силу законодательных ограничений в сфере музыки и кино. Другой пример — американские школьники и студенты, поголовно танцующие под русскоязычные хиты на своём выпускном. Вряд ли. Поп-культура сильных наций скрупулёзно и настойчиво заполняет все ниши и сегменты общественных и политических процессов и очень резко реагирует на проникновение «несанкционированных» образцов чужого культурного производства. Ярким свидетельством является недавняя волна, порождённая песней «Сигма-бой», которая ввиду своей исключительности с нашей стороны вызвала бурю восторженных обсуждений, а со стороны политиков стран Запада — панику. Кстати, в упомянутой Франции борьба с англицизмами, которая вызывает столько дискуссий, идёт уже не первый год, так что и этот вид сдерживания чужого влияния не является чем-то новым и исключительным.

Война без дыма и огня — это война культур, где культура выступает полем битвы, а снарядами и пулями (беспилотники наверняка тоже есть) — произведения, творения, об-

разы, смыслы. Русская культура — это очень сильный аргумент в нашем сопротивлении чужой агрессии и сильнейший инструмент сотрудничества. Русский мир — это результат творческого взаимодействия и взаимопроникновения многих этносов. Наша культура парадоксальна для моноцентричных и самоцентричных обществ, опасна для культур вражды и ненависти, умеет совмещать иногда несовместимое, удерживая идею синтеза, идею искренности, идею права на самобытность и взаимопроникновение. Хаос? Нет — источник воссоздания пассионарности и творчества. Наша культура — это мы. И как результат — она непобедима.

Сейчас будет неожиданный вывод: запрещать или ограничивать англосаксов с их музыкой или радиостанциями не нужно. Случилось самое главное: естественный процесс оздоровления нашей прошивки, начавшийся в 2022 году, привёл к обнаружению заражённых кластеров, высветил их и маркировал в цвета опасности. Общество, признавшее наличие проблемы, уже делает свой новый выбор, и делает его самостоятельно. Аудитория голосует (рейтингами, просмотрами и охватами) за контент, основанный на нашем национальном коде, на наших смыслах и ценностях. А он отличается от других в складывающихся обстоятельствах — в отношении к личному счастью, к справедливости, к формально действующим законам. Если для японца высшее благо — это поиск совершенства, для китайца — равновесие, для скандинавов — создание для себя уюта, для итальянцев — жить и радоваться, для ирландцев и шотландцев — жить на земле предков, для армян — жить, чтобы ими гордились предки... то для русских главное — это счастье для всех. Даром. И пусть никто не уйдёт обиженным.

Наша аудитория сейчас сама начала искать русскую песню, русские сериалы, русские фильмы, русские книги. Надежда Кадышева, явно потрясённая таким поворотом событий, собирает стадионы. Площадь на Поклонной горе в 200 000 голосов поёт «Матушку-землю» вместе с Татьяной Куртуковой. 50 000 молодых людей на фестивале «Ленинградские мосты» в Петербурге излучают счастье, подпевая новой волне российских инди-рок-музыкантов. Буйным цветом расцвели этно и

фолк-музыка — из тёмной ниши, в которой русский фольклор находился долгие годы, он вдруг уверенно шагнул на самые крупные музыкальные площадки страны. Параллельно идёт небывалый всплеск новой российской моды, основанной на традициях народов нашей многонациональной страны. Как только народ поддерживает свою культуру — это становится его силой. Творения (продукты культуры) проникают в другие пространства. «Матушку» в ЕС не заикаются запрещать. Её одной из первых перевели на свои языки немцы и поляки. Звучит она и в Китае.

Самоочищение заражённой прошивки идёт стремительно. Кстати, это и есть один из индикаторов правильности принятых в 2022 году решений. Сейчас, спустя всего три года, очевидно — ни один мрачный прогноз относительно кончины русской культуры в любом её проявлении не сбился. Более того, мы видим рождение нового, смелого, основанного на русском многонациональном культурном коде.

Сможем ли мы развить и закрепить успех, который сейчас демонстрирует русская культура? Государство прикладывает в этом направлении, очевидно, немалые силы. Переосмысление и отказ от уже неработающих заклинаний рынка проходят непросто. Тем более непросто этот процесс происходит у творческих людей. Процесс поиска прежних себя сопровождается вымыванием из культурного пространства тех, кто найти себя не смог (и, увы, уже не сможет), потерялся окончательно. Носителю заражённых кластеров влиться в уже исцелённую прошивку будет невозможно. Сама система, уже имеющая болезненный опыт, его неминуемо отторгнет.

Многие восхищаются феноменом корейской k-рор культуры, имея в виду только внешние её проявления. Но главный эффект «корейской волны» («халлю») носит значительно более глубокий характер. Корейцам не только удалось перевернуть ситуацию культурной интервенции Голливуда и защитить свой культурный код от перепрошивки, но и получилось самим стать таким вирусом и поглотить часть кода западных стран. Суверенность в отношении культуры носит общенациональный характер. Сейчас в Южной Корее занимаются созданием суверенного искусственного интеллекта, который будет основан на корей-

Фестиваль «Ленинградские мосты»

ском культурном коде. Кто-то ещё дискутирует по этому поводу, пытаясь найти в суверенности признаки паранойи и стремление к обособленности, а для других это уже норма и вопрос национальной безопасности.

Вернусь к одному из первых тезисов. Долгое время само слово «культура» находилось в одном ряду с такими понятиями, как «развлечение» и «досуг» (в бюджете на остаточных, а не целевых принципах). Отношение к культуре демонстрировалось, например, тем, что в СМИ новости о культуре называли «бантиком», то есть чем-то бессмысленно-нарядным, чем украшается выпуск в финале. Массовая же культура имела единственный измеритель — деньги. Так было долго. Но проводимая «терапия» уже даёт свои результаты — вирус потребительства начинает сдавать позиции, тем более что не только государственные, но и независимые паблики, посвящённые культуре, стали вдруг показывать повышенный интерес общества к ним. Культура уверенно выходит на первое место, становится первой в национальном «рубрикаторе».

Понимание того, что «культура ест стратегию на завтрак», распространяется не только в бизнесе, но и в управленческой среде органов власти. Мы начинаем понимать, не только зачем нужно культурное производство, но и то, что культура позволяет делать, а чему категорически сопротивляется. Культура живёт. Культура развивается. Культура хранит цивилизации. Культуру, которую создаёт и охраняет народ, перепрошить извне невозможно. ●

От редакции

Современные дискуссии об образовании редко выходят за рамки вопросов о содержании образовательных программ и методиках преподавания. При этом стратегическая цель — формирование целостной личности, способной адекватно действовать в сложном мире — даже не обсуждается. Вопрос, кого, зачем и к чему общество и государство готовят, остаётся не только без ответа, но даже и без обсуждения.

Фрагментация знания и искушение простых решений

М. В. Баранов,
кандидат философских наук

История о том, как фрагментация научного знания (вызванная бурным развитием и усложнением наук в XIX веке), распространившись на сферу общественных (социальных) наук, направила образованную западную элиту (включая российскую) к непозволительно упрощённому пониманию общества, и впоследствии часто приводила, и до сих пор приводит к простым, но ошибочным решениям. Распад целостного гуманитарного мировоззрения на узкоспециализированные дисциплины создал условия для примитивных псевдонаучных политических теорий. Основанные на односторонних моделях человека и общества, эти теории стали почвой для радикализма, экстремизма и тоталитарных концепций в идеологиях XIX и XX веков, включая современный левый либерализм.

Эпоха целостного образования

До начала XIX века корпус наук в целом — это:

- философия и математика с мостом между ними в виде логики;
- натурфилософия (*Philosophia naturalis*) — естественные науки;
- моральная философия (*Philosophia moralis*) — социальные науки.

Только в первой половине XIX века происходит выделение отдельных дисциплин из этих областей знания.

Европейское образование до XIX века опиралось на единый корпус текстов и идей, восходящих к Античности. Европейская элита (включая, разумеется, российскую с XVIII века) вместе с классическим образованием получала общую систему смыслов и ценностей, что и делало эту элиту единой. Естественно, что эта система смыслов и ценностей была в значительной степени консервативной, дававшей понимание сложности общества и отдельного человека и предостерегавшей от необдуманных глобальных реформ (особенно после кровавых и разрушительных эксцессов Французской революции конца XVIII века).

Фрагментации знания и сциентизм

К середине XIX века начался процесс лавинообразной специализации сперва естественных, а потом и общественных наук. В основных научных дисциплинах стали возникать новые специализированные отдельные направления, в каждом из которых формировались свои представления о предметах и методах, возникал свой специфический язык, различный даже в смежных направлениях.

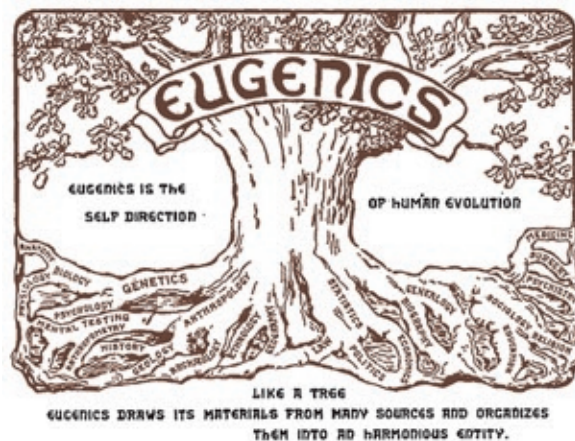
Естественные науки при этом сохранили научный метод в качестве методологии и математику в качестве единого языка, понятного специалистам в смежных направлениях. Для людей, работающих в естественнонаучных областях, очевидно, что применяемые формулы, подходы, теоретические модели и экспериментальные методы имеют ограниченную область применимости и использовать их за пределами этой области бессмысленно. В результате современные естественные науки, при всей их специализации и сложности, сохранили в своей сердцевине общую рациональную картину мира, что и позволяет создавать сложнейшую технику на стыках многих наук.

В это же время в социальных науках тоже шла специализация и размежевание. Произошло выделение и развитие отдельных социальных дисциплин.

С одной стороны, применение крайне упрощённой конструкции человека — **«автономный индивид, способный к рациональным экономическим и политическим выборам на основе разума»** — для построения социальных моделей позволило развить экономику, социологию, политологию и другие социальные науки, давшие важные результаты в своих областях.

С другой стороны, никакой общей рациональной картины общества в общественных науках так и не возникло, как не возникло и общего для разных социальных дисциплин языка.

В результате на основе этих упрощённых моделей начали предлагаться теории переустройства общества, по степени своей научности не сильно отличающиеся от астрологии и хиромантии, но приведшие к катастрофическим последствиям во многих странах.

Логотип второй Международной конференции по евгенике, 1921 г.

Все эти политические и социальные теории строились без малейшего понимания очень ограниченной области применимости исходных научных теорий и просто игнорировали важнейшие свойства человека — эмоциональность, религиозность, традиционализм, стремление к свободе и одновременно к безопасности и справедливости и многое другое.

Заметим, что в естественных науках мощнейший метод использования абстракций («материальная точка», «идеальный газ», «абсолютно чёрное тело») всегда требует точной математической оценки ошибки, возникающей из-за пренебрежения отличием реальности от этой абстракции. Этим и определяется точность теории и область её применимости. Заметим, что до сих пор природные объекты — дерево и камень, вода в реках и морях, облака и тайфуны — крайне плохо поддаются описанию и изучению в рамках современной науки, несмотря на её колоссальный прогресс за последние столетия. Намного сложнее ситуация с изучением живой материи — достаточно открыть современный учебник анатомии или физиологии человека, чтобы увидеть, насколько живая материя сложнее неживой.

Казалось бы, в отношении ещё намного более сложной социальной материи наука должна быть ещё более осторожна в попытках описания, обобщения и тем более в выводах и рекомендациях социальных преобразований. К сожалению, при переносе абстракций из социальных наук в политические и социальные теории (таких как «человек экономический», «естественное право», «капита-

Фридрих Август фон Хайек

Демонстрация в США во времена сухого закона

лизм», «невидимая рука рынка» и многих других) понимание влияния ошибки упрощения человека и социума на возможность применять эти теории в реальной жизни зачастую даже не осознаётся. Отсюда и постоянные попытки распространить ту или иную концепцию на все возможные аспекты человеческой жизни.

В ряду таких попыток хорошо нам знакомые по собственному печальному опыту идеи поставить под государственный контроль торговлю и даже частную жизнь в рамках социализма и идеи «монетизировать» образование и здравоохранение в рамках неоллиберального капитализма. Здесь же и попытки борьбы за «права человека» без связи их с социумом и государством, в которых этот человек живёт и которые из этих самых людей и состоят.

Мы все в конце 80-х — начале 90-х наблюдали «реформы» в СССР и в России, базирующиеся на псевдонаучных концепциях «эффективного собственника», «саморегулирующихся рынков», «инвестиционного климата для международных инвесторов», последствия которых приходится расхлёбывать до сих пор. Масса социалистических экспериментов привела к буквальной гибели от голода миллионов людей. Активное внедрение либеральных и гендерных ценностей, выработанных на основе теорий, не имеющих никакого отношения к настоящей науке, на наших глазах разрушает западный мир.

Фрагментации знания и образование

С начала и особенно с середины XIX века доля лиц с классическим образованием среди образованных людей стала неуклонно снижаться из-за увеличения доли специального образования, включая и специальное гуманитарное. В результате появился широкий слой образованных людей, увлечённых идеями «прогрессизма», то есть идеями всевозможных реформ и преобразований без учёта понимания сложности общества. В нашем понимании «прогрессизм» — фрагментарное знание, не осознающее своей ограниченности, то есть «границ» применимости и встроенности в иерархию и структуру социального знания в целом. Пропадает общее понимание и признание ценности всей структуры знаний. Носитель такого сознания убеждён, что его узкоспециализированное видение является исчерпывающим для понимания мира.

Другим следствием стала «радикализация элиты», то есть склонность западной элиты к проведению всё менее и менее адекватной политики, которая начала ориентироваться не на истинные интересы стран, а на настроения этого широкого слоя «прогрессистов». Достаточно проанализировать, как европейские элиты завершили Наполеоновские войны в 1815 году, восстановив «европейское равновесие» на 30 с лишним лет (а глобально — на 100 лет!), обеспечив золотой век западной цивилизации. В XX веке потакание популистским настроениям «образованного» общества привело сначала к Первой мировой войне, а затем к завершившему её Версальскому миру,

Лектор и студенты.
Миниатюра из книги Бартельми де Гланвиля
«Книга о свойствах вещей», сер. XV в.

Граф Клод Анри де Сен-Симон

который, в противоположность действительно долгосрочному Венскому миру 1815-го, привёл к катастрофе Второй мировой войны.

Примеры последствий «простых решений» на основе псевдонаучных концепций

Для примера можно вспомнить сухой закон, введённый в конституцию США отдельной поправкой в 1919 году. Образованная элита США обоснованно считала злоупотребление алкоголем общественным злом. Но к обсуждению подключились религиозные и женские организации, прогрессисты. В результате был принят и закреплён в Конституции США тотальный запрет на производство, продажу и перевозку алкоголя. Сухой закон не сделал США страной трезвости, но на обходе запретов сформировалась и окрепла организованная преступность, расцвела коррупция на всех уровнях государственного управления, втянутой в криминал оказалась значимая часть населения, усилился раскол общества, лицемерие политиков и неуважение к закону. В конце концов на обещании отменить закон Франклин Рузвельт выиграл выборы 1932 года, и в 1933 году к всеобщей радости закон был отменен.

Другой яркий пример попытки простых решений сложных общественных проблем — внедрение «военного коммунизма» Высшим

советом народного хозяйства в 1918 году в условиях Гражданской войны. Основываясь на учении Маркса об отмирании частной собственности и денег, большевики национализировали заводы и фабрики и ввели на них трудовую повинность. Оплата труда осуществлялась в натуральном виде, хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию у крестьян забирали по продразверстке. Торговлю практически запретили, приравняв к спекуляции. Без стимулов к продуктивному труду крестьяне сократили посевные площади, резали скот. В стране начался массовый голод. Рабочие, лишённые зарплаты, бастовали. В наступившем экономическом коллапсе по стране прокатились крестьянские и рабочие восстания, в марте 1921 года восстали даже кронштадтские моряки. Большевики почувствовали, что теряют поддержку всех слоёв общества. В этих условиях только принятие в 1921 году Новой экономической политики (НЭП) спасло страну от полного развала. Отказ от догм типа «замены свободной торговли на централизованный товарообмен» позволил в кратчайшие сроки восстановить разрушенную экономику России.

Ещё один яркий пример больших решений, основанных на простых схемах, — это политика Хрущёва на искоренение частников в сельском хозяйстве и мелком производстве. С 1957 года Хрущёв начал политику преобразования колхозов в совхозы (советские хозяйства), где работники получали не за результат своего труда,

а стабильно маленькую зарплату за имитацию деятельности. Естественно, продовольственные прилавки мгновенно опустели. При этом проводилась также последовательная борьба и с личными подсобными хозяйствами, что снизило предложение на «колхозных рынках». За 2 года от избытка продовольствия страна пришла к повсеместным очередям за продуктами, даже за хлебом. Появилось понятие дефицита, повышались цены на продукты, были даже восстания рабочих. Отдельной инициативой была децентрализация планового хозяйства, формирование совнархозов, в которые переводили всё местное производство без планового и проектного контура. Естественно, промышленное производство также сильно пострадало. В это же время искоренили производственные артели и потребительские кооперативы. В результате из продажи исчезли и многие потребительские товары, пострадала также и сфера услуг. Всеобщий дефицит на продовольственные и потребительские товары стал плодородной средой для блата и коррупции, появились подпольные производства, «цеха», в национальных республиках происходило сра-

Немецкие «теоретики» на основе учения Дарвина развили концепцию Lebensraum — «Жизненного пространства», якобы необходимого для развития германской нации, послужившую основой для агрессивной политики Германии в XX веке и для проведения политики геноцида.

щение подпольного производства с партийным аппаратом и криминалом, появились центробежные тенденции. Желание воплотить в жизнь марксистскую догму было впоследствии названо странным термином «волютаризм», было осуждено, но его последствия мы ощущаем до сих пор.

В этом же ряду будут стоять и евгенические практики стерилизации в странах Западной Европы в первой половине XX века. Помимо преступлений гитлеровского режима в рамках тех же евгенических теорий в Швеции с 1934-го по 1976 год стерилизовали не

менее 63 000 человек (даже шведские власти признали, что 21 000 стерилизовали принудительно, в то время как остальных — «добровольно-принудительно»). Подобные узаконенные практики были распространены до середины 1970-х (!) годов и в Дании, и в Норвегии, и в Швейцарии, и в Канаде, и в США (где последняя принудительная стерилизация произошла в 1981 году).

Немецкие «теоретики» на основе учения Дарвина развили концепцию Lebensraum — «Жизненного пространства», якобы необходимого для развития германской нации, послужившую основой для агрессивной политики Германии в XX веке и для проведения политики геноцида.

Ещё более мрачную роль принесла в первую очередь Латинской Америке и части стран Африки теория модернизации. Вроде бы её придумали в США как ответ на брежневскую концепцию «развитого социализма». Ларри Даймонд и Хуан Линц, работавшие с Липсетом над книгой «Демократия в развивающихся странах: Латинская Америка», утверждают, что экономические показатели влияют на развитие демократии как минимум тремя способами. Во-первых, они утверждают, что экономический рост важнее для демократии, чем определённый уровень социально-экономического развития. Во-вторых, социально-экономическое развитие порождает социальные изменения, которые потенциально могут способствовать демократизации. В-третьих, социально-экономическое развитие способствует другим изменениям, таким как формирование среднего класса, что благоприятно для демократии. Под крышей этой теории с благословения ЦРУ возникли самые людоедские диктатуры от границ США к югу по этой части света до самой Антарктиды... А сначала все были искренне убеждены: примем в Мексике те же законы, что и в соседних США, и заживём лучше них — ведь климат лучше. Теорию похоронили на четверть века, но после окончания холодной войны пресловутый Фрэнсис Фукуяма вновь выступил за использование теории модернизации в качестве универсальной истории для бывших стран советского блока и в первую очередь для России. И некоторые так и считают до сих пор — не успели принять «правильные» законы...

Владимиров И. А. «Голод в Петрограде», 1918 г.
Из цикла «Времена военного коммунизма»

Последствия фрагментации образования

В своём труде «Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом» (1944) Фридрих фон Хайек рассказывает, как началась фрагментация образования во Франции в период Французской революции: «Революция уничтожила старую систему колледжей и университетов, базировавшуюся по большей части на классическом образовании, и после непродолжительных экспериментов в 1795 году на освободившееся место пришли *ecoles centrales* (центральные школы). В них — и только в них — можно было получить среднее образование. В полном соответствии с духом времени и в результате слишком резкого отхода от старой системы в новых заведениях на протяжении нескольких лет обучали почти исключительно естествознанию. Мало того что преподавание античных языков сводилось к минимуму (а на практике оно просто прекратилось), даже литература, грамматика и история превратились во второстепенные предметы, а мораль и религия, разумеется, исчезли вообще. И хотя через несколько лет были проведены новые реформы, имевшие целью исправление некоторых самых вопиющих недостатков (по меньшей мере преподавание античных языков было частично возобновлено в наполеоновских лицеях после 1803 года), однако и нескольких лет перерыва в преподавании этих предметов оказалось достаточно, чтобы изменить всю интеллектуальную атмосферу в стране. На рубеже 1812–1813 годов Сен-Симон так описывал эти пе-

ремены: «Различие в этом отношении между старым порядком вещей и новым, между порядком, существовавшим пятьдесят, сорок и даже тридцать лет назад, и нынешним очень велико: в эти довольно ещё близкие времена, когда хотели знать, получил ли человек отличное образование, — спрашивали, хорошо ли он знает греческих и латинских авторов? А теперь спрашивают, силен ли он в математике, знаком ли он с новейшими открытиями в физике, химии, естественной истории — одним словом, сведущ ли он в положительных науках, в науках опытных? Так выросло целое поколение, для которого неисчерпаемый кладёзь общественной мудрости — великая литература всех веков (единственная форма, в которой из поколения в поколение передаётся понимание общественных процессов, достигнутое величайшими умами) — оказался закрытым. Впервые в истории сформировался тип людей, которым, как и выпускникам немецких *Realschule* (реальных училищ) или похожих учебных заведений, предстояло сыграть столь важную и заметную роль в конце XIX и в XX веке, — технические специалисты, считавшиеся образованными лишь потому, что они одолели трудный курс обучения, но не имевшие или имевшие очень мало знаний об обществе, его жизни, развитии, проблемах и ценностях — знаний, приобретаемых только при изучении истории, литературы и языков».

Апофеозом фрагментации образования стала болонская система вместе с модульной системой в старших классах школ. В рамках этих систем школьники и студенты изучают не связную систему предметов, а набор логически и педагогически не связанных отдельных фрагментов курсов — модулей. То есть учащийся получает, например, высший балл по истории, вообще не знакомясь с историей мира, Европы и даже родной страны, а просто изучив подробно несколько несвязанных эпизодов из истории. То же и по другим предметам. За эти модули учащийся получает «кредиты», и критерием успешности его обучения выступает сумма этих «кредитов» — прямой аналог монетизации в других сферах. Никакого общего плана обучения, никакой связи между дисциплинами, никаких традиций факультетов и кафедр. Броуновское движение по факультету, лёгкий переход в дру-

Хрущёв Н. С.

гие вузы с болонской системой. Основной целью такого образования декларируется не система знаний, а набор «компетенций». По такой логике получается, что человек без систематических знаний может при этом оказаться компетентным.

Одним из следствий фрагментации образования стала деградация политической мысли в Западном мире. Это очень ярко проявляется в постепенной примитивизации политического языка — если мы проанализируем речи и тексты западных политиков начала и середины XX века, мы увидим сложную речь высокообразованных людей, которые обращаются к другим высокообразованным людям со сложными концепциями. С конца XX века, а тем более сейчас, мы слышим примитивные мысли, стандартные бюрократические обороты или вовсе бытовой язык, которые не могут выразить никаких сложных концепций — да таких и нет у нынешних западных политиков.

Проявление фрагментарного мышления мы наглядно видим в политике, например, Британии. Сначала ослабили свою промышленность, чтобы стать международным центром предоставления финансовых, юридических и образовательных услуг. Потом вышли из ЕС, чтобы остаться международным финансовым и юридическим хабом, не будучи связанными брюссельской бюрократией. А потом угробили этот хаб, введя неправовые санкции против России и российских граждан,

что вызвало повальное бегство из британской юрисдикции китайцев, арабов и других представителей стран глобального Юга, понявших истинную цену заверениям о «вековых традициях британского права на страже частной собственности». В результате — «зелёная энергетика» добывает остатки британской промышленности, финансовый сектор и сектор услуг стремительно теряют международную клиентуру, ситуация с мигрантами и политической нестабильностью — на экранах мировых СМИ. Никакой сложной стратегии, столь характерной для политики Британии прежних времён, не просматривается вообще. Единственное спасение элиты — страх и война с Россией посредством киевского режима.

Не лучше ситуации в Германии. В рамках «экологической политики» Германия ликвидировала высокоэффективную ядерную энергетику (25% от всей своей энергомощности). В рамках «политики ценностей» Германия отказалась от дешёвых российских энергоносителей, служивших основой её экономического процветания последние десятилетия. В рамках «климатической политики» Германия обложила свою промышленность высокими налогами на выбросы CO₂. В рамках «миграционной политики» Германия приняла 3,5 миллиона не желающих ассимилироваться беженцев. Очевидно, что в руководстве Германии никто даже не пытается свести все эти политики воедино, и вот «неожиданный» результат — канцлер Мерц сообщил, что на «социальное государство» денег не осталось. Германия проигрывает конкуренцию Китаю, и в ней год за годом падает промышленное производство.

Во Франции идёт постоянная волна протестов. Но местная элита, всё ещё считающая себя самой образованной на планете, вместо поиска решения для страны продолжает давать прогрессистские советы незападному миру. Как тут не вспомнить, что в своё время в Париже обучались основные лидеры «красных кхмеров», включая и самого Пол Пота, и лидеры Иранской революции (Хомейни с соратниками прибыл в Тегеран в 1979-м из Парижа).

Ярчайшим современным примером такой идеологической деградации является трансформация либерализма. Исходная либеральная идея стремилась к гармонизации отно-

шений личности, общества и государства, понимая, что свобода личности может существовать только внутри государства. Однако современный левый либерализм, выросший на почве упрощённых социальных теорий, полностью извратил этот посыл. Левый либерализм абсолютизировал абстрактного индивида, вырвал его из культурного, исторического и даже биологического контекста. На основе псевдонаучных конструктов обществу стали агрессивно навязывать новую социальную норму. Призывая к освобождению, левый либерализм приобретает очевидные черты тоталитарности: догматическое навязывание своей картины мира, обязательное внедрение

Население Европы и США начинает осознавать, в какую катастрофу его заталкивают, и, несмотря на шельмование, инстинктивно голосует за популизм, не связанный тотальными идеологиями либерального или социалистического извода.

«критических теорий», нетерпимость к инакомыслию (cancel culture), введение «политкорректных» языковых норм, попытки регулировать общественную жизнь, грубое вмешательство в семью и частную жизнь, чтобы подчинить её умозрительным схемам.

По результатам опроса Time (опубликовано в конце августа 2025-го) популистские правые партии лидируют в опросах в крупнейших экономиках Европы. Рост иммиграции и слабый экономический рост вызывают недовольство избирателей во Франции, Великобритании и Германии. Впервые популистские или крайне правые партии лидируют в опросах в Великобритании, Франции и Германии — это сигнал нарастающего недовольства избирателей на большей части континента после многих лет высокой иммиграции и инфляции. Крайне правые и антииммиграционные партии уже вошли в состав правительств в таких странах, как Италия, Финляндия и Нидерланды. Но в этом году они одновременно вышли вперёд в крупнейших экономиках Европы. Это может спровоцировать период политической

турбулентности во всех трёх странах, даже если национальные выборы, вероятно, состоятся лишь через несколько лет.

Население Европы и США начинает осознавать, в какую катастрофу его заталкивают, и, несмотря на шельмование, инстинктивно голосует за популизм, не связанный тотальными идеологиями либерального или социалистического извода.

Упрощённый подход порождает иллюзию простых решений для сложных проблем, что и составляет идеологическую основу радикализма и экстремизма. Именно эта интеллектуальная самонадеянность, попытка всё быстро и просто «порешать», впоследствии вела к катастрофам — от Версальского мира, спровоцировавшего Вторую мировую войну, до провальных рыночных реформ в постсоветской России, основанных на наивной вере в то, что «саморегулирующийся рынок» может «порешать» все проблемы общества.

При этом во всех странах заметна тенденция всё большей и большей радикализации молодёжи. Причины этого понятны — не получая ни полноценного естественнонаучного образования, ни классического гуманитарного, множество молодых людей не получают необходимого понимания сложности мира вообще и его социальной ткани особенно. Вместо этого они нахватываются элементов социальных наук, не понимая, что упрощения человека и общества, допускаемые этими науками, служат для построения экономических и социальных моделей, позволяющих выполнять те или иные расчёты, и никак не могут служить для описания реального человека и тем более реального социума. В результате у этих молодых людей возникают иллюзии простых решений сложных социальных вопросов, что, собственно, и составляет суть экстремизма с идеологической точки зрения.

Что же предлагается?

Что же можно предложить для решения проблемы фрагментации знания и образования?

Для начала давайте обозначим те большие вызовы, которые будут стоять перед обществом, в которое должны будут влиться будущие выпускники:

Митинг сторонников партии
«Альтернатива для Германии»

- уже происходящая социальная революция, вызванная интернет-сетями, которые изменили всю социальную архитектуру человечества во всех странах — от США до Непала;
- надвигающаяся революция технологий искусственного интеллекта;
- необходимость изменения базовой общемировой экономической доктрины с модели непрерывного экономического роста, успешно работавшей последние лет 150, на ещё не созданную модель роста качества жизни;
- демографическая революция — прекращение роста населения всех стран Земли, кроме африканских, в ближайшие десятилетия и старение населения (по оценкам демографов, к 2050 году в 155 из 204 стран уровень рождаемости будет ниже, чем необходимо для поддержания численности населения).

Конечно, идея изучения латыни и греческого во всех элитных вузах выглядит утопично. Но необходимо так сформировать учебные программы по всем предметам в совокупности, чтобы выпускники получали цельное представление о мире, показывающее:

- сложность мироздания, социума и человека;
- важность **системы** ценностей, гармонизирующей отношения человека и государства, человека и социума;
- сложность задач, стоящих перед страной в ситуации стремительных изменений во всех сферах жизни;

Высшее образование должно готовить гражданина-патриота, понимающего сложность мира, социума и человека, с одной стороны, сложность проблем и вызовов, стоящих перед обществом и страной, с другой стороны.

- необходимость умения применять весь комплекс технологий, как технических, так и социальных, накопленных человечеством, для решения этих задач, а не пытаться искать «простые решения»;
- что все научные теории — от физики до социологии и политологии — не более чем модели, упрощённо описывающие те или стороны реального мира, не претендующие на всеобъёмность и универсальность;
- что все идеологии — не более чем инструментарий для управления человеческими массами, а никак не «истины в последней инстанции»;
- что в сложном мире простые решения не работают — а давайте просто «поборем коррупцию», или «всё приватизируем и монетизируем», или «всё национализируем», или «всё демократизируем и либерализуем», или «введём везде армейскую дисциплину», — технические решения сложны, медицина очень сложна, социальные решения тем более сложны и комплексны.

Важно заметить здесь, что патриотизм (в отличие от национализма!) — не теория и не идеология, а естественное чувство социальности — цепочка единения с семьёй, с малой родиной и со своей страной.

Итак, попробуем сформулировать ответ на вопрос, поставленный в начале статьи: **кого, зачем и к чему высшее образование должно готовить?**

Наш ответ: гражданина-патриота, понимающего сложность мира, социума и человека, с одной стороны, сложность проблем и вызовов, стоящих перед обществом и страной, с другой стороны, и понимающего богатство наработанного человечеством инструментария решения различных задач в целом вообще и глубоко и детально в сфере своей специализации. ●

Образование и революция

И. Ю. Демин,
кандидат политических наук

Контрэлита

*Настоящих буйных мало,
Вот и нету вожжаков.*

Владимир Высоцкий

Февральская революция, как ярко описал писатель И. Л. Солоневич, была результатом разборки в царской фамилии, дополненной заговором командующих фронтами. Власть неожиданно для всех оказалась у Государственной думы, а в её лице у русской интеллигенции. Нерешительность, велеречивость и мечтательность этих либералов на фоне внутренних склок привели к полному разочарованию в них населения и предопределили смену власти в России спустя полгода. «Революционный Октябрь» в исполнении несистемной оппозиции под руководством Л. Д. Троцкого и В. И. Ленина был больше похож на военный переворот, финансируемый генштабом противника, а не на народное восстание. Классические формулировки о революционной ситуации Ленина, фактически ставшие аксиоматическими, при критическом взгляде мало объясняют победу большевиков и носят описательный характер. Они скорее из области чувств и эмоций, а не социологических расчётов.

Приход в политологию математиков привнёс численный анализ в определение ситуации, способной поменять правление. Американский специалист в области математического моделирования П. В. Турчин (он имеет русские корни, хотя пишет и публикуется

на английском) в своих книгах *Secular cycles* (2009), *Ultra society* (2015) и других (кстати, переведённых и на русский) утверждает, что революции случаются при наличии двух условий — относительном обнищании населения и перепроизводстве элиты. Субъективность обнищания, в отличие от ленинского «недовольства масс», можно измерить. Но как происходит раскол элиты, особенно в условиях падения рождаемости в городах, где и проживает правящий класс? Турчин исследует ситуации, когда множество молодых людей, имея гуманитарное образование, но так и не сумев найти место в системе власти, формируют контрэлиту. Это не оппозиция, которая также вписана во власть и временами меняется местами с правящей элитой. Контрэлита — это андеграунд, готовый действовать экстремистскими методами. Их недоброжелатели ввели понятие «недоучившиеся семинаристы», ещё более яркое определение этому явлению дал писатель А. И. Солженицын — «образованщина». Яркий пример — русские бомбометатели вто-

Маковский К. Е. «Кибальчич, Перовская, Желябов на процессе по "Делу 1 марта"»

Репин И. Е. «Манифестация 17 октября 1905 года», 1907, 1911 гг.

рой половины XIX века, и это, увы, чисто русское порождение. Убийства высокопоставленных деятелей: фараонов, цезарей, императоров, королей, пап и проч. — происходили на протяжении всей истории. Но только наша отечественная контрэлита додумалась убивать должностных лиц, исходя не из их деяний, а только по занимаемой должности с целью революции. Интересно, что и русская правящая элита прониклась этим мышлением. Принявший назначение министра внутренних дел вместо убитого предшественника П. А. Столыпин в своём завещании написал, что желает быть похороненным в том месте, где будет убит (что и случилось!). При

В первой половине XIX века процесс бюрократизации государственного аппарата резко ускорился. Учреждение в 1802 году 11 министерств заложило основы для создания бюрократических ведомств со сложной внутренней организацией и делопроизводством.

этом «прогрессивная общественность», для которой государство было только инструментом насилия, а фрондёрство — модным позиционированием, поддерживала такие деяния настолько, что даже приветствовала признание судом невиновной В. И. Засулич, стрелявшей с целью убийства в генерал-губернатора Санкт-Петербурга.

Зарождение

Как же появилась контрэлита, этот питательный раствор для революций? Историческая статистика вопреки теоретикам марксизма говорит, что из бюрократии и посредством решений высших царских сановников.

В середине XVIII века в России всех ранговых гражданских чиновников было всего 2051 (с канцеляристами — 5379), в 1796-м — 15,5 тыс. (с канцеляристами — 21,3 тыс.), в 1804-м — 13,2 тыс. Судя по материалам Герольдии, на 1807 год (время перехода от коллегии к министерствам) общее количество статских и военных чинов на гражданской службе составило примерно 25–30 тыс., в том числе чинов первых

семи классов — 3,2 тыс., а первых пяти классов — 1,1 тыс. Для сравнения — в 1784 году чинов первых пяти классов было всего 435, следовательно, за полтора следующих десятилетия их число возросло в 2,5 раза.

В первой половине XIX века процесс бюрократизации государственного аппарата резко ускорился. Учреждение в 1802 году 11 министерств заложило основы для создания бюрократических ведомств со сложной внутренней организацией и делопроизводством. Если в 1804 году было около 13,2 тыс. табельных чиновников, то в 1850-м их было уже 71,8 тыс., в 1856-м — 82,3 тыс. человек. Число внетабельных служащих также возросло (в 1850-м — 26,3 тыс. человек, в 1856-м — 31,6 тыс. человек). Шло неуклонное увеличение численности. Порядок определения на службу, прохождения её, награды и поощрения, наказания, выход на пенсию определялись «Уставом о службе гражданской» (1832). В нём при назначении учитывалось и образование чиновника, что было крайне актуальным в сословном обществе.

Проблемы повышения образовательного уровня чиновничества должны были решить опубликованные 24 января 1803 года «Правила народного просвещения» (своего рода программа Министерства народного просвещения). Предполагалось, в частности, открытие в стране университетов, гимназий и училищ для устранения препятствий к получению образования представителями всех свободных «состояний», прежде всего дворянством. А в связи с этим через пять лет все должности по гражданской государственной службе, требующие правовых и других специальных познаний, должны были начать замещаться лишь лицами, окончившими курс обучения в казённых или частных учебных заведениях. Как предусматривалось законом, каждое из таких заведений давало своим выпускникам право на определённый чин (обычно с XIV по IX класс), с которого они могли начать классную службу.

В 1809 году по инициативе М. М. Сперанского был издан указ, требовавший от чиновников определённого уровня образования. При производстве в 5–8-й класс чиновники должны были предоставить диплом об окончании университета или сдать ряд экзаменов.

В апреле 1812 года по указанию Александра I был образован особый комитет для «составления общих по всем частям гражданской службы, каких именно наук познание нужно, дабы, определив то, подвергнуть при производстве в чины экзамену, с сим сообразному».

На бумаге всё выглядело замечательно — даны возможности получить образование и введены условия его конкурентного использования. С этого момента действительно начался рост студенчества в Российской империи, который, по идее, должен был бы закрыть дефицит управленцев. Но рост студенчества, шедший опережающими темпами в сравнении с увеличением бюрократии, привёл к непредвиденным результатам.

Самым высоким был рост бюрократии в 1840–1850-е годы — количество чиновников возросло на треть. На этом этапе одним из источников пополнения их рядов было обедневшее дворянство. В этот период расцвета правления Николая I трудоустройство всё увеличивающегося числа выпускников университетов не вызывало никаких трудностей. Была даже сделана попытка укрепить элиту за счёт образованных выдвиженцев. С 1845-го

Репин И. Е. «Студент-нигилист», 1883 г.

потомственное дворянство стали давать чины 6-го класса в военной и 5-го (с 1856-го — 4-го) в гражданской службе, личное дворянство — 9-й класс. В это, как уверяют некоторые историки, наиболее реакционное время многие студенты не принадлежали к дворянскому сословию. За 1836–1843 годы в чин 8-го класса, дававший потомственное дворянство, было произведено около 7,2 тыс. человек, из них около 4,7 тыс. — выходцы не из дворян.

При советской власти миф о неэффективном бюрократическом монстре империи активно культивировался. Советский историк П. А. Зайончковский писал, что за полвека — к 1847 году — число чиновников увеличилось в четыре раза, а население — только в два. Но спад роста в последующие полвека им не комментировался, как и появление новых функций госаппарата.

Однако миф о засилии русской бюрократии придумали не партработники XX века, а прогрессивные царские сановники в 60-е годы XIX века. Министр внутренних дел П. А. Валуев считал, что чиновничество ложится тяжким бременем на казну и требует сокращения для экономии средств. С чем и обратился к царю.

В апреле 1862 года с резкой критикой организации гражданской службы выступил главный управляющий Вторым отделением Собственной его величества канцелярии барон М. А. Корф. В представленной им в Совет министров записке он указывал на опасность того, что «...человек, который мог бы с успехом заняться любимым ремеслом или промыслом, поступает на казённую службу и бедствует на ней десятки лет единственно потому, что эта служба ставит его на искусственные ходули в обществе и ласкает его воображение обманчивой картиной иногда отдалённых, но все-таки возможных повышений и отличий. Однажды предавшись этому влечению, однажды надев вицмундир, он с трудом снимет его и решится сесть за рабочий инструмент или прилавок. Редко решаются на то и сын, и внук его, и таким образом размножаются целые поколения самой несчастной породы нищих во фраке». Корф предлагал отказаться от производства канцелярских служителей в классные чины, предоставляя им вместо этого за выслугу определённого числа лет права личного почётного гражданства.

Александр II хотя и не поддержал это предложение, вероятно решив, что его реализация могла бы только парализовать работу бюрократов, но остановил расширение управленческого аппарата, для которого фактически и готовили кадры учебные заведения империи.

В начале XIX века, в 1808 году, количество студентов было всего 150, но уже к концу века, в 1897 году, оно выросло до 15 тыс. А в 1860–1870-х годах были проведены университетские реформы, расширившие автономию университетов и права студентов. То есть студентов толкнули к вольнодумию, при этом одновременно начав кампанию об избыточности бюрократии.

В то время как происходил радикальный рост студенчества, к середине XIX века увеличение числа свободных чиновничьих вакансий, как уже отмечалось выше, резко затормозилось. Не было и притока новых людей — в этот момент государственная служба стала как бы наследственным занятием. Дети и внуки шли по стопам отцов и дедов, опираясь на их служебные связи. И конечно, вынужденно приняв на низшие чины выпускников университетов, консолидированная бюрократия наверх пропускала только своих.

Главным основанием для продвижения по службе была выслуга лет и лояльность руководству. Повышение за заслуги и по выслуге

С отменой крепостного права множество людей, лишившись прежних доходов, ринулось на государственную службу (поскольку частное предпринимательство ещё не получило развитие).

лет соотносилось как 1 к 10. Пункт третий Закона от 7 ноября 1850 разрешал начальству увольнять подчинённых чиновников без объяснения причин и права обжалования. То есть любые инициативы образованного молодого человека были обречены, как и его карьера.

С отменой крепостного права множество людей, лишившись прежних доходов, ринулось на государственную службу (поскольку частное предпринимательство ещё не полу-

чило развитие). Естественно, на всех вакансий не хватало. Около трёх тысяч человек в ожидании вакантного места служили сверх штата (так называемые причисленные), не получая жалованья и без всякой надежды на карьеру. Так укреплялось только мздоимство, хотя идея создания недостатка вакансий должна была вести к повышению требований и улучшению качества гражданской службы, своеобразной конкуренции среди претендентов. Причина заключалась в сохранении системы чинов, делающей невозможным быстрое обновление состава служащих.

Законом от 3 мая 1871 года правительство попыталось воздвигнуть ещё один образовательный барьер для претендентов на классную службу: для производства в низший классный чин теперь требовалось успешно сдать экзамен за курс уездного училища. Но дальнейшее продвижение всё равно зависело от выслуги и лояльности начальнику.

Некой альтернативой стали созданные в ходе городской (1870) и земской (1864) реформ органы самоуправления. Они привлекали на службу вольнонаёмный персонал (врачей, учителей, техников, агрономов и др.), получивший в бюрократических сферах название «третий элемент». Однако карьерных перспектив у них не было. Как и у женщин на службе. С конца 1860-х годов в ряде ведомств стали работать по найму женщины — в 1897 году их было 38 тыс. (из них 28,9 тыс. в учебных заведениях), т. е. около 9% от общего количества чиновников (около 440 тыс.). Это заложило будущие условия приходу в контрэлиту женщин, известных по романтическим образам комиссарш из литературы социалистического реализма. Все это отдалило революцию до 1905 года, но не остановило убийства самого царя-освободителя.

К 1881-му — году убийства Александра II от рук представителей контрэлиты — рост чиновничества почти прекратился, а студенчества радикально вырос. Причём обучались в основном не техническим наукам, не инженерному искусству, а юридическим и общественным знаниям. То есть диплом об окончании университета можно было рассматривать как распределение в непримиримую оппозицию, в контрэлиту. Всего за время правления от Николая I до Александра III русское студен-

Ярошенко Н. А. «Студент», 1881 г.

чество выросло вчетверо, а количество чиновников увеличилось примерно на 10%.

Несмотря на рост аппарата, в относительных цифрах количество русских чиновников оставалось незначительным, составляя лишь доли процента в населении страны. На 1000 человек населения в конце XVII века приходилось 0,4 чиновника, в XVIII веке — 0,6, в 1857 году — 2,0. А во второй половине XIX века их число даже стало уменьшаться благодаря росту населения: в 1880 году — 1,4, в 1897-м — 1,2 — и лишь в 1913 году пошло вверх — 1,6.

Между тем во Франции уже в середине XIX века чиновников было 0,5 млн, в Англии к 1914 году (при втрое-вчетверо меньшем населении) — 779 тыс., в США в 1900 году (при в 1,5 раза меньшем населении) — 1,275 млн, наконец, в Германии в 1918 году (при в 2,5 раза меньшем населении) — 1,5 млн. А в России к 1913 году — 253 тыс., а если включить учителей, врачей и прочую служивую интеллигенцию — 575 тыс.!

Диссиденты

*Он переделать мир хотел,
чтоб был счастливым каждый,
а сам на ниточке висел:
ведь был солдат бумажный.*

Булат Окуджава

При том что грамотных управленцев в России не хватало, студенты стали пополнять ряды контрэлита. Их собственные теоретики вывели для этого русского явления красивое обозначение «революционная интеллигенция». Но в сравнении с реальной интеллигенцией их образование было не энциклопедично, а мозаично. Кроме того, представления о реальной жизни у этих «недоучившихся семинаристов» были очень поверхностные. Чего стоит одно только начавшееся весной 1874 года движение «хождение в народ». Очевидно, что не востребованные государством

**Н. С. Хрущёв, не сумевший
в своё время закончить даже
Промышленную академию в связи
с переходом на партработу
по протекции жены Сталина,
был критически настроен
в целом к профессорско-
преподавательской элите.**

люди не знали людей и страны, в которой жили, но готовы были отдать жизни за народное счастье. Со временем значительная часть этой молодёжи переменяла взгляды. Иногда на противоположные, повторив путь страданий писателя Ф. М. Достоевского. Неслучайно в сборнике 1909 года «Вехи» остепенившиеся бывшие «молодые бунтовщики» подвели итог векового развития: «Интеллигенция погубит Россию». Однако разная природа либерально-демократической и революционной интеллигенции стала очевидной после событий февраля 1917 года, когда они оказались в антагонистических лагерях. Контрэлита не хотела быть в оппозиции или иметь оппозицию. Власть для нее была тотальна.

В советское время в стране расцвёл культ технократического образования. Образование гуманитарным дисциплинам, поначалу объявленным классово враждебными, со временем превратилось в способ обустройства отпрысков партноменклатуры. Даже марксизм-ленинизм в догматическом исполнении деградировал в качестве прикладной науки. Русская учёная элита — интеллигенция — была выслана из страны ещё В. И. Лениным в начале 1920-х на «философском пароходе». Из числа пролетарских активистов было назначено несколько академиков-обществоведов. Эмоциональный И. В. Сталин, очень чувствительный к унаследованным ленинским формулировкам о революционной ситуации, в борьбе с её призраком просто физически устранил не только троцкистов, составлявших ему системную оппозицию, но и большую часть собственной правящей номенклатуры. Он мудро рассудил, что тогда за власть бороться будет некому. Революционная интеллигенция, выжившая на царской каторге, сгинула в ГУЛАГе. Однако в эти же годы начала складываться «советская интеллигенция» на базе культивируемого инженерного образования.

Н. С. Хрущёв, не сумевший в своё время закончить даже Промышленную академию в связи с переходом на партработу по протекции жены Сталина, был критически настроен в целом к профессорско-преподавательской элите. Он искренне считал, что место учёным на производстве. В годы последующего застоя падение престижа профессуры распространилось и на доцентов. В отсутствие научного дискурса появились кухонные поделки, самиздат и вновь расцвела «образованщина», прозванная диссидентством. Но на этот раз инакомыслие зародилось среди технократов. Им казалось, что достаточно

принять несколько простых решений — и все прекрасно заживут. Например, обязать всех соблюдать права человека или начать производить много автомобилей...

Но власть не вступала с ними в открытую полемику. В общественных науках тотально доминировал догматизм. Это был вынужден констатировать генсек Ю. В. Андропов на июньском 1983 года пленуме ЦК КПСС, посвящённом идеологической работе партии. Он с трибуны заявил: «...Если говорить откровенно, мы ещё до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живём и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок».

Этот нерациональный путь довёл до логического завершения последний генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачёв. Август 1991 года случился из-за «недопроизводства элиты». На обучение общественным наукам в основном направлялись имеющие рабочий стаж «перспективные» и преданные делу КПСС люди, причём ко временам перестройки это были уже достаточно циничные карьеристы. Интеллектуальный потенциал многих из них был достаточно ограничен западной витриной общества потребления. Ещё более односторонне формировались круги национальной гуманитарной интеллигенции. Особо очевидным это было заметно на Украине. Те, кто не имел шансов выдержать экзамены в московские вузы, поступали в киевские учебные заведения с главным конкурентным преимуществом — обучением на украинском языке. Для них этот суржик стал защитной стеной для собственной безграмотности. Те же, чьи способности всё же раскрывались за время студенчества, уезжали делать карьеру в Москву.

Так или иначе, но единственными многочисленными гуманитариями, лояльными к власти, оказались отставники-замполиты, уровень навыков которых сводился к написанию конспектов классиков марксизма-ленинизма с помощью расчёски. С такими наследниками советский способ проб и ошибок не сработал. И если царский режим погубило перепроизводство, то СССР — недопроизводство общественно образованных людей.

Чекмасов В. С. «Ю. В. Андропов у чекистов Карелии»

В этом смысле можно считать, что в отсутствие полноценной элиты в 1991 году победила контрреволюция, естественным результатом которой стала потеря суверенитета и распад страны по надуманным административным границам.

Оказавшиеся у власти технократы и немногочисленные диссиденты теории общественного развития черпали из газетных статей, часто скопированных у западных аналитиков. Их рецепты были примитивны — «отпустим цены, и рынок все построит», «мы никому не угрожаем, поэтому нас теперь окружают друзья», «примем правильные законы — и всё заработает»... Мне до сих пор памятли призывы к молодым коллегам экономиста С. А. Айвазяна на клубе «Перестройка» читать «толстые книги», а не статьи в «Московских новостях». Но кто слушает старых профессоров?

Современная ситуация

*Я верю, друзья,
Караваны ракет
Помчат нас вперёд —
От звезды до звезды.
На пыльных тропинках
Далёких планет
Останутся наши следы.*

Владимир Войнович

Сегодня Росстат определяет численность работников и служащих по отчётности в ПФР и ФСС, утверждая, что на конец июня 2021 года в России реально работало на государ-

Здание в Санкт-Петербурге, где располагалось Министерство народного просвещения

ство 3,304 млн человек. Из показателя Росстата можно исключить данные о численности военнослужащих и гражданского персонала Вооруженных сил. Она утверждена Указом Президента РФ № 127, составляет 1,9 млн человек. Таким образом, реальное количество чиновников в России до начала СВО составляло 1,4 млн человек — 1 на 100 жителей. В наиболее похожей на Россию из числа европейских стран Германии сегодня на госслужбе 11% всех трудящихся (5,2 млн человек), более 6,1 человека на 100 жителей. То есть в шесть раз больше, чем у нас. Конечно, есть разные методики подсчёта и отнесения работника к категории «чиновник». Англичане так насчитали на всю страну около полумиллиона бюрократов. Но при этом у них речь идёт только о, как бы у нас сказали, «центральном аппарате». А вот у русских и немцев методика по рабочим категориям примерно похожая, учитывающая и местное самоуправление. И при сравнительном изучении этих чисел возникает ощущение нехватки мест бюрократии в России вновь, как на протяжении XIX века. Самое очевидное объяснение пресловутой бюрократической волоките — это сверхзагруженность «делопроизводителей» — почему-то не рассматривается. При этом штаты не расширяют ещё и потому, что и существующие вакансии сложно заполнить. Особенно в системе местного самоуправления. Получившие образование, тем более за собственный счёт, выпускники вузов совсем не стремятся в провинцию.

Немногим более десяти лет назад ставку на формирование контрэлиты сделал А. А. На-

вальный. В отличие от своих революционных предшественников, он не нёс никакой идеологии. Показная толерантность у него сочеталась с публичной гомофобией и антисемитизмом. Проект его прихода к власти был рассчитан зарубежными подрывными центрами на полтора десятка лет. В своих выступлениях он делал ставку на офисный планктон, студентов коммерческого обучения («недоучившихся семинаристов») и... школьников. При этом он учёл (а может, ему подсказали), что в условиях начавшейся борьбы с коррупцией из госаппарата уйдёт немало жуликов, которые пополнят ряды контрэлиты и станут его активом. И он как чёрт, по схеме писателя Л. А. Андреева, стал в аду проповедовать Евангелие. То есть среди нынешнего и будущего офисного планктона, уверенного, что только на основании оплаченного их родителями диплома они должны жить как в голливудских фильмах. При поддержке уже состоявшихся паразитов, в том числе и в администрации, он заявил о борьбе с коррупцией, используя данные самих правоохранительных органов.

Уже тогда, после анализа групп участников беспорядков, стало понятно — необходимо корректировать рынок образования. Началась кропотливая работа по ликвидации программ подготовки молодёжи по зарубежным грантам и, соответственно, западным лекалам. Прямое обучение «иноагентству» было сведено к минимуму. Но необходимо было исключить и само пополнение контрэлиты за счёт невостребованных, но обученных специалистов.

Лишь в мае этого года Госдума приняла закон № 884102-8 «О внесении изменений в статьи 101 и 104 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации“» в части государственного регулирования платного приема на обучение по образовательным программам высшего образования. Правительство, аппарат которого уже изрядно очистился, как предполагается, теперь ограничит приём на обучение по нетехническим, в первую очередь по гуманитарным специальностям.

Согласно данным из формы федерального статистического наблюдения № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образо-

вательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» за 2024 год из 4 431 687 студентов образовательных организаций высшего образования 2 364 520 студентов обучаются за счёт средств физических и юридических лиц (это данные из пояснительной записки к законопроекту). Таким образом, более половины студентов (53,4%) проходят обучение за плату. При этом 42,7% из этих студентов обучаются по направлениям подготовки (специальностям) 38.00.00 «Экономика и управление» (по программам бакалавриата — 429 643 студента, по программам специалитета — 82 261 студент, по

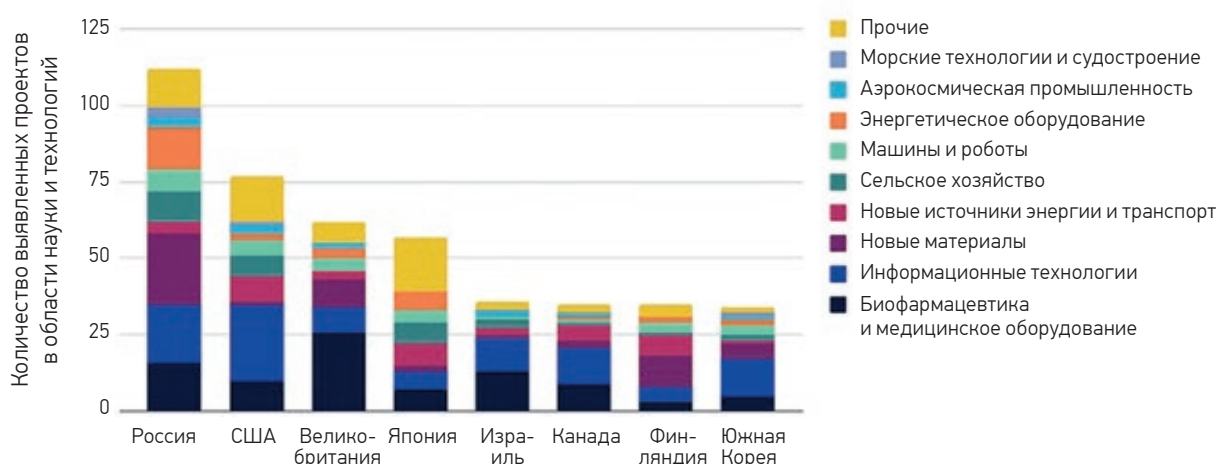
Как стало выясняться, в некоторых вузах нет ни одного преподавателя, имеющего учёное звание, но в избытке со специальными званиями (не всегда старших) офицеров, уволившихся со службы нередко при сомнительных обстоятельствах.

программам магистратуры — 84 961 студент) и 40.00.00 «Юриспруденция» (по программам бакалавриата — 267 335 студентов, по программам специалитета — 88 630 студентов, по программам магистратуры — 57 130 студентов). И это несмотря на отсутствие кадрового дефицита по указанным направлениям подготовки (специальностям).

Насколько качественно готовят студентов? Например, по данным Ассоциации юристов России (АЮР), в стране студентов, обучающихся по юридическим специальностям, 478 831. Опять же, по данным АЮР, на начало 2025 года организаций, где обучают по специальности «юриспруденция», 555, причём 503 — это те, где по специальности обучаются более 50 человек. Из них 216 — это подведомственные учреждения Минобрнауки вместе с филиалами. При этом профессионально-общественную аккредитацию в АЮР прошло 108 вузов. Процедура прохождения аккредитации достаточно формальна, и основным критерием была возможность создания в учебном заведении соответствующего учёного совета. Как стало выясняться, в некоторых ву-

зах нет ни одного преподавателя, имеющего учёное звание, но в избытке со специальными званиями (не всегда старших) офицеров, уволившихся со службы нередко при сомнительных обстоятельствах. Очевидно, такие учебные заведения не выпускают элиту, а просто осваивают деньги населения. Однако с подобными дипломами без знаний таких выпускников берут на офицерские должности в МВД, где катастрофическая ситуация с кадрами. И, имея пистолет с удостоверением, они начинают свой путь в профессии не только без идейных установок, но и необходимых рабочих знаний. Их заменяет рукоприкладство и коррупция.

К сожалению, аналогичная ситуация и по другим направлениям обучения. Всё это становится не только фактором, увеличивающим рост новой контрэлиты, но и способом мошеннического перераспределения средств в условиях платного обучения. Мне пришлось наблюдать, как для подобного рода целей набирался курс в МГУ им. М. Ломоносова. Профессор, таинственно показывая публикации из жёлтых СМИ о себе, «победителе в нескольких когнитивных войнах» за рубежом, в Латинской Америке и Африке, набрал две группы обучения в платной магистратуре. Часть ППС факультета возражала, но была задавлена политическим давлением извне. При наборе буквально у выхода из метро и в подземных переходах будущим выпускникам было строго конфиденциально обещано гарантированное распределение в ФСБ, СВР, ГРУ и троечникам — в МВД. Когда до окончания двухгодичного курса оставался один семестр, профессор и его «други-преподаватели» заявили о слишком мизерной оплате за свой труд и сорвали не только обучение, но и в целом возможность завершить курс примерно полусотне человек. Мне пришлось разговаривать с этими молодыми людьми. В большинстве никакой угрозы обществу они не несут, а их карьерная установка, как ни парадоксально, только укрепились. Однако несколько человек вполне могут пойти по авантюрному пути петербургских бомбометателей. Что ещё предположить о студенте, приходящем на лекции со штык-ножом, или блогерше, связавшей своё отчисление за неуспеваемость с национальным фактором своих друзей-тусовщиков?

Источник: набор данных CSET, включающий 642 технологических проекта, выявленных китайскими научно-техническими дипломатами (восемь перечисленных стран вместе составили 448 проектов)

Рис. 6. Наиболее распространённые страны расположения проектов в области науки и технологий (S&T), выявленных китайскими научно-техническими дипломатами

При этом настораживающим моментом становятся данные об общей численности госслужащих в стране. По сравнению с данными на конец июня 2020 года численность чиновников в России немного уменьшилась и составляет 99,3% от прошлогоднего показателя. Более свежих данных в открытых публикациях не обнаруживается. Другим настораживающим фактором мне показались сообщения одного из руководителей «Мастерской новых медиа» о переподготовке провинциальных медиаменеджеров в Москве. Часть выпускников после нескольких месяцев интенсивного обучения отказывается возвращаться и потенциально превращается в субъект контрэлита. Здесь приходит на память другая попытка из образованных людей создать интеллигенцию и возродить бомбометателей. Это потуги ещё не помеченных иноагентов привлечь к подрывной работе офисных хомячков на волне Болотной площади. И денег на это было не меньше, чем на Майдане.

Направление талантливой молодёжи из сферы гуманитарной в научно-техническую путём таргетирования рынка образования должно купировать эту проблему. Однако и здесь есть фактор неопределённости. Как отмечали участники недавней дискуссии клуба МИФИ «Технологического суверенитета», кадровое планирование по прогнозам Минтруда

гражданским отраслям потребуются привлечь более 2,2 млн специалистов, причём две трети от общей потребности составляют сотрудники со средним профессиональным образованием. Если говорить про нацпроекты технологического лидерства, то здесь потребность в профессиональных кадрах оценивается в более 470 тыс. человек до 2030 года. При этом, как отмечено в материалах клуба, нужны не абстрактные «кадры», а целенаправленный государственный заказ на подготовку специалистов в конкретных приоритетных направлениях. Чтобы кадровое планирование было максимально точным, необходима методология, учитывающая региональные и отраслевые особенности и потребности. Как сетовал докладчик: «В некоторых случаях декомпозиция сверху вниз и сбор данных снизу вверх показывают расхождения, так как предприятия, особенно малые и средние, часто завышают потребности или не могут их точно определить». Например, региональные власти активны при закладке строительства новых технологических площадок. Но при этом совершенно не озабочены подготовкой кадров для строящихся объектов. (К сожалению, по условиям работы клуба МИФИ более конкретное цитирование докладчиков запрещено.)

В то же время высокий инженерный потенциал до сих пор остаётся главным конкурент-

ным преимуществом современной русской цивилизации. Для меня это стало очевидным, когда в 1992 году, приехав на интервью с генералом Д. М. Дудаевым после провозглашения независимости Чечни, наша съёмочная группа обнаружила, что все лифты в бывшем здании обкома партии не работают. Оказалось, что русские лифтеры покинули своё место работы, и «президент Ичкерии» со своей челядью на 11-й этаж карабкались пешком. При съёмках же репортажа о «новой армии» обнаружилось, что все три танка, стоявшие на вооружении Дудаева в 1992 году, целиком зависят от одного русского прапорщика, обеспечивающего ремонт.

Но это скорее уже исторический анекдот. А вот свежее исследование американского **Центра безопасности и новых технологий (CSET)**. cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/CSET-Chinas-Foreign-Technology-Wish-List.pdf). Это аналитический центр, занимающийся анализом политики на стыке национальной и международной безопасности и новых технологий. Центр расположен в

Вероятно, на этом фоне стоит глобально пересмотреть отношение к венчурным инвестициям в российскую экономику. Это не только возможность стране стать богаче, но и определённая гарантия от формирования контрэлиты.

Джорджтаунском университете на базе Школы дипломатической службы. Его задача — изучать влияние новых технологий на безопасность путём анализа данных, поддержки академических исследований в области безопасности и технологий, а также предоставления беспристрастного анализа политическому сообществу. CSET уделяет особое внимание взаимодействию безопасности и искусственного интеллекта.

CSET составил «список интереса Китая в области иностранных технологий» (China's Foreign Technology Wish List). Его получили, анализируя деятельность службы «дипломатов по науке и технологиям» в посольствах КНР, действующих как брокеры в рамках стра-

тегии Китая по приобретению иностранных технологий. Каждый год эти «дипломаты» подают сотни официальных отчётов о своей деятельности. CSET проанализировал 642 таких отчёта, поданных управлениями науки и техники китайских посольств и консульств с 2015-го по 2020 год. Самые сильные пожелания Китая в трёх областях:

- 1) биотехнологии;
- 2) ИИ и машинное обучение;
- 3) военные технологии.

При этом, как делают вывод американцы, самые активные доноры научно-технологических идей:

- 1) Россия (больше всего научных идей Китай получает у нас в области новых материалов и информационных технологий);
- 2) США;
- 3) Великобритания.

Госдеп пытается, таким образом, повлиять на идущую экономическую интеграцию России и Китая. С одной стороны, показать нам утечку идей на Восток, а с другой — задеть национальное самолюбие китайцев лозунгом времен Сталина — Мао о «младшем брате» в нашем сотрудничестве. Но если учесть, что Россия — держава «женская», то поправка «старшая сестра» вместо «старший брат» вполне может быть принята в наших отношениях.

Вероятно, на этом фоне стоит глобально пересмотреть отношение к венчурным инвестициям в российскую экономику. Это не только возможность стране стать богаче, но и определённая гарантия от формирования контрэлиты. Креативная экономика, получившая поддержку в виде Федерального закона № 330-ФЗ, пока только разворачивается, но её рост позволит избежать обеим цивилизациям революционных потрясений, вновь планируемых для нас Западом. В этой схватке главное конкурентное преимущество и наиболее эффективное оружие России — это современная интеллигенция. ●

Список действующих венчурных фондов в России по версии «Софтлайна». vcmap.ru/#/tab/1221597426-3

Экспорт образования

Д. Ю. Байдаров,
кандидат юридических наук,
А. В. Путилов,
доктор технических наук, профессор
Д. Ю. Файков,
доктор экономических наук, доцент

Технологическое лидерство и образование на базе передовой науки

Одна из национальных целей России на длительную перспективу — достижение технологического суверенитета. А в условиях санкций это и ключевой вопрос национальной безопасности. Особенно когда речь идёт о ядерной энергетике. Атомное образование — неотъемлемая составляющая прорыва от технологического суверенитета к высокотехнологическому лидерству.

Госкорпорация «Росатом» выстраивает сквозную систему подготовки и переподготовки научных и технических кадров: буквально от школы через вузы и до предприятий. Уже восьмиклассники занимаются в специализированных вечерних школах с преподавателями профильных факультетов, со 2–3 курсов университетов студенты принимаются на работу в отраслевые организации, а научные работники ведущих исследовательских институтов на регулярной основе знакомят с последними изысканиями не только коллег, но и студентов.

Отдельно «Росатом» выделяет работу с нынешней и будущей профессиональной элитой в странах-партнёрах при экспорте ядерных технологий. Необходима опережающая подготовка кадров — ядерные технологии, как и построенные АЭС, непрерывно модернизируются. Концепция «Росатома» направлена

на создание местных кадров для обслуживания и совершенствования условий безопасной эксплуатации. При этом они должны быть в курсе последних российских достижений. Создаваемые условия сотрудничества как дополнительное образование и переподготовка кадров подразумевают и строгое следование режиму нераспространения ядерных вооружений как при обучении в России, так и в создании обучающих центров за рубежом.

Главная амбициозная цель на сегодня для отечественной науки — продемонстрировать миру возможность замыкания ядерного топливного цикла в рамках проекта «Прорыв». В девяностые была создана парадоксальная ситуация — наши отечественные ученые работали на экспериментальных установках, созданных в том числе по их разработкам, финансируемых за счёт заказов из России, но расположенных за рубежом — в Норвегии, Великобритании, США, Австрии и др. Сейчас многим из этих специалистов предлагают отказаться от России, обещают комфортную жизнь, лишь бы остались и дальше работали. Пугают, что на родине нет условий для их работы. Так наши западные партнёры хотят убить одним выстрелом двух зайцев — мечтают заполучить интеллектуальный капитал себе и не позволить развиваться ядерному потенциалу России.

Действительно, без мощной исследовательской базы развитие энергосистем четвёртого поколения невозможно — именно поэтому в Димитровграде сегодня строится многоцелевой исследовательский реактор на быстрых нейтронах (МБИР). Он позволит проводить уникальные исследования топлива и новых материалов, сертифицировать элементы и узлы атомных энергоблоков в условиях реальной эксплуатации. Но и образователь-

Памятник И. В. Курчатову
на одной из улиц Обнинска

ная поддержка должна соответствовать технологическим революционным изменениям.

Для масштабного перевода научных результатов в образовательный формат по инициативе госкорпорации «Росатом» в городе Обнинске Калужской области планируется строительство научно-образовательного центра ядерных и смежных технологий «Обнинск Тех». Он создаётся при активном участии опорного вуза атомной отрасли — Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (НИЯУ МИФИ), филиал которого уже находится в Обнинске. Этот международный научно-образовательный центр ядерных и смежных технологий станет «образовательным хабом» (центром) по развитию современных технологий обучения, экспозицией экспортно-ориентированных продуктов российских высокотехнологичных компаний, площадкой для проведения научных конгрессов, выставок, международных школ. Фактически «Обнинск Тех» — инновационная образовательная платформа формирования человеческого капитала нового поколения на ядерном рынке, включая развитие перспективных образовательных систем в области высоких технологий на мировом уровне.

Наукоград Обнинск уже крупный научно-технический кластер. Здесь находится первая в мире атомная электростанция (АЭС),

Для масштабного перевода научных результатов в образовательный формат по инициативе госкорпорации «Росатом» в городе Обнинске Калужской области планируется строительство научно-образовательного центра ядерных и смежных технологий «Обнинск Тех».

запущенная в 1954 году, Физико-энергетический институт имени А. И. Лейпунского, Научно-исследовательский физико-химический институт имени Л. Я. Карпова, Институт атомной энергетики (филиал НИЯУ МИФИ), гидрометеорологический центр «Тайфун», НПП «Технология» им. А. Г. Ромашина и многие другие организации, связанные с развитием передовых технологий.

Новое образование для развивающейся экономики

Реальную экономику с давних времен описывали в наглядных образах железной дороги: экономические рельсы, локомотивные компании, магистральные направления и проч. Сегодня к этой железнодорожной аллегории добавилось новое явление, которое грозит не только перестроить график движения к успеху в экономике и бизнесе, но и перекроить весь ландшафт современного рынка. Это новое явление — цифровые платформы: они стирают границы между отраслями, формируют новые неожиданные индустриальные альянсы, даже новые индустрии. Образовательная платформа «Обнинск Тех» также планируется в цифровом формате, включая использование машинного перевода на базе искусственного интеллекта с различных языков для межличностного общения.

Подготовка кадров для реализации и развития цифровых платформ — актуальная задача ближайшего будущего. Для создания АЭС отечественного дизайна за рубежом необходимо освоение системы Multy-D (трёхмерная цифровая модель будущей АЭС и дополнительные размерности в формате сроков,

ресурсов, качества и проч.). Multi-D позволяет моделировать жизненный цикл конкретной АЭС, однако переход на новые технологические принципы требует изменения и в системах моделирования. Например, создание замкнутого ядерного топливного цикла с реакторами на быстрых нейтронах требует не только учёта новых типов реакторных установок, но и нового жизненного цикла самого ядерного топлива, его получения и переработки. Всё это может быть обеспечено в физико-химической парадигме атомного материаловедения, части новой общей образовательной парадигмы, которую требует масштаб поставленных задач.

Основные атомные конкуренты России: Китай, Корея и Франция — уже создали свою международную цифровую ассоциацию Building Smart. Они более пяти лет разрабатывают общий стандарт, работают в единой среде.

Эту парадигму можно охарактеризовать как «фронтальное образование» — подготовку кадров для развития технологий цифровой экономики одновременно по всему «фронту»: от школьников, готовящихся к поступлению в университеты (с учётом особенностей цифровой экономики), до подготовки и переподготовки кадров на производстве и повышения их квалификации. Эти процессы дополнительного профессионального образования и переподготовки кадров будут соседствовать с традиционной подготовкой студентов и аспирантов.

Определённый опыт цифрового вклада в атомные технологии в госкорпорации «Росатом» имеется. А на фоне того, что большинство энергоблоков АЭС до 2030 года отечественной атомной отрасли предстоит построить за рубежом, возникает ряд экономических вызовов:

- усиление конкуренции со стороны зарубежных компаний;
- необходимость снижения сроков сооружения атомных станций с соблюдением высокого качества работ;

- крайняя нужда в уменьшении стоимости самого строительства и достижения стоимости электроэнергии на всём жизненном цикле, обеспечивающем долговременную конкурентоспособность АЭС.

Научно-образовательную помощь и методическую основу в решении этих проблем может создать переход к проектному информационному моделированию: эффективные системы управления сооружением позволяют контролировать сроки, стоимость и качество строительства — то, что волнует и каждого заказчика, и каждого исполнителя, — особенно учёт рисков при формировании экономической модели реализации проектов АЭС. Однако применение цифровых технологий, в свою очередь, влечёт за собой и очередные вызовы. Появляются новые профессии, повышаются требования к компетенциям и знаниям проектировщиков, инженеров, технологов. Новые технологии — новые стандарты их применения. И если какая-то технология уже плотно вошла в жизнь большей части мира или группы стран, то остальным придётся под них подстраиваться. Наряду с инженерным образованием необходимо развитие новых цифровых направлений подготовки для технологического лидерства: бизнес-информатики, менеджмента, государственного и муниципального управления.

Основные атомные конкуренты России: Китай, Корея и Франция — уже создали свою международную цифровую ассоциацию Building Smart. Они более пяти лет разрабатывают общий стандарт, работают в единой среде, делают единую информационную платформу. Все это увязано и со стандартами Евросоюза: во многих европейских странах информационное моделирование уже введено как обязательное условие. Цифровая платформа ближайшего будущего, и кадровая подготовка развивающейся атомной энергетики должна это учитывать.

Инновационный подход к развитию образования

Отдача от реализации «Обнинск Тех» будет распространяться на все университеты Ассоциации опорных вузов «Росатома»,

Кампус ИАТЭ — филиала НИЯУ МИФИ в Обнинске

а их сегодня более двух десятков. Уже сейчас можно предположить, что в ходе реализации проекта может быть сформирован принципиально новый премиальный сегмент ядерного образования: высокое качество, разумные сроки, высокотехнологичное оборудование для обучения и «экономика впечатлений» для отдельных категорий обучающихся, представляющих формирующуюся ядерную инфраструктуру стран-новичков (руководители высокого уровня). Этого результата невозможно добиться в традиционных образовательных пространствах, а город-университет даст такую возможность. Этот премиальный сегмент — отдельные, штучные инвестиционные образовательные проекты для комплексного формирования ядерной инфраструктуры: руководители, студенты, специалисты готовятся одновременно и скоординировано. Нормативная база, включая ядерное законодательство этих стран-новичков, будет формироваться также с участием специалистов «Обнинск Тех». Такой премиальный сегмент требует соответствующей инфраструктуры, и можно уже сейчас оценить, где конкретно будут находиться составляющие «Обнинск Тех» на карте города.

Во-первых, это, конечно, ИАТЭ НИЯУ МИФИ, где планируется готовить специалистов-атомщиков для всего мира, включая страны СНГ.

Во-вторых, техническая академия «Росатома», где уже опытные специалисты из разных стран будут обновлять и актуализировать свои знания.

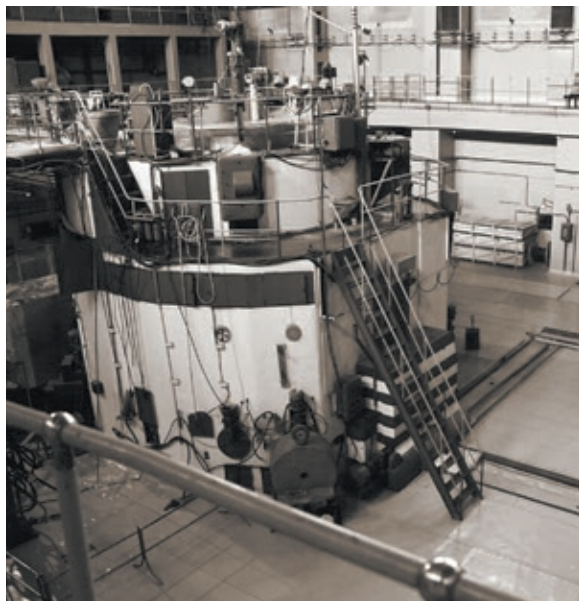
В-третьих, все исследовательские институты Обнинска (ГНЦ ФЭИ им. А. И. Лейпунского, НИФХИ им. Л. Я. Карпова и др.), где разрабатываются новые технологии. На одной образовательной платформе объединяются и те, кто учится, и те, кто учит, и те, кто добывает новые научные знания и создаёт новые технологии.

В-четвёртых, это городские пространства для отдыха и общения, все совершенно необходимые для комфорта творческого человека условия и удобства — безопасный, заботливый и умный город, кванториумы и молодёжные объединения, возможности для занятий спортом и культурного обогащения. Это и логистическая инфраструктура, позволяющая специалистам со всего мира тратить минимум времени, чтобы добраться из любой точки мира.

На этом обширном пространстве города-университета смогут успешно проходить обучение совершенно различные группы обучающихся: студенты различных стран, включая студентов стран СНГ, специалисты-атомщики из различных государств, где уже реализуется мирное использование атомной энергии, и представители руководства стран-новичков. Разумеется, все эти категории будут учиться по своим программам и реализовывать индивидуальные экономические схемы обучения.

Образование на основе впечатлений — инструмент для ускоренного развития сложных инженерных компетенций

Впервые термин «экономика впечатлений» был введён в 1998 году в одноимённой статье (расширенной через год до полноценной

Исследовательский ядерный реактор ВВР-Ц НИЯХИ им. Л. Я. Карпова — сложный высокотехнологичный комплекс, позволяющий проводить исследования и разработки передовых технических решений производства медицинских радиоизотопов

книги) Джозефа Пайна и Джеймса Гилмора. В этот термин были включены и образовательные услуги. Сегодня в экономической теории считается, что впечатления являются новым экономическим предложением. Технологии виртуальной и дополненной реальности, уже используемые в ядерном образовании, ярко подтверждают этот теоретический вывод.

В экономике впечатлений университет как компания (производитель услуг, в том числе и образовательных) выступает в качестве своеобразной фабрики по созданию образовательных впечатлений для потребителя — обучающегося. Когда производитель (университет) использует новые технологии в качестве платформы, традиционные образовательные материалы являются своеобразными обязательными условиями действия по оказанию услуг, которые увлекают обучающегося в новое пространство впечатлений. В образовательных технологиях новые впечатления могут способствовать лучшему усвоению учебных материалов, ускорять процесс получения новых знаний, умений и навыков, делать компетенции более прочными. Опыт использования информационно-коммуникационных технологий, включая технологии искусственного интеллекта (известны многочисленные при-

меры использования студентами ChatGPT), в образовательном процессе это подтверждает.

Следует подчеркнуть различие планируемого к созданию города-университета Обнинска и университетских городков, которых в мировой истории было много, да и сейчас достаточно. Классическими университетскими городами являются Оксфорд и Кембридж в Англии, Гейдельберг, Гёттинген и Тюбинген в Германии, Лейден в Голландии, Лёвен в Бельгии, Сент-Андрус в Шотландии, Болонья в Италии, Краков в Польше, Саламанка в Испании, Коимбра в Португалии, Упсала в Швеции. Многие из них в начале XXI века стали центрами технологических исследований и инновационных стартапов. В Российской империи примером университетского города могли служить Дерпт (ныне Тарту) и Томск (сейчас до трети населения города — студенты). Иногда аналогичную функцию выполняет какой-то определённый район крупного города: например, Латинский квартал Парижа — в отношении Сорбонны, Академгородок в Новосибирске или остров Русский во Владивостоке для ДВУ.

Современная инновационная политика во всём мире нацелена на поддержку создания и эффективного использования потенциала так называемых инновационных единорогов. Это компании, которые достигли оценки своей стоимости в 1 млрд долларов в течение не более 10 лет с момента основания, при этом не проходили первичное размещение на бирже (IPO) и остаются в собственности своих создателей не менее чем на четверть. По состоянию на июнь 2025 года в мире насчитывается 1711 таких компаний, их наличие считается одним из признаков эффективной национальной инновационной политики. Максимальное число «единорогов» имеют США (842), за ними следует Китай (342). Более десяти таких инновационных гигантов имеют ещё 13 государств, и более двух десятков стран имеют от 1 до 10 «единорогов» (даже небольшие страны — Литва, Лихтенштейн, Сенегал, Хорватия). По городам размещения «единорогов» лидируют Сан-Франциско, Шанхай, индийский Бангалор, Сингапур и др.

В России проблема формирования инновационных гигантов обсуждается очень скупо, так как ни одного такого «единорога» в нашей стране пока не зафиксировано. Традицион-

ные государственные инновационные гиганты — «Росатом», «Ростех», «Роскосмос», Сбербанк и проч. — не попадают в эту категорию по определению. Многое зависит и от предметной области, в которой работают «единороги». Например, если до 2023 года на ИИ-«единорогов» приходилось примерно 12% от общего объёма инвестиций в эти структуры, то в 2023 году этот показатель увеличился до 33,2%, а в 2024-м составил рекордные 63,1%.

Госкорпорация «Росатом» наряду с атомной энергетикой, которой традиционно отдаётся приоритет, развивает около 80 новых направлений бизнеса, включая ИИ-технологии и информационно-коммуникационные системы. Будущий город-университет Обнинск по определению становится международным центром: недаром официального языка там не планируется вводить, а машинный перевод на базе ИИ-технологий может быть распространён и на городскую среду. И упомянутые «единороги» являются по природе своей международными поставщиками инноваций: их результаты используются по всему миру, что и даёт основания для такого бурного их роста.

Масштаб подготовки зарубежных специалистов для мирового атомного рынка

Госкорпорация «Росатом» ставит целью занять не менее 20% мирового рынка подготовки специалистов в области атомной энергетики и смежных технологий к 2030 году и рассматривает ядерное образование как часть экспортного предложения странам-партнёрам.

Во-первых, подготовка кадров ведётся для всего жизненного цикла атомных электростанций (АЭС) — от строительства до вывода из эксплуатации. И это конкурентное преимущество на зарубежных рынках. На базе технической академии «Росатома» для отечественных зарубежных проектов обучены и обучаются более 4 тыс. А на базе ИАТЭ НИЯУ МИФИ подготовлены более 1,3 тыс. иностранных учащихся. При этом социальный стандарт по работе с кадрами переносится в страны-партнёры с учётом их особенностей. Он включает в себя не только образование, но и такие аспекты, как культура, спорт, досуг.

Госкорпорация «Росатом» ставит целью занять не менее 20% мирового рынка подготовки специалистов в области атомной энергетики и смежных технологий к 2030 году и рассматривает ядерное образование как часть экспортного предложения странам-партнёрам.

Во-вторых, идёт обучение иностранных студентов по атомным и смежным специальностям в российских вузах. Это помогает странам-партнёрам создавать национальные системы ядерного образования, обеспечивает устойчивое развитие атомной отрасли в этих странах и служит залогом нашего успешного партнёрства. Сегодня в опорных вузах — партнёрах «Росатома» обучается более 2 тыс. студентов из 65 стран.

В-третьих, Россия открывает филиалы российских вузов за рубежом. В июле 2023 года состоялся первый выпуск 62 студентов ташкентского филиала НИЯУ МИФИ. А в сентябре 2022 года открылся филиал МИФИ в Казахстане для подготовки специалистов в сфере ядерной энергетики и IT. Качество обучения и требования к студентам зарубежных филиалов такие же высокие, как на московской площадке, а практику многие из них будут проходить в Обнинске.

И наконец, планируется создать сеть эксклюзивных центров образования и подготовки кадров, объединяющих молодёжь и специалистов со всего мира по совершенно различным специальностям.

Есть ещё один аспект роста спроса на ядерное образование. Это — 51 страна-новичок, то есть государства, которые подали в МАГАТЭ официальные документы о желании мирного использования атомной энергии, но пока ещё ничего даже не начинали. Государство-новичок, как правило, не имеет никакой ядерной инфраструктуры: ни ядерного законодательства, ни организационных структур контроля и управления, ни соответствующих кадров. А поскольку всё начинается именно с кадров, то есть основания надеяться, что новые кадры из государств-новичков предпочтут подготовку в России. ●

Образование, искусственный интеллект и академическая честность в эпоху перемен

П. Л. Отоцкий,
к.ф.-м.н., руководитель направления
в Центре развития искусственного интеллекта
при правительстве РФ, ведущий научный
сотрудник Президентской академии,
доцент НИУ ВШЭ, член «Сретенского клуба»

Применение и распространение технологий искусственного интеллекта (в дальнейшем ИИ) в образовании имеет уникальную специфику и требует особого рассмотрения. Релевантный ответ на вызов ИИ в образовании — это вопрос национальной безопасности в долгосрочной перспективе. Генеративный ИИ, получивший широкое распространение начиная с 2023 года, позволил людям «разговаривать» с текстом. Это нововведение изменяет функцию текста в обществе и по масштабам последствий сопоставимо с изобретением печатного станка в Средневековье. Современная система образования стоит на работе с текстом — учебники, уроки в классе, домашнее задание, проверка знаний, научные исследования и другие аспекты образования базируются на работе с текстом, и все они сегодня находятся под ударом ИИ. С другой стороны, благодаря ИИ появляется целый спектр новых инструментов для образования, позволяющих переходить от массового образования к персонализированному, учитывающему индивидуальные способности и потребности каждого ученика. ИИ подсветил многие вопросы в системе образования, которые назревали долгое время, и стал ключом для их

разрешения. Весь мир стоит перед задачей фундаментальной пересборки модели образования, которая была бы эффективна в «обществе ИИ», и пока отсутствует общепризнанное решение этой задачи. Поисковая стратегия состоит в обеспечении разнообразия экспериментальных проектов, в тиражировании успешных практик и в преодолении рисков.

Революция искусственного интеллекта

Термин «искусственный интеллект» появился около 70 лет назад, в 1956 году, в рамках Дартмутского семинара, но мечта об искусственном разуме, как и мечта о полётах с крыльями, была у человечества давно. До 1956 года все компьютеры, ламповые, аналоговые или механические, рассматривались как разумные устройства и не было разделения между информационными технологиями и ИИ. Дартмутский семинар выделил ИИ в самостоятельное направление науки, которое рассматривает вопросы моделирования рассуждений, интеллекта и творческих процессов с помощью вычислительных машин.

Сегодня мы находимся уже в третьем поколении ИИ — в эпохе «машинного обучения». С 1956 года прошло уже две зимы ИИ (первая — с 1974 по 1980 год и вторая — с 1987 по 1993 год), когда из-за отсутствия прогресса общество теряло веру в технологию, закрывалось финансирование многих проектов, в ИИ

Доля автоматизированных задач

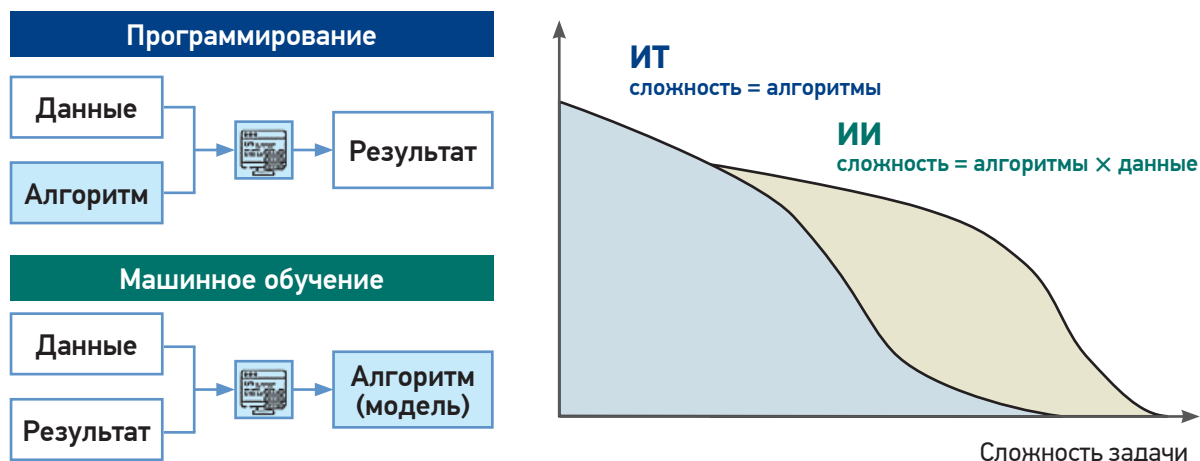

Рисунок 1

не шли молодые ученые, и само словосочетание «искусственный интеллект» было неприличным.

Термин ИИ эволюционировал вместе с технологией, и сегодня от исходной задачи «моделирования рассуждений» мало что осталось. Сегодня ИИ — это просто метафора, не имеющая отношения к «разуму», так же как и в «нейронных сетях» нет ни нейронов, ни сетей — это простое нелинейное преобразование матриц.

Сегодня ИИ — это подход к решению сложных задач. Действительно, задача классификации изображений «кошек» и «собак» на предмет их различия крайне сложно решается (или не решается) с помощью классического программирования. Очень трудно, а то и вовсе невозможно нарисовать пошаговый алгоритм решения подобной задачи, сложность которой выше, чем способности программистов, имеющих весь арсенал современных инструментов разработки. Машинное обучение позволяет использовать сложность данных для формирования синтетических алгоритмов (моделей), которые существенно сложнее, чем алгоритмы, разрабатываемыми человеком непосредственно в программном коде. Модель формируется за счёт минимизации ошибок по заготовленным заранее «правильным ответам» (размеченным данным).

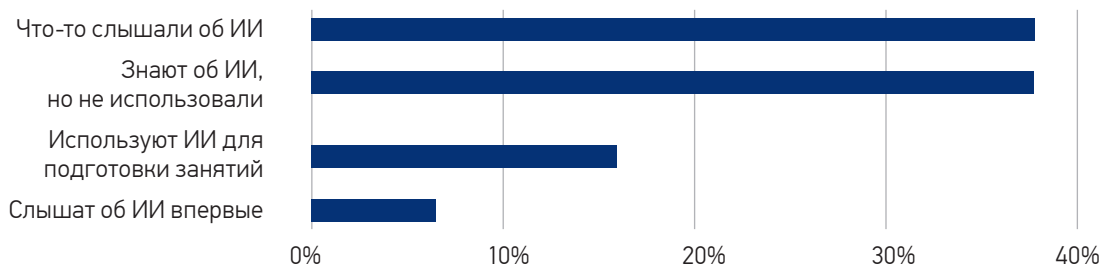
Следовательно, ИИ можно рассматривать как современный подход к прикладному математическому моделированию. Задачи при-

Технология ИИ помогает автоматизировать более сложные задачи, которые ранее выполнялись исключительно сотрудниками-людьми.

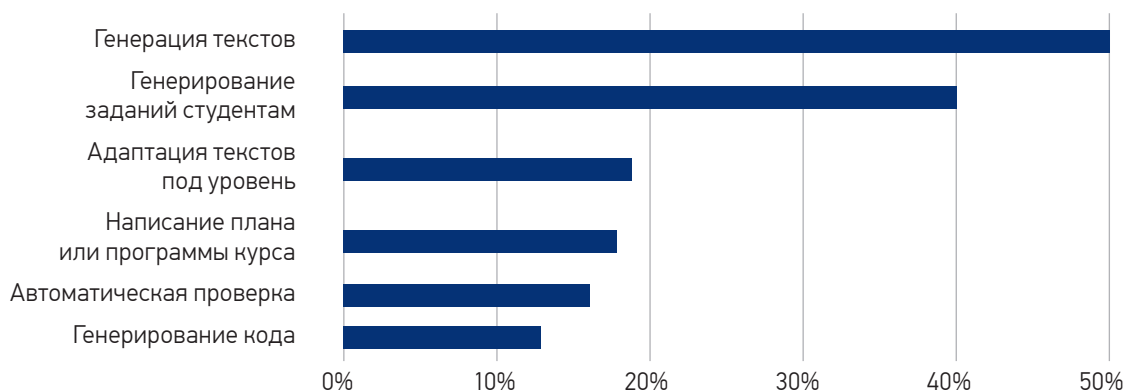
кладного моделирования решались и ранее. В XX веке данными вопросами занимались целые научные институты. Модели создавались лучшими математиками, а их заказчиком было государство. Современные инструменты прикладного моделирования имеют более низкий порог входа и стали массово применяться в бизнес-организациях для бытовых рутинных задач. От разработчиков ИИ-систем (дата-саентистов) не требуется детальное понимание математики, которая лежит в основе методов машинного обучения. Фокус разработчиков сместился с алгоритмов на данные — разработку признаков, первичную обработку, чистку, разметку и т. д. Такой подход в индустрии информационных технологий к прикладному моделированию позволил ИТ-разработчикам дотянуться до тех задач, которые ранее казались слишком сложными и выполнялись исключительно людьми (например, выявление нарушений ПДД или верификация сотрудника по документам на КПП). Таким образом, начиная с 2015–2020 годов именно ИИ стал главным драйвером автоматизации бизнес-процессов и цифровой трансформации организаций.

Преподаватели (21 000 респондентов)* *меньше 15%*

Знание о феномене генеративного ИИ

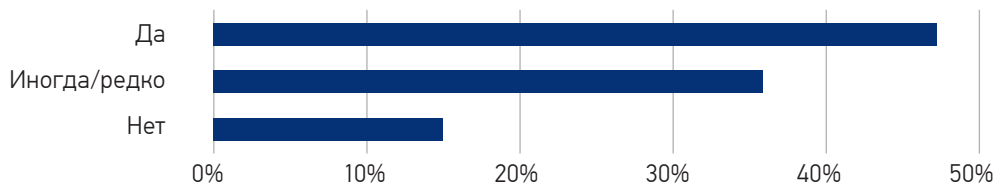

С какой целью используете генеративный ИИ

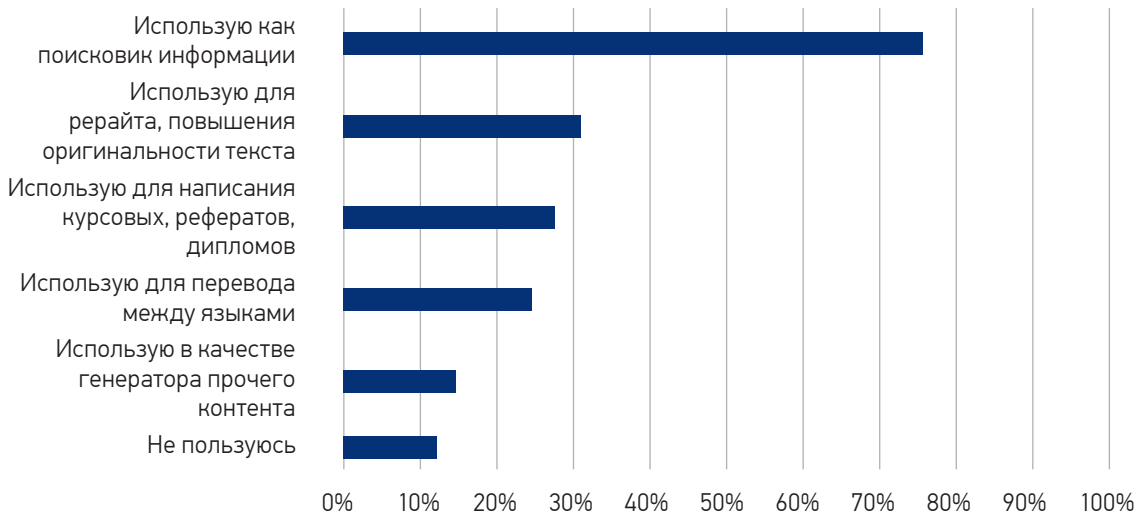

Студенты (700 респондентов)* *больше 85%*

Прибегаете ли в процессе обучения к помощи генеративного ИИ

С какой целью используете генеративный ИИ

Сценарий	Описание	Комментарий экспертов «Сретенского клуба»
Инерционный сценарий	Продолжение существующих образовательных практик приведёт к тотальной имитации образовательного процесса и резкому снижению качества образования	«10 страниц текста — это смысловая бесконечность для студентов»
Анархический сценарий	Возврат к трансляционным методам обучения в ущерб самостоятельной исследовательской и проектной деятельности студентов. В основе образования будет подготовка к сдаче устных экзаменов. Сохраняется приемлемый уровень знаний выпускников, но нет подготовки к успешной профессиональной деятельности в условиях нового технологического уклада	«Нужно разделять обучение ИИ и обучение другим предметам. Нужно различать предметы и задачи, которые требуют: а) работать в уме, б) работать ручкой на бумаге, в) работать с интернетом и с ИИ»
Интервенционистский сценарий	Ряд вузов включится в работу по трансформации образования за счёт создания пилотных проектов и экспериментальных площадок, глубоко интегрирующих ИИ в образовательный процесс. ИИ позволит решить ряд проблем, давно стоящих перед системой высшего образования. Успешные проекты будут активно распространяться на все программы высшего образования в стране. Это обеспечит массовую подготовку выпускников, способных эффективно работать в условиях нового технологического уклада	«ИИ только подсветил проблемы системы образования, которые накапливались долгое время до ИИ, => наступило время перемен»

Таблица 1

Если до 2023 года для работы с ИИ требовалось умение программировать, то после массового развития чат-ботов и других сервисов на основе генеративного ИИ использование ИИ упростилось до написания инструкций на естественном языке (промпов). Это позволило людям без навыка программирования и анализа данных (гуманитариям) погрузиться в мир ИИ и даже разрабатывать ИИ-сервисы. С точки зрения технологии генеративный ИИ не отличается от традиционного машинного обучения, но доступность использования технологии на два порядка увеличила количество и разнообразие людей, которые ищут идеи для применения ИИ, и запустила новый бум в области прикладного ИИ.

Таким образом, можно считать, что с 2023 года началась революция генеративного ИИ, которая имеет широкое влияние на общество, на многие профессии, на рынок труда и экономику, на то, как мы ищем ин-

формацию, на наши привычки работы с контентом, на культуру мышления. По возможным последствиям и влиянию на общество революцию генеративного ИИ часто ставят в один ряд с изобретением печатного станка в Средневековье. Действительно, технология меняет функцию текста в обществе. Теперь мы не только пишем или читаем тексты, мы «общаемся» с текстами. Можно задать вопрос книге, учебнику, веб-страницам, пакету законов, стенограмме совещания, которое было месяц назад, своим собственным заметкам. Можно трёхсотстраничный труд «сжать» до тридцати страниц, убрав примеры, а то и схемы доказательств — всю лишнюю «лирику», по «мнению» ИИ.

Одними из первых пользователей генеративного ИИ стали студенты, которые пишут большие тексты в последнюю минуту, тексты, которые мало кто потом читает. Это было в 2023 году — два года назад!

Объект изменений	Комментарий
Изменение системы проверки знаний	Проверка не объёмов знаний, а как ученик думает и действует
Изменение роли домашней работы	Замена дуализма «учеба в классе и учеба дома» на дуализм «учеба с человеком и учеба с компьютером/телефоном». Непрерывное обучение всё время (microlearning)
Изменение роли преподавателей	Человек-преподаватель будет работать в малых группах — это семинары и лабораторные занятия. Лекции на большую аудиторию перейдут в компьютер
Изменение роли учебников	Упаковка и преподнесение информации могут быть организованы по-новому. Можно будет учиться по исходным текстам на исходном языке
Массовая персонализация образования	Резкий рост сложности системы образования. Появление цифровых моделей доменов знаний. Появление навигаторов/советников по междисциплинарному персональному треку обучения с учётом потребностей рынка труда и способностей учащегося

Таблица 2. Контуры модели образования для общества ИИ

Влияние ИИ на образование

Опросы студентов и преподавателей, проведённые осенью 2024 года, показали существенный дисбаланс в использовании ИИ — более 85% студентов используют ИИ и более 85% преподавателей никогда не использовали ИИ.

В 2023 году ряд зарубежных вузов ввели запрет на применение ИИ в образовательном процессе. Однако постепенно в 2024 и 2025 годах почти все они изменили политику в сторону позитивного отношения к технологии. Стало очевидно, что запреты не работают и неприменение ИИ в образовании уже не представляется возможным. Стало важно интегрировать ИИ в образование, пересобирать модель образования, повышать культуру применения ИИ преподавателей и учить их, как учат детей в мире ИИ (где мы все внезапно оказались), как использовать ИИ, чтобы он приносил пользу, а не вред.

Во многих российских вузах, где задаются теми же вопросами, проводятся междисциплинарные исследования о влиянии ИИ на образование. Начиная с 2024 года на базе Тюменского государственного университета организован ежегодный форум «ИИ и высшее образование», на котором коллеги обсужда-

ют и проектируют сценарии развития образования.

Изменения в системе образования, связанные с массовым применением ИИ учащимися, настолько существенные, что необходима пересборка модели образования. Несмотря на множество исследований о влиянии массового применения ИИ учащимися на качество образования, в настоящее время отсутствует общепризнанное понимание о вопросах, где ИИ полезен, а где вреден. ИИ может подменять обучение при оперативном решении задач, когда учащийся даже не вчитывается ни в задачи, ни в ответы, получаемые от ИИ. В то же время продолжительное применение ИИ в рамках изучения одного предмета стимулирует естественное любопытство, т. к. материал адаптируется под интересы конкретной личности, выходит за рамки стандартного курса и объединяет концепты из многих дисциплин — это интереснее, чем чтение учебника.

Исследования также показывают когнитивные искажения при продолжительном применении ИИ: у пользователей складываются новые привычки, атрофируются когнитивные функции, которые используются редко, и наоборот, совершенствуются функции, применяемые часто. ИИ можно сравнить с

Иллюстрация 1

«интеллектуальным экзоскелетом», который усиливает наши способности по поиску и обработке информации, но влияет на наши собственные мышцы (естественный интеллект).

ИИ даёт также множество новых инструментов, которые повышают эффективность обучения и научной работы. Ряд стран, включая КНР, приняли доктрины об ускоренном продвижении цифрового образования, включающие всестороннюю интеграцию ИИ и реформу образования. При этом акцент делается на поиске новых подходов, а не на внедрении определённой «правильной новой модели образования», на реализации множества пилотных проектов по применению ИИ, изучении новых парадигм системы «ИИ + образование», на тиражировании успешного опыта.

Закключение

Для решения обозначенных в статье вопросов мы должны сделать шаг назад и задать самые простые и важные вопросы: «Чему мы учим? Какая роль образования в обществе?»

Главная проблема образовательных систем на основе ИИ — это не галлюцинации больших языковых моделей, это нежелание

детей учиться. Невозможно построить новую модель образования для общества ИИ, если относиться к студентам как к материалу, который нужно сформировать. Студенты — это главные субъекты системы образования, они используют вузы и преподавателей, чтобы

ИИ даёт также множество новых инструментов, которые повышают эффективность обучения и научной работы. Ряд стран, включая КНР, приняли доктрины об ускоренном продвижении цифрового образования, включающие всестороннюю интеграцию ИИ и реформу образования.

удовлетворить своё любопытство, чтобы познать этот мир, чтобы добиться успеха в жизни и т. д., — каждый ученик имеет свои интересы. Дети учатся у нас нашему жизненно-му опыту, нашей культуре мышления, нашей культуре общения. Во время общения на уроках и экзаменах (диалоговое обучение) опыт передаётся невербально, между строк, из подсознания в подсознание. Процесс обучения двунаправленный, и хорошие препода-

Как Вы думаете, в каких сферах прежде всего необходимо развивать будущие технологии для изменения жизни человека к лучшему? (закрытый вопрос, любое число ответов, % от числа всех опрошенных. Приведены позиции, набравшие 3% и более, 2023)*

*Всероссийский телефонный опрос в партнерстве с Фондом Росконгресс, 3-4 июня 2023 г. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте 18-55 лет.

Иллюстрация 2

ватели учатся у своих учеников. Поэтому ИИ никогда не сможет полностью заменить преподавателя. Если сможет — то зачем нужен такой преподаватель? Но в этом случае обученный ИИ выпускник на рынке труда не будет востребован. Его можно просто заменить на ИИ-агента.

Существует точка зрения, что ИИ не первый «усилитель ума», который используют люди. Разум не ограничен биологическим мозгом. Он динамично интегрирует внешние ресурсы, меняя способы мышления и создавая новые когнитивные ландшафты.

Примеры когнитивных инструментов в истории человечества:

- перо и бумага — для записи идей, структурирования мыслей, вычислений;
- счёты, логарифмические линейки, арифмометры, калькуляторы — для выполнения большого объёма сложных расчётов;
- компьютеры — для коммуникации, поиска и обработки данных.

Пользуясь внешним умом (extended mind), мы не становимся глупее, мы решаем более сложные задачи. Но мы действительно вырабатываем привычки и впадаем в зависимость от инструментов, точно так же как руководитель зависит от своих советников и аналитиков.

За последние три года в образовательной среде слова «искусственный интеллект» склеились со словами «мошенничество» как у преподавателей, так и у студентов. Кажется, это главная проблема ИИ в образовании. Потому что действительно есть полезные инструменты и сценарии использования ИИ. В России и в мире крайне малое число вузов внедрило внутренние правила использования ИИ, преподаватели не знают правил игры и не успевают за студентами. Формирование новой модели образования для общества ИИ требует «декриминализации искусственного интеллекта» в головах участников образовательного процесса, развития субъектности, ответственности и критического мышления учеников, развития культуры потребления ИИ, развития академической честности. Так появился приказ ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» от 10.06.2025 № 02-1062 «Об утверждении Политики академической честности и использования искусственного интеллекта в Академии». Внедрение ИИ в систему образования — это процесс формирования новых привычек в обществе, это не проект системной интеграции, это долгосрочное будущее.

По Вашему мнению, какие РИСКИ для школьников и студентов несет использование искусственного интеллекта в учебе?

(закрытый вопрос, до четырех ответов, в % от всех опрошенных, март 2025)

Иллюстрация 3

От редакции

В развитие темы использования искусственного интеллекта генеральный директор ВЦИОМ Валерий Фёдоров любезно поделился результатами социисследования, которые представил в цикле дискуссий «Диалоги о будущем» в национальном информационном центре «Россия» накануне 1 сентября 2025 года. (См. иллюстрации 1, 2, 3).

Кажется очевидным, что такие результаты об использовании ИИ в повседневной жизни получены не на основе собственного опыта респондентов, а по их чтении активного дискурса в СМИ. Иначе как трактовать желание подавляющего большинства доверять своё здоровье ИИ, активно внедрить его в производство, но при этом ограничить использование ИИ в обучении и ведении домашнего хозяйства? К недоверию использования в домашних условиях ИИ свой вклад вносят многочисленные фантастические блокбастеры о людях, становящихся заложниками компьютерных программ. Желание напугать грозным будущим — это обычные декадентские спекуляции журналистов и продюсеров, людей, достаточно поверхностно знакомых с проблемой (оговоримся — с любой проблемой) и заинтересованных только в массовом потреблении

своих материалов. А страх — хороший мотиватор разжигания интереса. Когда-то в Западной Европе не было Библии. Друиды обучали своих жрецов заучиванием сакральных знаний на протяжении десятилетий и не признавали записей. Написание текстов значительно облегчило задачу передачи знаний, но это от

За последние три года в образовательной среде слова «искусственный интеллект» склеились со словами «мошенничество» как у преподавателей, так и у студентов. Кажется, это главная проблема ИИ в образовании.

нюдь не означает, что христианство сделало англосаксов, франков или германцев глупее.

На самом деле проблема состоит в создании собственного российского контента, на основании которого ИИ будет готовить свои справки и тексты. Не говоря уже о том, что хотелось бы, чтобы создавались и собственно российские рабочие версии ИИ. Иначе школьники и студенты будут по-прежнему использовать справки из «Википедии» и искренне считать, что английское *slave* произошло от русского «славянин». ●

Образ чиновника в русской литературе

Размышления перед книжным шкафом

П. В. Сурков,
заведующий кафедрой продюсерского
факультета Института кино
и телевидения (ГИТР)

«**О**браз чиновника в русской литературе» — так вполне может называться «свободная тема» для школьного сочинения. И вполне можно предположить, образы каких именно чиновников будут населять такое сочинение — в первую очередь здесь возникнут сатирические фигуры из драматургии Гоголя, рассказов Чехова и прозы Салтыкова-Щедрина. Приспособленцы и лизоблюды, карьеристы и трусы, истинные «маленькие люди» и облечённые властью самодуры — объекты насмешек, ёрничанья, откровенного литературного издевательства.

Поневоле начинает казаться, что литература — особенно русская классическая литература — находится в своеобразной оппозиции к власти, для писателя чиновник — это объект насмешек, постоянной иронии, а самое главное — недоверия. Так была искусно выстроена советская школьная программа. Её воспитательная задача была внушить подрастающему поколению беспросветность жизни в царской России и истинную заботу о человеке при советской власти.

Внушалось, что до событий 1917 года чиновник в России обязательно взяточник и по большому счёту эгоцентрист. Его вовсе не интересует собственный долг, судьба страны, забота о ближнем или о подчиненном — нет, его беспокоит исключительно собственное благополучие. Таким образом, воспитательный эффект, который возникал благодаря и преподаванию, и собственно литературной рефлексии, фактически низводил образ чиновника до объекта осмеяния. В то время как истинный

чиновник — это государственный служащий, профессия важная, уважаемая и, можно сказать, системообразующая. Но какое отношение у подрастающего поколения сложится по отношению к сегодняшнему чиновнику, когда в силу инерции образования волей-неволей современный школьник видит перед собой исключительно отрицательные примеры?

Чиновник-взяточник, чиновник-сквалыга, который, может быть, и хотел бы быть приличным человеком, но не может: сама система построена так, что чиновник вынужден быть либо взяточником, либо тупицей — но тупицы в области управления государством не задерживаются. Вот и остаются во власти взяточники и казнокрады — и пафос описания этой системы проник и в советскую литературу. Например, что такая система, основанная на чиновничьем кумовстве, была построена ещё Петром Первым. Об этом говорят в пьесе «Шут Балакирев» Григория Горина Ягужинский и Меньшиков: именно Пётр и устанавливает систему, которая автоматически производит нечистых на руку чиновников, — государь сплотил вокруг себя своих личных друзей, и они решили, что им всё дозволено и ничего ни за что не будет.

Собственно, эти образы чиновников вполне соответствуют, например, сатирической «Описи градоначальников», открывающей «Историю одного города» Салтыкова-Щедрина, где под номером 22 завершает перечень чиновников, стоявших во главе города Глупова, Архистратиг Стратилатович Перехват-Залихватский, который *«въехал в город на белом коне, сжёг гимназию и упразднил науки»*, — некий метаобраз, «сферический бюрократ в вакууме», который первым делом стремится отказать от прогресса как такового, не мыслит ни о каком людском развитии, понимает, что удар надо наносить первым делом по си-

Ре-ми. «Брудастый Дементий Варламович. Портретная галерея градоначальников города Глупова». Журнал «Стрекоза», 1907 г.

стеме образования, а дальше, как говорится, трава не расти. Очень удобная иллюстрация так называемого прогрессивного либерального взгляда на российского чиновника.

Но в русской литературе одновременно складывались образы вполне достойных, не отягощённых исключительно пороками чиновников. Мы даже видим определённый кодекс чести чиновника — более того, правителя, который также оказывается включённым в одно из ключевых произведений русской литературы. Речь идет о трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». Когда в одной из финальных сцен умирающий Борис ведёт свой разговор с сыном Фёдором, он фактически наставляет его в части поведения монарха, — по сути, это десять заповедей руководителя государства, и они вполне применимы и для любого современного руководителя. Судите сами, я намеренно нумерую каждый из советов Бориса:

1. *Советника, во-первых, избери
Надёжного, холодных, зрелых лет,
Любимого народом — а в боярах*

*Почтенного породой или славой, —
Хоть Шуйского.*

2. *Для войска нынче нужен
Искусный возждь: Басманова пошли
И с твёрдостью снеси боярский ропот.
Ты с малых лет сидел со мною в Думе,
Ты знаешь ход державного правленья;*
3. *Не изменяй теченья дел. Привычка —
Душа держав.*
4. *Я ныне должен был
Восстановить опалы, казни — можешь
Их отменить; тебя благословят,
Как твоего благословляли дядю,
Когда престол он Грозного приял.
Со временем и понемногу снова
Затягивай державные бразды.
Теперь ослабь, из рук не выпуская...*
5. *Будь милостив, доступен к иноземцам,
Доверчиво их службу принимай.*
6. *Со строгостью храни устав церковный;*
7. *Будь молчалив; не должен царский голос
На воздухе теряться по-пустому;
Как звон святой, он должен лишь вещать
Велику скорбь или великий праздник.*
8. *О милый сын, ты входишь в те лета,
Когда нам кровь волнует женский лик.
Храни, храни святую чистоту
Невинности и гордую стыдливость:
Кто чувствами в порочных наслажденьях
В молодые дни привыкнул утопать,
Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
И ум его безвременнo темнеет.*
9. *В семье своей будь навсегда главою;
Мать почитай, но властвуй сам собою.*
10. *Ты муж и царь; люби свою сестру,
Ты ей один хранитель остаёшься.*

Это чёткая управленческая инструкция, которую мы можем расшифровать и принять в прямом смысле как призыв к действию: избеги надлежащих советников, при этом самых проблемных (как Шуйского) приблизь к себе, а самых опасных отправь решать проблемы на периферии (в данном случае — отправь Басманова воевать, а ну как его вообще убьют), не стремись проводить резкие и жёсткие реформы, более того — можешь даже отменить какие-то неугодные решения своего предшественника (потом, при необходимости, статус-кво можно восстановить), аккуратнее, но внимательно взаимодействуй с иностранца-

Агин А.А. «Чиновники», 1846 г.

ми, попусту не болтай, придерживайся религиозной морали и в личной жизни оставайся безупречен — чти родных и не торопись связывать себя узами поспешного брака. Абсолютно вневременные и стопроцентно работающие рекомендации, которые возводят перед нами образ достойного человека, а значит — и хорошего управленца (во всяком случае, точно обладающего ярким и полным народного обожания публичным образом).

И все это написано почти 200 лет назад, и по-прежнему работает даже в контексте современности, и можно рекомендовать эти правила в любом курсе эффективного лидерства или повышения личностной мотивации руководителя.

Кроме того, как это ни удивительно, в творчестве даже самых, казалось бы, либеральных авторов легко ищется многоплановый, неоднозначный, объёмный и амбивалентный образ чиновника, который, с одной стороны, является частью большой бюрократической машины, а с другой — подвержен рефлексии реальной ситуации, понимает, что происходит на самом деле, и в итоге совершает поступок по совести (не нарушая при этом должностного функционала). Неожиданно то, что такие

произведения тоже были частью школьной программы.

Очень ярко это представлено в поэме Н. А. Некрасова «Русские женщины», вернее, в первой её части — «Княгиня Трубецкая». Напомним: в ней княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая едет в ссылку к мужу и добирается до Иркутска, где её встречает самолично губернатор. Княгиня ждёт, когда ей приготовят свежий экипаж, но губернатор настоятельно просит её задержаться. И дальше начинается самая настоящая сцена чиновничьего шантажа, очень жёсткая и даже жестокая. Губернатор убеждает Трубецкую повернуть назад, не ехать к мужу и приберегает для этого действительно весомые и правдивые аргументы: в тех краях, куда направляется Трубецкая, её будут окружать пять тысяч озлобленных каторжников, непрекращающиеся драки и разбой, короткое удушливое лето и долгая — длящаяся восемь месяцев — зима.

Но княгиня остается непреклонна, и тогда губернатор приводит последний и по-настоящему убийственный довод: если она поедет дальше, то лишится и дворянского титула, и прав на наследство. А это означает, что она становится обычной этапиремой и пойдёт к нерчинским рудникам наравне с обычными каторжниками под присмотром казачьего патруля. Но и это не пугает Екатерину Ивановну. И вот тогда происходит самое настоящее чудо: губернатор открывается Трубецкой — оказывается, всё это была проверка силы её чувств, её убеждений. Да, у губернатора был приказ устроить княгиню, но он понимает, что никакие преграды женщину не остановят. Посмотрите, как это мощно сделано у Некрасова:

*«— Нет! вы поедете!.. — вскричал
Нежданно старый генерал,
Закрыв рукой глаза. —
Как я вас мучил... Боже мой!..
(Из-под руки на ус седой
Скатилась слеза.)
Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал всё, что мог,
Перед царём душа моя*

Верейский О. Г. Иллюстрация к роману
Л. Н. Толстого «Анна Каренина», 1975 г.

Наиболее яркий образ русского чиновника открывает нам Лев Толстой в «Анне Карениной», когда в образе Алексея Александровича Каренина он выводит практически эталон отечественного чиновника, идеальную — и очень привлекательную фигуру. Удивительно, но факт: привлекательности образа Каренина мы, в первый раз читая роман, не замечаем.

*Чиста, свидетель Бог!
Острожным жёстким сухарем
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать.
Не испугались вы!
И хоть бы мне не удержать
На плечах головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас...
Я вас в три дня туда домчу... —
Отворяя дверь, кричит: —
Эй! запрягать, сейчас!..»*

Сердце губернатора дрогнуло. Да, у него был приказ напугать Трубецкую, но он по-человечески её понимает и принимает единственно верное с точки зрения общечеловеческой морали решение — он приказывает заложить для Трубецкой экипаж и лично доставить её к месту ссылки мужа.

Вот такой удивительный парадокс: мы ждём от либерала Некрасова образа косного, трусливого чиновника-лизолюбда, а получаем пожилого, умудрённого опытом (в том числе и управленческим) генерала-губернатора, у которого есть чёткие представления о чести, который готов выполнить приказ начальства, но при этом всё равно поступит по-своему и сделает всё по совести. Возможно, при-

чина тому — военное звание губернатора, он, как солдат, не может поступить иначе, не может быть вне чести — и в этом отношении его поведение безупречно. Некрасов как бы даёт нам ещё одну формулу успешности истинного, настоящего чиновника: поступай по чести, как будто ты — военный, который служит своему Отечеству. Этот эпизод пронзительно исполнил Иннокентий Смоктуновский с Ириной Купченко в «Звезде пленительного счастья». Можно предположить, режиссёр и сценарист фильма Владимир Мотыль это подспудно вынес из школьной программы.

Но наиболее яркий образ русского чиновника открывает нам Лев Толстой в «Анне Карениной», когда в образе Алексея Александровича Каренина он выводит практически эталон отечественного чиновника, идеальную — и очень привлекательную фигуру.

Удивительно, но факт: привлекательности образа Каренина мы, в первый раз читая роман, не замечаем. Напротив, он представляется нам роковой фигурой, эдаким демоном, который мешает счастьем Анны и Вронского, зловещим стариком на пути чистых влюблённых сердец. А между тем Толстой, истинный мастер деталей, выстраивает перед нами портрет почти идеального человека — добросердечного, ответственного, образованного профессионала, конечно, не без личностных недостатков, но именно это и делает Алексея

Боклевский П.М. «Губернский Олимп». Рисунок из альбома гоголевских типов, 1881 г.

Александровича Каренина по-настоящему живым, полнокровным персонажем.

Судите сами. У Каренина нелёгкое детство, но при этом тяга к образованию и построению достойной карьеры: *«Он родился в небогатой семье и рано остался сиротой. Воспитанием Каренина и его брата занимался их дядя... Отца они не помнили, мать умерла, когда Алексею Александровичу было десять лет. Состояние было маленькое... Окончив курсы в гимназии*

и университете с медалями, Алексей Александрович с помощью дяди тотчас стал на видную служебную дорогу и с той поры исключительно отдался служебному честолюбию...»

Каренин делает заметную служебную карьеру, даже служит какое-то время губернатором, потом поступает на работу в министерство, где занимает «одно из важнейших мест» и получает невероятную по силе характеристику: «Таких государственных людей мало в Европе».

Что касается возраста Каренина — то он вовсе не старик: да, с Анной у него довольно большая разница в возрасте — 20 лет (кстати, берёт он её в жены именно в пору своего губернаторства, то есть для Анны это чрезвычайно выгодный брак), и выходит, что Каренину около 50 лет, так что он даже по меркам второй половины XIX века совершенно не старый человек. При этом сам Каренин продолжает сохранять пылливый ум и интерес ко всему происходящему: *«Он считал своим долгом следить за всем замечательным, появлявшимся в умственной сфере. Она знала тоже, что действительно его интересовали книги политические, философские, богословские, что искусство было по его натуре совершенно чуждо ему...»* Но при этом Толстой добавляет, что Каренин интересуется и искусством тоже — по мере своих сил и понимания оно: *«Он любил говорить о Шекспире, Рафаэле, Бетховене, о значении новых школ поэзии и музыки, которые все у него были распределены с ясною последовательностью».*

Вот это «распределение с ясною последовательностью» — видна ключевая черта характера Каренина: его педантичность, скрупулезность — качества важные и нужные для чиновника. *«Каждая минута жизни Алексея Александровича была занята и распределена... несмотря на поглощавшие его почти все время служебные обязанности...»*

Каренин отлично управляет собственным распорядком дня — как сегодня сказали бы, он отличный специалист по тайм-менеджменту: *«Каждая минута жизни Алексея Александровича была распределена... несмотря на поглощавшие почти всё его время служебные обязанности».* И при этом в этих рабочих делах — а занимается Каренин, ни много ни мало, земской реформой — он находит время на работу с прошениями от простых людей: *«Потом явились просители, начались доклады, приёмы, назначения, удаления, распределения наград, пенсий, жалованья, переписки — то будничное дело, как называл его Алексей Александрович, отнимавшее так много времени...»*

Обращаем внимание: для Каренина все эти занятия будничные, то есть регулярные — он не делает разницы между службой и помощью ближнему в рамках этой службы и уж точно не замечен ни во мздоимстве, ни в ка-

Юшанов А. Л. «Проводы начальника», 1864 г.

ких-либо махинациях, да и собственной корысти у него нет никакой. Его даже удостаивают ордена Александра Невского — одной из высших наград для поощрения гражданских лиц. И сам Каренин заботится о своей безукоризненной служебной репутации, для него именно это и составляет основу карьеры, он говорит об этом прямо: *«Цель моя состоит в том, чтоб обеспечить свою репутацию, нужную мне для беспрепятственного прохождения своей деятельности».*

Каренин педантичен и аккуратен, придерживается девиза «Без поспешности и без отдыха», и это ценят окружающие. Стива Облонский называет его «немножко консерватором, но славным человеком». Каренин эрудирован и много читает, чтение составляет обязательную часть его ежедневного распорядка — он читает каждый вечер, закладывая книгу разрезным ножом. Каренин верит в Бога — и интересуется религией, в том числе и в политическом смысле (не зря читает книгу о папизме).

Есть ли у Каренина недостатки? Да, есть и они тоже — особенные: он *«не мог равнодушно слышать и видеть слёзы ребенка или женщины. Вид слёз приводил его в растерянное состояние, и он терял совершенно способность соображения».* Так что неудивительно, что и в финале романа Каренин посвящает всего себя заботам о детях Анны, в первую очередь о сыне Серёже: *«Алексей Александрович составил себе план воспитания и, пригласив лучшего петербургского педагога для руководства, приступил к делу. И дело это постоянно занимало его».*

Советская литература несколько отходит от сатирического дискурса в отношении чиновника, хотя он тоже никуда не исчезает.

Правда, в литературе времён СССР проводится чёткое различие между собственно чиновником-начальником и чиновником — партийным деятелем.

И Толстой прямо говорит: «Этот муж явился на этой высоте не злым, не фальшивым, не смешным, но добрым, простым и величественным».

Советская литература несколько отходит от сатирического дискурса в отношении чиновника, хотя он тоже никуда не исчезает. Правда, в литературе времён СССР проводится чёткое различие между собственно чиновником-начальником и чиновником — партийным деятелем. И если обычный чиновник-начальник, в том числе и нерадивый, вполне может стать объектом осмеяния, то партийное руководство предстаёт в советском литературном дискурсе в совершенно безупречном виде.

Это связано прежде всего с тем, что партийное руководство — это руководство прежде всего идеологическое, оно не просто совмещает в себе управленческое лидерство, оно отражает управление на ценностном, смысловом уровне, где заложенные в саму онтологию партийного функционирования принципы фактически концентрируются в одном человеке. Собственно, такой литературный дискурс прослеживается, например, в динамике изменений редакций романа Александра Фадеева «Молодая гвардия», где в первой — гораздо более краткой и динамичной — редакции главные герои предстают азартными и смелыми людьми, самостоятельно принимающими судьбоносные решения, связанные с их личным желанием сопротивляться фашистским захватчикам и только. В то время как вторая редакция, появившаяся после достаточно суровых и серьёзных сталинских замечаний, уже включает себя описание многочисленных контактов молодогвардейцев со старшими товарищами, большевиками-коммунистами, и здесь

Рисунок А.Цветкова.
Карикатура на советского чиновника

сама подпольная организация не выглядит молодёжной смелой инициативой, а рассматривается как часть единого большого плана, выстроенного в рамках общей идеологии и партийного руководства.

Собственно, и высший советский чиновник, качественный управленец должен содержать в себе неразделимые качества простоты, и здесь идеалом также становится сочетание человеческих качеств и эмоций со скрупулезностью и безжалостностью к работе и долгу. Так, в поэме «Владимир Ильич Ленин» В. Маяковский прямо описывает шаблон, с которого в дальнейшем надо лепить образы партруководителей:

Не сатрапия твёрдость,
триумфаторской коляской
мнущая
тебя,
подёргивая возжжи.
Он
к товарищу
милел
людскую лаской.
Он
к врагу
вставал
железа твёрже.

Собственно, вот эта практическая твёрдость вместе с безукоризненной честностью и преданностью делу — и есть истинная черта государственного деятеля, блестяще отрафлексированная и всей русской литературой. Да, наряду с критикой и иронией, с сатирой на чиновничьи грехи существует и объективный взгляд на чиновника-реформатора, проактивного человека, визионера, за которым стоит образ государственного будущего. И помнить об этом образе нам необходимо, и сегодняшняя рефлексия такого образа необходима нам и в социальном, и в политическом, и в художественном смысле.

То, что принято называть «оттепелью», — период после сталинского правления — породило в литературе новые образы честных и бескомпромиссных руководителей, не жалеющих не только окружающих, но в первую очередь себя в осуществлении, как выясняется, несбыточных целей. Одним из самых ярких сочинений в этой парадигме стал роман Александра Бека «Новое назначение». Это был как бы зеркальный ответ дореволюционной русской литературе — при проклятом царизме жуликоватые чиновники двигали империю к процветанию её граждан, а при коммунистической централизации даже самые кристально честные управленцы лишь давали людям возможность выжить. Конечно, подобные книги не изучали в школе. Написанная в 1964 году, она была напечатана в СССР только в 1989-м... Но это произведение очень убедительно показывает, что неукоснительное следование директивному курсу, централизованное плановое ведение хозяйства и наказание за малейшую провинность не дают нужных результатов.

Конечно, критика советского чиновничества возникает в литературе «переломного времени»: очень яркий образ партийных лидеров рисуется Олегом Борушко в романе «Продаются щенки» — тексте незаслуженно позабытом, но чрезвычайно показательном. В нём молодому выпускнику одного из ведущих вузов страны снится сон, в котором он постоянно дистанционно управляет большими массами, словно в каком-то фантастическом кукольном театре. И это ощущение вседозволенности и тотальности управления герою безраздельно нравится.

По сути, на рубеже перестроечного времени литература снова делает аналогичный

Перов В.Г. «Сын дьячка, получивший первый чин», 1860 г.

XIX веку поворот: сатирический дискурс оказывается важнее конструктивного — хотя и в сатире появляются настоящие жемчужины вроде пьесы Леонида Зорина «Цитата» о чиновнике, который вывесил у себя в кабинете чужую цитату — и что из этого вышло. Однако в этих сатирических произведениях уже появляется новое поколение молодых чиновников, которым чужды бюрократические принципы, которые отходят от косности партийного руководства, которые способны на различные эксперименты, в том числе и социальные, и управленческие, и которые, в свою очередь, призваны внушить читателю надежду на то, что не перевелись ещё разумные управленцы и что в будущем новое молодое поколение сможет выстроить надлежащую систему работы, не повторяющую ошибки прошлого.

И, памятуя этот подход, следует обратить внимание на то, что сегодня нам как никогда раньше нужен в литературе образ нового, современного чиновника, грамотного управленца, и, кроме того, нам следует некоторым образом перевести фокус внимания прежде всего школьника с сатирического дискурса в отношении чиновника на конструктивный — что приведёт к важному воспитательному результату, но и, конечно, позволит по-новому взглянуть на рефлексии образа чиновника в литературе и вывести из него ряд важных инструментов, вполне применимых в современной управленческой практике.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ Михаила Жванецкого: «И перестаньте ругаться, кричать друг другу: „Еврей!“ У нас в стране не все евреи», — надо перестать вопить: «Бюрократ!» ●

От семнадцатого века до семнадцатого года

Образование в России Романовых: исторический опыт трёх столетий

А. И. Любжин

доктор филологических наук

Исходные условия и шесть укладов русского образования

На выходе из Смуты династия Романовых приняла Россию без школьных учреждений, которые могли бы учить чему-либо, кроме элементарной грамоты, что разительно отличало нашу страну от европейских государств, располагавших развитой системой школ, коллегиумов, университетов. Это отставание таило угрозу утраты как интеллектуальной, так и политической самостоятельности. Нельзя сказать, что государственная власть игнорировала ситуацию: царь Борис Фёдорович, которому духовенство воспрепятствовало в организации школ на территории страны, отправил несколько учеников за границу; впоследствии правительство Романовых пыталось их вернуть, что окончилось неудачей. Первоначально к делу приступали медленно: царь Алексей Михайлович сознавал, что не получил правильного образования, но позаботился о том, чтобы дать его своим детям, а те уже в свою очередь стали действовать в интересах всей страны. Великорусское население (всех сословий), не уступая по природным способностям и силе здравого суждения европейским народам, испытывало последствия провала среднего уровня, уровня общей культуры, концентрируясь на высшем — духовном — просвещении и святости и в случае его недостижимости склоняясь к низшему, утилитарному. Эта особенность, сложившаяся в Московской Руси в силу од-

ностороннего характера её развития, будет мощным препятствием к распространению образования в течение всего периода правления Романовых. В стране будут распространены утилитарные воззрения на педагогику, и бескорыстные интеллектуальные интересы, необходимые для развития науки и полноценного функционирования общества, станут прививаться с трудом и медленно — труднее и медленнее, чем могли бы обещать способности населения.

Первой школой более высокого типа стало училище, завоёванное мечом, — Киево-Могилянский коллегиум, доставшийся России по Андрусовскому перемирию 1667 года. Это училище (уже при Петре ставшее полноценной академией) послужило важнейшим источником образовательных ресурсов, который в XVIII веке был незаменим.

Образование в России в дальнейшем выросло из двух источников: с одной стороны, из образовательных потребностей самих сословий, с другой — из воли высшей государственной власти, которая предписывала сословиям определённый образовательный ценз. Его можно разделить, таким образом, на шесть укладов. Четыре — в виде казённых (и устраиваемых по их образцу частных) школ, два — за их пределами: 1) духовное образование, 2) военно-дворянское образование, 3) общее образование, 4) ремесленно-техническое образование, 5) заграничное и 6) домашнее образование. Четвёртый уклад возник относительно поздно, при Александре III, остальные — непосредственно перед Петром и при Петре. Самая старая ветвь — духовное образование — стартовала при Фёдоре Алексеевиче. В начале 80-х годов в Москве была

Здание Сухаревой башни в Москве,
где располагалась Школа математических
и навигацких наук

Богданов-Бельский Н. П. «Новая сказка», 1891 г.

Как общий характер Петра, ярко отразившийся на его реформаторской деятельности, так и потребности страны в его эпоху обусловили стремительный характер реформ на образовательном поприще (где, разумеется, не все шаги могли быть удачными).

создана Типографская школа иеромонаха Тимофея, при дворе обсуждались планы учреждения Славяно-греко-латинской академии (осуществлено в 1685 году, в регентство царицы Софьи Алексеевны).

Образование при Петре I

Как общий характер Петра, ярко отразившийся на его реформаторской деятельности, так и потребности страны в его эпоху обусловили стремительный характер реформ на образовательном поприще (где, разумеется, не все шаги могли быть удачными). Преимущественно созданные им учебные заведения отвечали практическим потребностям, но было два исключения: система духовных семинарий предполагала серьёзную интеллектуальную подготовку, далеко превосходящую непосредственные потребности сельского пастыря, и предполагалось создание Академии наук с академическим университетом и гимназиями (последнее было осуществлено уже при Екатерине I).

Важную роль при Петре (что неудивительно при настоятельных потребностях момента и слабости отечественной образовательной

системы) играли заграничные стажировки. Две интенсивные волны связаны с заграничными путешествиями самого Петра (Великое посольство 1697–1698 годов и путешествие 1716/17 года). Среди питомцев гнезда Петрова, образованных за границей, — видный дипломат князь Б. И. Куракин, дипломат и администратор И. И. Неплюев, крестник Петра военный инженер А. П. Ганнибал, оставленный царём во Франции в ходе второго путешествия. Впоследствии заграничное образование играло лишь второстепенную роль.

Логика военного образования (адресованного прежде всего дворянам) диктовала приоритетное внимание к областям, требующим серьёзной интеллектуальной культуры: морскому делу, артиллерии, инженерному искусству. В 1701 году в Москве создаётся Навигацкая школа, которая переезжает в Петербург (впоследствии — Морская академия и Морской кадетский корпус). Создаётся училище для инженеров и артиллеристов. За учёбу — которая рассматривалась как государственная служба — платили кормовые деньги. Пехотные и кавалерийские офицеры готовятся в гвардейских полках, специальных школ для них при Петре ещё нет.

Феофан Прокопович

Морозов А.И. «Сельская бесплатная школа», 1865 г.

Важным событием (и произошедшим не по инициативе властей) является создание школы пастора Эрнеста Глюка в Москве (обычно её называют гимназией, что справедливо по существу и несправедливо с юридической точки зрения). Это был первый опыт создания общеобразовательного заведения высокого уровня, который следует признать удачным.

В начале правления Екатерины II была создана Уложенная комиссия, имевшая целью изучить потребности сословий и привести законодательство в соответствие с ними. Это первый в истории России случай, когда общество получает возможность сформулировать свои образовательные нужды.

Однако попытка создать общеобразовательную систему значительного масштаба (цифирные школы) потерпела провал. Она была неудачной в административном отношении: к управлению были привлечены духовные и гражданские власти, а также Адмиралтейств-коллегия, которая должна была снабжать школы учителями. Ни одно из этих ведомств не было заинтересовано в цифирных школах. Число не желающих получать навязываемое сверху образование далеко превосходило число желающих.

Значительно более важным и удачным актом было обнародование в 1721 году Духовного регламента и создание на его основе си-

стемы духовных семинарий. Они ориентировались на программы и отчасти уровень иезуитских коллегиумов, что представляло собой сложную педагогическую задачу. Новации, предложенные Петром (например, изучение популярного юриста С. Пуфендорфа), не прижились. Духовная семинария была первым массовым средним учебным заведением в России и становым хребтом её образования в XVIII веке; она служила источником студентов для высших учебных заведений, педагогических кадров для народных училищ уже при Екатерине II, для более простых форм домашнего воспитания. Впоследствии, в связи с созданием Министерства народного просвещения и мощной общеобразовательной системы, ситуация изменилась. Выдающимся деятелем духовного образования эпохи Петра и Анны Иоанновны стал автор Духовного регламента — на основании петровских указаний — Феофан Прокопович. Он учредил собственную школу на Карповке, исключительно хорошо устроенную, которая просуществовала до его смерти (†1736).

От Петра I до Елизаветы

Екатерина I реализовала один из петровских планов — при ней начала свою деятельность Императорская Академия наук. Наряду с академией были созданы академические университет и гимназия. Их деятельность, осложнённую тяжёлыми обстоятельствами (в частности, высоким уровнем образовательной конкуренции в столице), чаще

Иван Иванович
Шувалов

Мундир кадета
Сухопутного
шляхетского корпуса,
1793 г.

всего — и справедливо — характеризуют как малоэффективную. Важными вехами развития просвещения при Анне Иоанновне стали создание Сухопутного шляхетского кадетского корпуса (1731) и гарнизонных школ. Первое мероприятие заполняло лакуну, образовавшуюся при Петре; теперь все рода войск имели свои учебные заведения.

Кадетский корпус не имел узкого характера военно-учебного заведения; его программа предполагала универсальную подготовку, пригодную как для военной, так и для штатской службы. Перед ним ставилась культурная сверхзадача — спаять в единое целое российское шляхетство и остзейское рыцарство, дав им овладеть в совершенстве русским и немецким языками. Впоследствии, при повороте в сторону французского влияния при Елизавете Петровне, эта программа утратила актуальность. Кадетский корпус выстраивался как придворное учебное заведение; решения по его вопросам принимались на самом верху. Он сыграл значительную роль в становлении русского театра, в развитии литературы (прежде всего в лице А. П. Сумарокова и М. М. Хераскова).

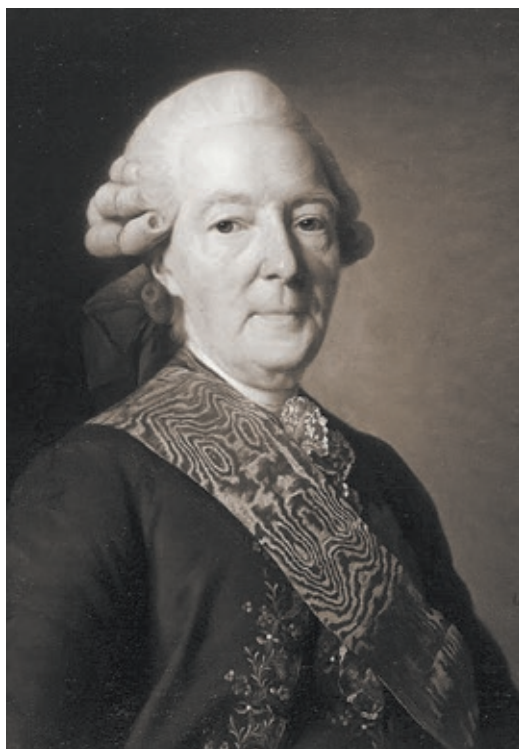
Гарнизонные школы были массовой моделью с очень простой программой для солдатских детей (и других детей из низших сословий). В них влились остатки цифирных школ.

Важной образовательной мерой анненской эпохи были дворянские смотры. Именно

в это царствование перед первым сословием империи были поставлены образовательные задачи, до того на смотрах не проверявшиеся. В отношении их исполнения правительство проявило полный либерализм — оно создало определённые образовательные возможности, но никак не регламентировало способы получения образования и не настаивало на своих учебных заведениях. Программа была достаточно простой, без иностранных и древних языков.

Выдающимся деятелем елизаветинской эпохи был И. И. Шувалов, которому принадлежит одна из главных ролей в российском просвещении императорской эпохи. По его инициативе был учреждён Императорский Московский университет (1755) с двумя академическими гимназиями — для дворян и для разночинцев. Это были учебные заведения весьма высокого уровня, с серьёзной учебной программой, включавшей древние и новые языки, серьёзную математическую подготовку. Новые основные языки — французский и немецкий (что было свойственно для всех типов средних школ и впоследствии). В 1758 году филиал Московского университета был открыт в Казани — это тоже была академическая гимназия. Среди первых (по времени) гимназистов в Москве был Д. И. Фонвизин, в Казани — Г. Р. Державин. Впоследствии, во время пугачёвского штурма Казани, гимназисты участвовали в защите города.

В последний период правления Елизаветы Петровны И. И. Шувалов разработал план системы дворянских гимназий, который был принят указом Сенату. Смерть императрицы помешала воплощению этого плана в жизнь.

Пётр Васильевич
Завадовский

Фёдор Иванович
Янкович де Мериёво

Иван Иванович
Бецкой

Эпоха Екатерины II и Павла I

В начале правления Екатерины II была создана Уложенная комиссия, имевшая целью изучить потребности сословий и привести законодательство в соответствие с ними. Это первый в истории России случай, когда общество получает возможность сформулировать свои образовательные нужды. Анализ собранных наказов даёт понять, что образование не являлось ведущей потребностью, а что касается его характера, у правительства были развязаны руки: рассматривая школу как социальный лифт, население, смилившись с необходимостью образования для службы, приняло бы любую учебную программу.

Правление Екатерины Великой в образовательном отношении делится на два периода: эпоху И. И. Бецкого (до начала 80-х годов) и эпоху Ф. И. Янковича де Мириево. Первая создаёт систему женского образования в России (Воспитательное общество Смольного института, 1764 год, сначала для девочек высшего сословия, потом и для мещанок), реформирует сухопутный кадетский корпус в духе новомодных педагогических идей, кладёт основу для призрения сирот и подкидышей (Воспитательный дом в Москве, заложен в 1764 году). Ориентируясь на французский

Сен-Сир, Смольный институт стремился, однако, создать жизнерадостную атмосферу, контрастирующую с монашеской обстановкой образца; педантизм и учёность мало привлекали императрицу, она стремилась воспитать матерей семейств с достаточным интеллектуальным кругозором и умением вести хозяйство. Была заложена традиция, в силу которой женское образование находилось под покровительством императрицы, — она сохранилась и тогда, когда окончилась эпоха женских царствований. Основой для Воспитательного дома послужил «Генеральный план» И. И. Бецкого (1763). Его педагогическая концепция, на тот момент разделявшаяся Екатериной, предполагала создание «новой породы людей», для чего предполагалась изоляция от общества, в т. ч. от собственной семьи; эти планы не принесли успеха. При Воспитательном доме в Москве позднее было создано коммерческое училище. Что касается Кадетского корпуса, изменения мало затронули его программы; общий подход — универсальность подготовки для занятия как военных, так и гражданских постов — остался в силе.

Второй этап — эпоха попытки создания системы начального образования, которое было бы адресовано широким слоям населения, в т. ч. из непривилегированных сословий. Императрица убедилась в необходимости таких действий после встречи с австрийским императором Иосифом II в Могилеве (1780), где тот ознакомил её с принципами и ходом австрий-

Михаил Матвеевич
Херасков

Денис Иванович
Фонвизин

ской образовательной реформы. Екатерина создала Комиссию об учреждении училищ во главе с одним из своих фаворитов графом П. В. Завадовским — позднее он стал первым в России министром народного просвещения. Из Австрии был послан педагог и администратор Ф. И. Янкович де Мириево, который стал душой русской реформы; австрийские власти снабдили Россию учебниками, переводы которых (с соответствующими изменениями) стали основой для отечественной педагогической литературы. В 1782 году в Петербурге был создан педагогический институт — Главное народное училище; с учётом непривлекательности в материальном отношении педагогического поприща его выпускникам было запрещено менять эту должность на какую-либо другую. В 1786 году началось создание системы народных училищ в городах; правительство рассчитывало (вряд ли с достаточным основанием) на местные благотворительные взносы для финансирования этой образовательной инициативы. Программа была достаточно простой, соответствуя начальному, а не среднему уровню; для идеологического воспитания использовалась «Книга о должностях человека и гражданина» (выведена из употребления уже при Александре I), также сочиненная на основе австрийского образца.

Важным педагогическим достижением становится создание по инициативе куратора Московского университета М. М. Хераскова благородного пансиона при этом университете; это учебное заведение прославилось как питомник литературных талантов (среди его учеников были В. А. Жуковский и М. Ю. Лермонтов). Концепция литературного воспитания, разработанная многолетним главой пан-

Екатерина пытается контролировать домашнее воспитание, предписывая заниматься по учебникам, напечатанным для казённых школ. Эти попытки оказываются безуспешными: значимым фактором домашнее воспитание перестаёт быть только в царствование Николая I.

сиона А. А. Прокоповичем-Антонским, совмещала создание «взрослых» журналов, куда был открыт доступ пансионерам, приглашение виднейших писателей и поэтов, высокий уровень преподавания отечественной словесности и поощрение литературных кружков среди учащихся.

Эпоха Елизаветы и Екатерины II — расцвет домашнего воспитания. Наряду с классической его формой, такой как пребывание гувернёра в помещичьем доме (с возможностью приглашения соучеников, чьи родители самостоятельно оплатить образование не могли), в моде были и частные пансионы. Правительство косо смотрело на гувернёров; одним из мотивов создания университета в Москве было стремление дать возможность помещикам обучать детей без трат на «поваров и лакеев», а за приглашение гувернёра без аттестата от Московского университета или петербургской Академии полагался штраф в 100 рублей. Много внимания уделялось пропаганде: в частности, критике домашнего воспитания посвящено одно из самых значительных литературных произведений столетия — «Недоросль» Д. И. Фонвизина. Екатерина пытается контролировать домашнее воспитание, пред-

писывая заниматься по учебникам, напечатанным для казённых школ. Эти попытки оказываются безуспешными: значимым фактором домашнее воспитание перестаёт быть только в царствование Николая I.

Важным актом эпохи Павла I было приведение в окончательный вид системы высшего духовного образования; оно состояло из четырёх академий (в Москве, Казани, Киеве и Петербурге). Система среднего духовного образования предполагала наличие одной семинарии на епархию (исключением за весь императорский период стала только Московская епархия с дополнительной Вифанской семинарией), а потому эта система, выйдя на проектный уровень, практически не росла. При Павле же был учреждён Военно-сиротский дом (1798).

Эпоха Александра I

Начало царствования Александра I является поворотной точкой в истории просвещения Российской империи. В 1802 году было создано — в числе прочих — Министерство народного просвещения. И его название, и круг его полномочий не были predetermined; эти вопросы живо обсуждались в кругу молодых друзей императора. Министерство получило, пожалуй, самую узкую сферу ответственности из всех возможных: система духовного образования осталась в ведении Священного синода, кадетские корпуса и началь-

Михаил Никитич
Муравьев

Николай Иванович
Лобачевский

ные военные школы — военного и морского министерств, женское образование и воспитательные дома — императрицы. Тем не менее у него было достаточно работы.

Отметим, забегая вперед: в императорскую эпоху на посту министра просвещения (или по крайней мере управляющего министерством) побывало 25 человек; с сентября 1802-го по февраль 1917 года это 114 полных лет, в среднем чуть больше чем по 4,5 года на один министерский срок. Из них 10 были назначены Николаем II. Долгожители — С. С. Уваров (полных 16 лет), И. Д. Делянов (полных 15 лет) и Д. А. Толстой (полных 14 лет). Из остальных никто не занимал должности 10 лет.

Страна была разделена на учебные округа: Петербургский, Московский, Казанский, Харьковский, Дерптский и Виленский. Во главе округов встали по преимуществу молодые друзья императора — за исключением Казанского, чьим главой был назначен крупный учёный, астроном С. Я. Румовский, и Московского, где попечителем стал учитель императора М. Н. Муравьев, одновременно получивший должность товарища министра (его смерть в 1807 году, в пятидесятилетнем возрасте, — одна из самых жестоких катастроф русского просвещения). Во главе округов должны были быть университеты: Московский и Виленский уже существовали, Дерптский получил свой устав в 1802 году, Петербург под непосредственным наблюдением образовательных начальств и с Академией мог подождать, а в Казани и Харькове университеты были созданы (1804). В Казани это было осуществлено на основе гимназии; её университет отличался высоким уровнем математических наук и вскоре выдвинул фигуру первостепенной величины — Н. И. Лобачевского, который стал его ректором.

В 1804 году был обнародован устав учебных заведений, подведомственных университетам. Он предполагал стройную систему — университетам подчинялись губернские гимназии, которые предстояло создать на основе екатерининских народных училищ, ниже стояли уездные училища, ещё ниже — приходские. Эта система была последовательной, при том что «вскочить на ступеньку» можно было в любом месте: достаточно было продемонстрировать достаточные для этого познания, не нужно было получать их непременно в казённой школе. Потому гимназия, венчавшая здание начального и среднего образования, была сделана довольно компактной: она включала всего четыре года, в её программе была латынь, но не было греческого языка, и курс отличался техническим и поверхностным энциклопедизмом. Цель её была — и осталась до конца империи — двоякой: подготовка к университету и подготовка к самостоятельному жизненному и служебному поприщу. Отметим, что уже в царствование Александра I С. С. Уваров, будущий министр, а тогда попечитель столичного округа, разработал гораздо более основательный план гимназического образования с семилетним курсом. Он же стал инициатором создания столичного университета (1819) на базе Главного педагогического института (восходящего к учреждениям Ф. И. Янковича де Мириево).

Для удобного управления округами с опорой на университеты была введена функция визитаторов, которую исполняли университетские профессора: они должны были посещать учебные заведения университетского округа с целью контроля образовательного уровня и писать о том отчёты. Это бремя было снято с профессуры университетским уставом 1835 года.

М. М. Сперанский, который нуждался для широко задуманных реформ в массовых кадрах образованных государственных служащих, был недоволен темпом работы казённых учебных заведений; по его инициативе был принят указ от 6 августа 1809 года, предполагавший, что чин коллежского асессора даётся только лицам с гимназическим образованием. Этот указ вызвал бурную реакцию в обществе и сделал имя государственного секретаря

Сергей
Семенович
Уваров

ненавистным ведущему сословию. Отметим, что, поскольку, по справедливому замечанию А. С. Пушкина, «чины сделались страстию русского народа», любые нормативные документы об учебных заведениях содержали упоминание о правах, даваемых их выпускникам, прежде всего — на какие классные чины и при каких результатах они могли рассчитывать. Это было главным элементом «политики пряника» императорского правительства (которую после Петра решительно предпочитали «политике кнута»).

Кроме этой меры М. М. Сперанский принял в своих видах другую — создание Царскосельского лицея для подготовки будущих чиновников. Шестилетний курс предполагал сочетание среднего и высшего образования, и граф Ж. де Местр, просмотрев его программу, написал министру просвещения графу А. К. Разумовскому: «Или юные русские — ангелы, или их наставники сошли с ума». Программу пересмотрели и привели в соответствие с требованиями педагогики. Переехав из Царского Села в столицу, лицей стал Александровским. Вообще же словом «лицей» стали обозначать впоследствии высшее учебное заведение об одном факультете: два лицея, выстроенные по классической модели, — Ярославский и Нежинский — были высшими учебными заведениями юридического и историко-филологического толка. Изначально они располагали подготовительной гимназией. Ришельевский лицей в Одессе, чей план был разработан знаменитым педагогом аббатом Ш.-Д. Николлем, был открыт в 1817 году и в 1865-м преобразован в Императорский Новороссийский университет.

Второй период царствования Александра I — «мистический» — отмечен резкой атакой на столичный (попечитель Д. П. Рунич) и Казанский (попечитель М. Л. Магницкий) университеты. Это произошло в министерство известного мистика князя А. Н. Голицына, занимавшего (единственный случай в истории Российской империи) пост министра народного просвещения и духовных дел.

В области военного образования планировалось — по проекту князя П. А. Зубова — серьёзное расширение системы, причём столичные корпуса должны были стать высшей ступенью для провинциальных. Бурные военные события первой половины царствования не дали осуществить этот проект. Был реформирован из придворного в военное учебное заведение Пажеский корпус (1802) — самый престижный и «аристократический» кадетский корпус империи. Были созданы отделения Военно-Сиротского дома (1804); солдатские сыновья, воспитывающиеся в них, впоследствии получили наименование военных кантонистов. Нужно отметить и усилия — отчасти по собственной инициативе офицеров — по созданию ланкастерских школ взаимного обучения в армии.

Духовное образование планировали реформировать ещё при Павле. Духовенство рассматривало общегражданские учебные заведения как образец и собиралось учредить академии (философский и богословский классы иезуитского коллегиума), семинарии, уездные и приходские училища. Уставы всех типов училищ были утверждены в 1814 году. Общая тенденция развития духовной школы в дальнейшем будет заключаться в том, что её иезуитское ядро размывается за счёт привнесения современного содержания. Поскольку значительных изменений вне указанных рамок духовная школа не претерпела, мы в дальнейшем не будем её рассматривать.

Женские учебные заведения после смерти Екатерины II управлялись супругой Павла I Марией Фёдоровной. При Александре некоторые женские школы, ориентированные на Смольный монастырь, возникли по местной инициативе (например, в Полтаве и Харькове). В Петербурге в 1806 году подполковницей Гавриловой был основан Дом трудолюбия. Эти новые школы поступали под покровительство

супруги Александра Елизаветы Алексеевны. Можно отметить и некоторые отдельные образовательные инициативы — учреждение в Москве Школы колонновожатых в 1810 году и Земледельческой школы в 1822-м.

Важной особенностью образовательной политики является чередование «экстенсификации» и «интенсификации», поочерёдно представляемых сменяющимися друг друга царствованиями. Александр I расширяет образование (как и Николай II), Николай I углубляет его, и ту же роль играет Александр III. Единственное исключение — Александр II, которому выпала на долю экстенсивная, расширительная функция, и он её исполняет; но ему приходится считаться с итогами последних лет царствования отца, и наряду с расширением гимназической сети он поднимает её уровень.

Эпоха Николая I

Начавшись с вооружённого восстания, николаевская эпоха сразу же привлекла внимание к воспитательной тематике. Правительство постаралось сколь возможно стеснить заграничное образование, а домашнее победило в честной конкурентной борьбе. В 1828 году был принят новый устав — гимназий и училищ уездных и приходских. Типы сохранялись те же, но они были параллельными, а не последовательными, и каждый из них предполагал законченный цикл знаний для соответствующего круга. Соответственно, и гимназический курс мог быть выстроен полноценно — семь лет, с обоими древними языками. Эта гимназия — одно из вершинных достижений русской педагогики — стала называться «уваровской», хотя сам С. С. Уваров, принимая активнейшее участие в разработке её проекта, ещё не был министром. В крупных городах могло быть по несколько гимназий, но губернской — с подчинением её директору всей низшей школы — могла быть только одна. Устав определял характер преподавания: «Обязанности всех вообще учителей определяются их важным назначением: образовывать умы и сердца вверяемых им юношей. Учителя должны внушать ученикам своим, что преподавание их есть только руководство для достижения познаний, которые приобре-

М. М. Сперанский, который нуждался для широко задуманных реформ в массовых кадрах образованных государственных служащих, был недоволен темпом работы казённых учебных заведений; по его инициативе был принят указ от 6 августа 1809 года, предполагавший, что чин коллежского асессора даётся только лицам с гимназическим образованием.

Михаил Михайлович Сперанский

таются не иначе, как собственными усилиями. Соответствуя возрасту учащихся, сие руководство может быть двух родов. В нижних классах учитель должен более объяснять и часто повторять свои объяснения, но стараясь и тогда уже, посредством вопросов и задач, приучать детей рассуждать, соображать, одним словом, действовать умом своим. В классах высших сия умственная деятельность учеников, по указаниям учителя, долженствует быть ещё усилена. Простое диктование уроков, служащее лишь к механическому затверживанию наизусть, ни в каком случае не допускается». С. С. Уваров считал важным преподавание риторики, т. е. отечественной словесности; этот подход отличает его модель классицизма от принятой при Александре II, которая с недоверием относилась к русскому языку и русской литературе. Сравнивая их, можно сказать, что с чисто научной точки зрения поздняя модель лучше, но, если учитывать среду, в какой работала школа, уваровский классицизм обладает значительным преимуществом. В качестве пилотного проекта в Москве появляется реальная гимназия (3-я, в 1839 году). С. С. Уваров заботился о дворянских пансионах при гимназиях; ему удалось сделать гимназический тип привлекательным для высшего сословия.

Значительные изменения в образовательную политику вносит 1848 год. Под впечатлением от революционных событий уваровская гимназия была разрушена, греческий язык отменён повсюду, кроме нескольких гимназий при университетах, преподавание латыни

сокращено; эти предметы должны были заменяться естественными науками и законовведением. Не желая уничтожить своё детище, С. С. Уваров ушёл в отставку (как прежде он оставил пост попечителя столичного округа, не желая участвовать в разрушении созданного им университета).

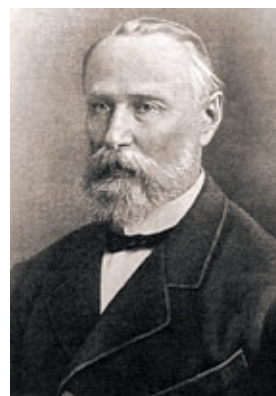
Отметим, что знаменитая триада «православие, самодержавие, народность» скорее распространяется на литературу, чем на школу (в частности, её приняли близко к сердцу сотрудники славянофильского журнала «Москвитянин», которому покровительствовал министр); что касается средней и даже высшей школы, вопрос о воздействии на них «триады» нуждается в дальнейшем исследовании, но на первый взгляд трудно отыскать признаки, что С. С. Уваров занимался идеологической индоктринацией, особенно в стиле Рунича — Магницкого.

В области начального образования заслуживает упоминания деятельность министра государственных имуществ П. Д. Киселёва, который создавал систему начальных школ для государственных крестьян. Учитывая младенческий уровень тогдашней статистики, о её реальном функционировании можно сказать мало конкретного.

В области военного образования при Николае создаётся система губернских военных корпусов под единым централизованным управлением; современникам запомнилась фигура выдающегося педагога Я. И. Ростовцева, начальника Штаба Е. И. В., главного начальника военно-учебных заведений. Кор-

Яков Иванович
Ростовцев

Михаил Никифорович
Катков

Павел Дмитриевич
Киселёв

пуга делились по разрядам; остановимся на самом важном из них. Губернские корпуса на 400 кадет — Новгородский графа Аракчеева, Орловский Бахтина, Тульский Александровский, Оренбургский Неплюевский (ещё с начала 1825 года), Полоцкий, Петровский Полтавский, Александровский Брестский, Владимирский Киевский (последний на 200 кадет) — создали стройную систему. Развитие военных наук сделало неприменимым прежний подход, когда кадетам могли давать общеобразовательную и универсальную подготовку; но привнесение военных наук в общую программу оказалось неудачным, и впоследствии из этого были сделаны выводы. В обществе распространялись мрачные слухи об образовании в кадетских корпусах, но они не соответствовали действительности.

В начале царствования Николая были в живых три императрицы — вдовы его отца и старшего брата (и Мария Фёдоровна, и Елизавета Алексеевна покровительствовали школам и управляли ими) и его супруга Александра Фёдоровна. Елизавета Алексеевна пережила мужа ненадолго (†1826), в 1828 году скончалась Мария Фёдоровна. Для управления женскими школами было создано особое ведомство — 4-е Отделение собственной Е. И. В. канцелярии, или Ведомство учреждений императрицы Марии. Женские школы (по большей части они именовались института-

ми) были разделены по трём разрядам. Всего их было 26 и 8 специальных (включая училище глухонемых и два повивальных). Было создано и первое духовное училище для женщин в Царском Селе под покровительством дочери императора великой княгини Ольги Николаевны (1843), имевшее целью воспитывать будущих жён священников. Эта школа положила начало системе женских школ духовного ведомства — так называемых епархиальных училищ. Они не сильно отличались по своим программам от женских гимназий, разве что меньше внимания уделяли новым языкам.

Николай стремился унифицировать типы образования, и это ему во многом удалось. В частности, были закрыты пансионы при столичных университетах — при более поверхностном образовании они давали ученикам права на более высокие чины. Император отличался маниакальным стремлением не допустить, чтобы кто-либо в империи получил образование более высокое, чем полагалось его сословию (при низком запросе на образованность в принципе это было менее чем неактуально). Усилия эти дали ничтожный результат. При посещении учебных заведений император обращал внимание прежде всего не на содержание, но на позы и выправку учеников (что могло стоять карьеры уважаемым и талантливым педагогам); сын его вёл себя противоположным образом.

Эпоха Александра II и Александра III

Многообразные реформы Александра II затронули и сферу образования. Гимназия подверглась двукратному реформированию — при министрах А. В. Головине и графе Д. А. Толстом. Обычно это рассматривают как реформу и контрреформу; правильное — как реформу умеренную и радикальную. Последовательно гимназическими уставами 1864 и 1871 годов в гимназии были возвращены древние языки; первый из них предполагал два типа — классическую и реальную гимназии, причём только выпускники классических гимназий имели право поступать в университет, второй — только один тип — классическую (реальные школы утратили гимназический статус и получили отдельный устав в 1872 году; они напоминали профессионально-технические училища). Уставы и 1864-го, и 1871 года предполагали 10% мест для бесплатного обучения талантливых детей из низов. Семилетний курс, сохранявшийся в первом, был продлён на год во втором. Власти делали много для смягчения школьных нравов: если по уставу 1828 года гимназисты младших классов могли подвергаться наказанию розгами, то при Александре II телесные наказания стали выводить из всех типов школ (граф Д. А. Толстой, который был не только министром просвещения, но и обер-прокурором Синода, энергично в своей грубо-административной манере боролся против розги в семинариях). В этом отношении русская школа опережала западную.

Идеологом реформы был профессор М. Н. Катков, талантливый патриотический публицист, пользовавшийся сильным влиянием на графа Д. А. Толстого. Чтобы содействовать умственной самостоятельности и состоятельности русского народа, он выдвинул идею концентрации — главные предметы должны занимать львиную долю учебного времени, а остальные — что останется. Таких было три: греческий язык, латынь и математика. Особой враждой Катков пылал к русской словесности, которая, по его мнению, воспитывала любовь к «фразёрству и верхоглядству». В этот период царская школьная администрация впервые столкнулась с идео-

логическим противоборством. Городские общества просили открыть классические гимназии, но не потому, что, как утверждал министр, они были сторонниками этого типа, а ради права поступления в университеты; оппозиция утверждала, что классический тип не подходит для русского народа. Обе стороны лукавили, но Толстой лукавил добросовестно, поскольку надеялся, что классические школы создадут слой бескорыстных интеллектуалов, столь необходимый для России, а оппозиция лукавила недобросовестно, поскольку под видом образовательных вожделений русского народа пыталась продвинуть собственные педагогические концепции; само население в большинстве смотрело на школу как на социальный лифт и желало, чтобы она была легче (что не соответствовало видам правительства и не способствовало росту популярности казённой школы). При Александре III (испытывавшем сильное влияние К. П. Победоносцева, сочетавшего реакционные взгляды с не-

Начавшись с вооружённого восстания, николаевская эпоха сразу же привлекла внимание к воспитательной тематике. Правительство постаралось сколько возможно стеснить заграничное образование, а домашнее победило в честной конкурентной борьбе.

любовью к классическому образованию) ведущей фигурой был министр граф И. Д. Делянов; он в своё время был товарищем министра при графе Д. А. Толстом и пытался в меру сил отстаивать наследие своего шефа, но это удавалось ему не до конца. Знаменитый циркуляр 1887 года «О сокращении гимназического образования» был принят по местной инициативе (попечителя Харьковского учебного округа) под впечатлением от террористического акта в Новочеркасской гимназии и не оказал существенного влияния на ход дел («дворянизация» гимназий при Александре III осуществлялась независимо от него и не была им ускорена). Реформа 1890 года ослабила классический элемент в гимназической программе. Реформа 1888 года, закрывая технические

Дмитрий Андреевич Толстой

отделения при реальных училищах (в них отпадала необходимость в связи с возникновением собственно технических училищ), превращала этот тип в полноценную ветвь среднего образования.

В области военного образования, где господствовал министр граф Д. А. Милютин, принадлежавший к либеральному крылу и относившийся с антипатией к классическому образованию, кадетские корпуса были заменены на военные гимназии с реальной программой; собственно военные предметы преподавались в военных училищах, куда будущие офицеры поступали, пройдя гимназический курс. После прихода к власти Александра III либеральные министры были уволены и военные гимназии были преобразованы обратно в кадетские корпуса — с военной дисциплиной и офицерами-воспитателями.

Для образования мещан, не претендующих на университет, была разработана очень удачная модель начального образования — городские училища по уставу 1872 года.

При Александре II создаётся мощная и эффективная система женских гимназий. Будучи предназначены для подготовки матерей семейств, а не для служебного и научного поприща, они обходились без древних языков,

Нужно признать справедливость пушкинской реплики: «Со времён восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно».

ограничиваясь новыми, и включали 7 классов (с дополнительным педагогическим, где углублённо преподавался какой-либо предмет). Гимназии могли быть министерскими или мариинскими. Положение о женских училищах ведомства МНП было принято в 1858 году, параллельно с трудами выдающегося педагога Н. А. Вышнеградского под эгидой Ведомства императрицы Марии. Эти гимназии практически не отличались по своей учебной части; разница была в том, что мариинские учреждались там, где заведомо было недостаточно общественных средств (на которые был большой расчёт в деле) и для поддержки русского элемента в том или ином крае. Единственной классической женской гимназией в империи была частная московская гимназия С. Н. Фишер (основана в 1872 году). Это было заведение очень высокого уровня. Его владелица отказывалась портить программу (основанную на строгом соблюдении устава 1871 года) параллельно с министерскими школами.

Важным мероприятием эпохи Александра III является создание технических и ремесленных училищ (фактически новый уклад русской школы), коммерческих училищ в ведомстве министерства финансов (при создании министерства промышленности и торговли переданы ему). Система коммерческих училищ была весьма мощной и отличалась — наряду с кадетскими корпусами — ориентацией на всё передовое и прогрессивное (самым консервативным было образовательное ведомство).

В 1884 году были утверждены «Правила о церковно-приходских школах». Страна располагала двумя параллельными конкурирующими системами — министерской (этими школами занималось земство) и синодальной. Последняя была более простой и де-

шёвой: вдохновитель реформы К. П. Победоносцев решительно не допускал в свои школы никакого «лишнего» содержания, кроме элементарной грамоты, арифметики и Закона Божия с церковным пением. Эта конкуренция сохранится и при Николае II, когда средства на школу многократно возрастут и правительство поставит вопрос об обязательном начальном образовании.

Эпоха Николая II. Заключение

Меняя министров вдвое чаще, чем предшественники, Николай II не допустил появления феномена в духе «уваровской» или «толстовской» гимназии. Он наложил мощный отпечаток своей личности на всё происходящее в школе. Этот отпечаток ярок в высшей школе (где император отдавал предпочтение техническому и специальному образованию сравнительно с университетским — университеты он не любил) и в начальной, где был взят (с 1910 года) решительный курс на обязательное начальное образование (правило трёх верст — расстояние от места жительства ученика до ближайшей школы не должно было быть больше; прогрессивные земства, например Херсонской губернии, уже достигли обязательности начального образования на подведомственной территории, самые остальные должны были добиться того же не позднее начала 30-х годов). В области среднего образования собственно императорскую волю обнаружить сложнее. Второй назначенный им министр (в 1901–1902 годах) — генерал П. С. Ванновский, бывший военный министр его отца, — планировал общую единую среднюю школу, выше уровнем, чем советская, но чрезвычайно убогую сравнительно с императорскими школьными типами. Он не успел осуществить свой замысел, но испрошенные высочайшие повеления сближали гимназию и реальное училище; первые два года в гимназиях вообще не преподавались древние языки, греческий — как в последние годы царствования Николая I — сохранялся лишь в нескольких гимназиях (и в немецких школах: в отличие от легкомысленных русских, немцы не желали портить свои под новомодными лозунгами). Причины отставки П. С. Ванновского

Дмитрий Алексеевич Милютин

неизвестны; по-видимому, император понял, что идти на поводу общественного мнения — заведомая ошибка; но последующие министры, понимая вредоносность его действий и не продолжая их, не решились отыграть назад. Министр А. Н. Шварц, который решил не прибегать к комиссиям и сочинил проекты законодательных актов сам (в том числе Положение о высшей начальной школе — этот тип должен был прийти на смену городскому училищу) — писал ученику С. И. Соболевскому: «Упорядочить учебные заведения всё равно мне не дадут: русские всё готовы вынести, кроме ученья».

* * *

Нужно признать справедливость пушкинской реплики: «Со времён восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно». Образовательное ведомство действовало в тяжёлой обстановке — при всегдашней значительной доле впервые вовлекаемых в школу необразованных масс, при утилитарном подходе даже и образованного сословия, при том что и государственная власть не всегда была на высоте своего просветительского призвания. Тем не менее в истории русской школы не так много ложных шагов и ошибок. Догоняющая миссия почти была завершена, слой квалифицированных интеллектуалов, достаточный для громадной страны, был создан. ●

Что такое образование в России и каким оно должно быть

А. А. Назаров,
кандидат филологических наук, профессор
Президентской академии (РАНХиГС)

Трансформация российского образования: содержание в историческом контексте

Образование — это не просто путь от яслей до университета. Это институт символической власти, зеркало цивилизации, её духовный фундамент, а также показатель того, что считает приоритетным общество: ремесло или культуру, дисциплину или свободу, массовость или глубину индивидуального познания. Нет ничего одновременно более консервативного и прогрессивного, чем образование, и в этом смысле история России показывает определённую логику: путь от фундаментальности к массовости, от культурной элитарности к «конвейеризации», от университетского духа к формальным и строгим показателям.

Образование — наряду с культурой, церковью и медиа — отвечает за создание и распространение символических форм, смыслов и убеждений в обществе, максимально эффективно работает на основные цели и задачи стратегических коммуникаций — изменение мышления, ценностей, сознания, социальных норм, моделей поведения и др. Помимо этого, образование обеспечивает функцию социализации человека, в ходе которой он овладевает социальными нормами, культурными традициями, ценностями и правилами поведения, знаниями, умениями и навыками, привычками и убеждениями. И конечно же, образование

формирует, накапливает, развивает и сохраняет знания.

Согласно распространённой сегодня концепции «трёх миссий университета» он помимо собственно образования и науки обеспечивает взаимодействие человека с обществом. Этим же занимаются и современные детские сады, школы, учреждения среднего профессионального образования, а также вузы. И происходит это через три процесса — собственно образование, воспитание и просвещение.

Сегодня российское образование — это система, которая формировалась и развивалась в трёх ключевых эпохах.

Дореволюционная Россия

Это время церковно-приходских школ, реальных училищ, гимназий, лицеев, университетов. И, хотя образование не успевает охватить всё население, именно в этот период формируется основной задел образованных людей, которые сформировали основные достижения страны не только в науке и образовании, но во всех отраслях промышленности, хозяйства и предпринимательства, были способны вести за собой страну, поскольку владели широким спектром знаний в разных областях. Их образование, основанное на фундаментальном подходе к различным областям знания, позволило в дальнейшем формировать интеллектуальную элиту не только Российской империи, но и Советского Союза с учётом того, что подавляющее большинство великих учёных, военных и партийных деятелей получили своё основное образование ещё при «проклятом царизме».

Здание на Варварке в Москве («Старый Английский двор»), в котором с 1720 г. располагалась Цифирная школа

Устав народных училищ Екатерининского времени

Советский XX век

События 1917 года, перевернувшие все сферы жизни общества, не могли обойти стороной и систему образования — и кардинально изменили её. Замещается значительная часть профессорско-преподавательского состава — многие или вынужденно покидают страну, или попадают под различные репрессии, а гимназическая традиция практически прекращает своё существование. Вместо неё вводится массовое среднее образование (оно таким преимущественно и останется к концу советского периода), главная цель которого — дать хотя бы начальные знания многомиллионному населению страны. С одной стороны, начальное образование стало практически повсеместным, с другой — его качество в сравнении с дореволюционными гимназиями и реальными училищами серьёзно снизилось за счёт нехватки кадров, а также примитивизации подходов и методов, рассчитанных на среднего ученика.

Постсоветская реальность

Эпоха, начавшаяся с сильного хаоса, вызванного экономическими и политическими потрясениями конца 1980-х — начала 1990-х годов, когда различные реформы фактически оставили советскую образовательную систему в прошлом, привнесли коммерциализацию, но не вернули фундаментальности. Школы и университеты и в законодательстве, и на деле начали восприниматься как «поставщики образовательных услуг» в формате «чего изволите».

Одна программа «Мир человека» Джорджа Сороса¹, официальной целью которой значилось «обновление гуманитарного образования в России», а на самом деле речь шла о его перестройке под западные стандарты для развивающихся стран, обеспечила вывоз из России высококвалифицированных преподавателей и научных сотрудников. В 1993 году Фонд Сороса предлагает взамен обнищавшим, оставшимся без работы из-за «шоковой терапии» учёным с зарплатой едва 20 долларов США целых 500 долларов за заполнение ими подробной анкеты об их научных интересах, достижениях и перспективных наработках. За два года фонду удалось собрать практически полное досье о подавляющем большинстве научных разработок, которые велись в СССР, и их исполнителях. Затем фонд начал распределять «гранты для научных институтов», которые обернулись отъездом 8 из 10 научных работников с ценнейшими идеями и документами в головах и чемоданах. По оценкам ректора МГУ имени М. В. Ломоносова, академика В. А. Садовниченко, к 2000 году страну навсегда покинули около 1,5 млн учёных и специалистов².

В эти годы мы чуть не потеряли учителя — главное действующее лицо в системе образования и воспитания. С ним Фонд Сороса также не церемонился — многочисленные гранты

¹ Фонд Сороса признан нежелательной организацией в РФ. — Здесь и далее.

² www.kp.ru/daily/27736/5126772

«поддержки» имели цель переформатировать и самого учителя, и всё, что с ним связано: учебники, пособия, научные и научно-популярные журналы и т. п.

Сегодня, в 20-е годы XXI века, мы вновь оказались перед вызовом: вернуть глубину и фундаментальность образования, соединить массовость и качество, внедрить инновации и сохранить традицию. Для этого нам требуется синтез трёх образовательных эпох, указанных выше. Но главное, нам предстоит вернуть утраченный смысл: образование как процесс, формирующий личность. Без этого ни реформы, ни стандарты, ни новые платформы не смогут возродить ту высокую планку, которую когда-то имели русская школа и университет.

Образовательные аспекты дореволюционного фундамента (XVII–XIX века): глубина знаний и проработанный поколениями подход

Российское дореволюционное образование в классическом его понимании формировалось на протяжении трёх столетий: от первых братских училищ до классических гимназий и императорских университетов. На протяжении всего этого пути не было случайностей, каждое усилие, проводившееся путём реформ, от Петра I до Александра II, отражало социальные и государственные запросы.

До начала XVII века образование в России носило преимущественно церковный характер: грамоте обучали при монастырях и церковных приходах, — поэтому образование оставалось долгое время преимуществом духовенства.

Постепенное проникновение европейских идей на территорию современной России, усилившееся с приходом к власти Петра I, меняет ситуацию в корне. Первый российский император увидел в образовании ресурс модернизации. В начале XVIII века он создал первые навигацкие школы, артиллерийские и инженерные училища. Образование перестало быть частным делом церкви — оно стало государственной задачей, направленной на подготовку кадров для армии и флота. Однако Пётр мыслил образование утилитарно: нужны были специалисты, а не философы. Поэтому

му социально-гуманитарная составляющая оставалась слабой.

Ситуация изменилась в середине XVIII века, когда усилиями Михаила Васильевича Ломоносова и Ивана Ивановича Шувалова указом императрицы Елизаветы Петровны в Москве в 1755 году открывается первый классический университет вместе с двумя академическими гимназиями. В его уставе чётко говорилось о задачах просвещения, воспитания «полезных граждан», о необходимости развивать как науки, так и искусства. Императрица Екатерина II в своих «Наказах» прямо писала, что образование должно служить не только государству, но и обществу. Именно при ней формируется сословная система образования: дворянские корпуса, кадетские училища, институты благородных девиц.

Наконец, XIX век стал золотым веком российской школы. Во многом данное событие было обусловлено Отечественной войной, которая требовала переосмысления в том числе и образовательной системы. «Возросший патриотизм и религиозность подвели черту под доминированием в образованном обществе франкомании. Начались поиски национального пути развития России и русской школы», — отмечают А. Н. Джуринский и Н. В. Трошкова³. Вершиной образовательной системы становятся гимназии, первые из которых были открыты в 1803 году, где формировалась государственная и культурная элита. Как отмечает Х. С. Шагбанова, правительство империи было высоко заинтересовано в развитии людей, обучавшихся в гимназиях, что приносило соответствующий результат. «Особенности воспитания в российских гимназиях в XIX столетии состояли прежде всего в росте осознания правительством, руководством данного типа учебных заведений, а также видными общественниками того потенциала, который несло в себе объединение образования и воспитания в рамках обучения», — отмечают исследователи Х. С. Шагбанова, А. В. Орлова и др.⁴

³ cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-istoricheskiy-analiz-stanovleniya-klassicheskoy-gimnazii-v-pervoy-chetverti-xix-veka-rossiyskiy-i-mirovoy-opyt/viewer

⁴ cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vospitaniya-uchaschihsya-gimnaziya-xix-veka

Платон
Александрович
Ширинский-
Шихматов

Аллегория
на императрицу
Екатерину II
с текстом
наказа. 1778 г.

**Значительной составляющей
в системе образования
Российской империи было
духовно-нравственное развитие
и воспитание преимущественно
в духе православия, но с поправкой
на национальные особенности
и традиции губерний.**

Учебный план гимназий включал латынь, греческий, историю, риторику, математику, философию. Методы преподавания опирались во многом на европейскую традицию, делался особенный упор на анализ текста и диспуты вокруг него. Целью образовательных организаций тех лет было не просто дать знания, но вырастить личность, способную мыслить, сравнивать, анализировать.

Однако периодически социально-гуманитарные науки подвергались гонениям, особенно в связи с различными событиями за рубежом вроде революции 1848 года во Франции. К примеру, Платон Ширинский-Шихматов, министр народного просвещения Российской империи в 1849–1853 годах, мог сказать: «Польза от философии не доказана, а вред очевиден», — и запретить преподавание философии в российских университетах.

Значительной составляющей в системе образования Российской империи было духовно-нравственное развитие и воспитание преимущественно в духе православия, но с поправкой на национальные особенности и традиции губерний. В законодательстве это было чётко зафиксировано: положение 1811 года «Об обучении во всех учебных заведениях За-

кону Божию и о приглашении почётного духовенства на экзамены» закрепило центральное место Закона Божьего в системе начального и среднего образования (его изучали все записанные православными с первого по седьмой класс по два часа в неделю). Принятие «Положения о начальных народных училищах» 1864 года провозглашало целью их создания «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания». Также существовала преемственность между ступенями образования, которая предполагала экзамены по ключевым предметам, в том числе Закону Божьему, в качестве вступительных испытаний на каждую вышестоящую ступень. Были и названные впоследствии большевиками «перегибы» в виде обязательного участия в школьных богослужениях (опять же, для учащихся, в чьих метриках в графе «вероисповедание» значилось «православный»), и это стало фактором, негативно повлиявшим на систему образования и её выпускников.

Гимназия была школой дисциплины: строгая форма, единые правила, высокий порог экзаменов. Но одновременно она же была школой свободы мысли. Учеников приучали

Лицейсты за чтением газет и журналов. 1911 г.

Урок в земской школе

к логике, к сопоставлению культур, к уважительному отношению к науке.

Российские университеты XIX века (Московский, Казанский, Дерптский, Петербургский) формировались по образцу немецкой Гумбольдтовской модели: единство науки и преподавания, автономия профессорской корпорации, академическая свобода. Это было уникальное пространство, где студент мог встретить не только профессора, но и мыслителя, где лекция становилась интеллектуальным событием. Именно в университетах рождались новые направления русской науки — от исторической школы Ключевского до юридической школы Чичерина.

Заметный вклад в историю образования внёс Царскосельский, а затем Александровский лицей (1811–1917). Его концепция заключалась в том, чтобы воспитать государственную элиту нового типа — образованную, мыслящую, но преданную Отечеству. (Возрождением этого уникального учебного заведения и его традиций теперь занимается Президентская академия (РАНХиГС).⁵) Лицей предоставлял обучающимся уникальную программу, которая сочетала глубокую гуманитарную подготовку (литература, история, философия) с практическими знаниями (право, политэкономия). Атмосфера лицея напоминала «малую республику», где царили доверие и дух товарищества. Именно отсюда вышли Пушкин, Дельвиг, Горчаков, Пущин — целая когорта людей, определивших лицо XIX века.

Дореволюционное образование выполняло не только образовательную, но и культур-

но-воспитательную миссию. Оно формировало привычку к чтению, к труду мысли, уважение к классике. Ректор университета был не администратором, а лидером общественного мнения. Гимназия и университет были социальными лифтами, но лифтами особого рода — они поднимали человека вверх не только по служебной лестнице, но и по культурному уровню.

Однако нельзя забывать и о сословности дореволюционного образования. Оно было недоступным многим, а строгая селекция отсекала значительную часть талантливых ребят. Но именно избирательность, отсутствие обязательности всеобща, когда учитель ориентируется на среднего по успеваемости ученика, обеспечивали высокий уровень и качество образования.

Так дореволюционное образование создало культурный фундамент нации. Оно не только готовило чиновников или инженеров, но формировало тип личности — думающей, ответственной, включённой в европейскую интеллектуальную традицию. Именно на этом фундаменте строилась культура Серебряного века, философия русской религиозной мысли, великие реформы XIX века. Успехи образования в империи видны были и в XX веке: «Россия, значительно отставая от развитых капиталистических стран по уровню грамотности и среднему образованию населения, сумела в годы Первой мировой войны почти догнать Германию по количеству студентов, и это — достаточно серьёзный результат», — отмечают Л. В. Астанина и Н. В. Новикова⁶.

⁵ www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72343

⁶ cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kachestve-rossijskoy-sistemy-obschego-obrazovaniya-v-nachale-xx-veka

Матусевич И.А. «Профессор И. А. Ильин и князь С. Е. Трубецкой на борту "Философского парохода"». Рисунок 1922 г.

Эта система была суровой, избирательной, но она была системой. И потому разрушение её в XX веке стало для России не просто социальной, а цивилизационной катастрофой: мы потеряли нечто большее, чем просто школы и университеты. При этом ориентация системы на европейские, а точнее, преимущественно протестантские образцы, грешившие идеализмом и оторванностью от российских условий с весьма специфическими представлениями о правде и справедливости, в конечном итоге сыграла злую шутку с империей — вольнодумство и народничество, а затем и революционные идеи именно в системе образования проросли в неистребимый чертополох, похоронивший многовековую традицию.

Перелом XX века

Великая русская школа, выстроенная в XIX столетии, входила в XX век во всей своей мощи. Но уже первые десятилетия нового века оказались для неё испытанием на прочность — испытанием, которое она, увы, не выдержала.

Новые власти увидели в старорежимных университетах не союзников, а потенциальных врагов. Старую профессуру — людей с дореволюционным воспитанием и привычкой мыслить — воспринимали как носителей «классово чуждого сознания». Более двух сотен учёных покинули Россию на одном только «философском пароходе» в 1922 году, тысячи были уволены или репрессированы. Профессорская корпорация, веками формировавшая культурную атмосферу университетов, исчезла. На смену пришла новая образовательная модель — массовая школа, призванная решить задачу ликвидации неграмотности. Причём сначала её попытались создать заново, без опоры на прежние образцы. Однако со временем частично восстановилась именно дореволюционная система образования — «красная профессура» вырулила на эту траекторию развития. С этой точки зрения советская система безусловно успешна: десятки миллионов крестьянских детей получили возможность на-

В советской системе время от времени возникали точки роста — отдельные островки дореволюционного фундаментального образования. В 1920–1930-х годах это прежде всего ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории) — своего рода попытка возродить университетскую атмосферу дореволюционного образца.

учиться читать и писать. Но за этим успехом стояла неизбежная снижающаяся стандартизация: вместо классических гимназий — бывшие церковно-приходские школы, расширенные и переименованные; вместо латинских и греческих текстов — упрощённые учебники и «рабочие тетради»; вместо глубоких и начитанных доцентов и профессоров — умеющие читать и писать пролетарии без высшего образования. Иными словами, количество победило качество. Из элитной традиции русское образование превратилось в массовый социальный институт, со временем восстановив преемственность с прежней эпохой.

В советской системе время от времени возникали точки роста — отдельные остров-

Юон К. Ф. «Вузовцы», 1929 г.

ки дореволюционного фундаментального образования. В 1920–1930-х годах это прежде всего ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории) — своего рода попытка возродить университетскую атмосферу дореволюционного образца. Там ещё читали античную философию, обсуждали мировую литературу, спорили о судьбах страны на языке идей. Позднее, уже в послевоенное время, такие островки возникли в виде физико-технических школ, математических спецклассов, отдельных спецшкол и университетов вроде МФТИ или МИФИ. Здесь сохранялась глубина, но уже узкая — дисциплинарная, профилирующая, а не общекультурная.

Задача советского образования заключалась в формировании «нового человека». Школа стала инструментом не только обучения, но и идеологического воспитания. Здесь были взяты формы из церковно-приходских школ, но внесено новое содержание — с утра до вечера ребёнка учили не только арифметике и грамматике (а когда-то даже и логике, упразднённой как школьный предмет в 1955 году Н. С. Хрущёвым), но и правильному отношению к марксистскому учению. Наряду с этим закладывалось и нравственное воспитание, и общечеловеческая мораль. Беда в том, что со временем идеологическая картина мира всё разительнее расходилась с действительностью, что стало со временем одной из причин кризиса советской модели развития и развала СССР. От университетских диспутов XIX века не осталось и следа: их заменили за-

седания комсомольских ячеек и парткомов, «научный атеизм» и «диалектический материализм» вместо философии и «исторический материализм» с «кратким курсом» вместо истории.

XX век принёс России образовательный парадокс. С одной стороны, страна совершила гигантский шаг — от неграмотности к всеобщему школьному обучению. С другой — почти потеряла ту глубину и фундаментальность, которая делала её университеты и гимназии сопоставимыми с лучшими учебными заведениями мира. Если в первые десятилетия советской власти разрушение фундаментальности образования происходило под лозунгами формирования «нового человека» и отрицания «проклятого царизма», то эпоха Хрущёва, а затем Брежнева стала временем окончательной профанации профессуры и бюрократизации высшей школы.

Н. С. Хрущёв вошёл в историю как великий реформатор-любитель: кукуруза, совнархозы, целина — всё требовало немедленного переустройства. Под горячую руку попало и образование с наукой, только пришедшее в себя после чисток 1930-х годов. Один из самых ярких символов той эпохи — отправка доцентов и профессоров в совнархозы, на «производство». Казалось, что университетская аудитория и лаборатория — это привилегия, а не служение, и потому «учёных надо приблизить к народу». На деле это означало разрушение университетской среды: преподаватели теряли научную перспективу, а студенты — наставников. Не менее показателен и закон 1958 года «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», где курс на сближение образования с производством фактически подменил традицию «учения ради знания» утилитарной идеей «учения ради станка». Сам Хрущёв аргументировал свои действия следующим образом: «Тесная связь обучения с жизнью, с производством, с практикой коммунистического строительства должна стать ведущим началом изучения основ наук в школе, основой воспитания подрастающего поколения в духе коммунистической нравственности»⁷.

⁷ cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-shkola-v-period-ottepeli

Григорьев С. «Приём в комсомол. Сталинское племя», 1949 г.

Григорьев С. «Приём в комсомол». После XX съезда имя Сталина было убрано из названия картины, а его изображение автором закрашено.

При этом воспитательный процесс в советском образовании отличался высокой эффективностью. «Важно, что советское детство было организовано таким образом, что школьники были постоянно заняты, вовлечены в различную деятельность, эта самоорганизация была весьма высока, так как дети занимались, по их собственной оценке, важными делами», — пишет Е. Теплова, подчёркивая высокую роль идеологической составляющей советского образования, которая выходила за рамки школьных занятий⁸.

Эпоха Брежнева принесла другую крайность — застой и формализм. Высшая школа перестала быть храмом науки и превратилась в механизм распределения дипломов. Превращение профессорских кафедр в лаборатории, которые должны были давать «конкретный, практический результат», стала характерной чертой этого периода. В связи с этим самих профессоров, которые ранее руководили кафедрами (и пользовались высоким статусом), нередко переводили на должности заведующих лабораториями (завлабов), тем самым приравнивая их к руководителям небольших производственных звеньев. Внешне это звучало демократично — «равенство в научном сообществе». Но на деле это означало девальвацию звания профессора, превращение его в административную категорию. Преподаватель переставал быть культурным лидером, становился винтиком бюрократической системы. Университеты к тому време-

ни напоминали армейские части: отчёты, планы, собрания, отчётные конференции. Наука и образование существовали как приложение к хозяйственному плану. Брежневская эпоха довела до конца то, что началось в хрущёвскую: тотальную стандартизацию. Учебные планы, дисциплины, количество часов — всё было унифицировано. Отдельные кафедры и факультеты ещё сохраняли прежний уровень благодаря энтузиастам, но система в целом работала на «среднего студента».

Идея воспитания высокого низкого уровня инженера сработала как модель подготовки большой массы кадров, обеспечивших «революцию майонезов» (младших научных сотрудников) в 1991 году. Так же как ранее перепроизводство разночинной интеллигенции послужило благодатной средой для революционных движений начала XX века.

Так называемая стабильность Брежнева для образования означала окаменение. Университет в значительной степени перестал быть центром культурной жизни, профессура — духовной элитой. Если в XIX веке университетская культура воспитывала поколения мыслителей, то в 1970-е и 1980-е годы высшая школа стала готовить «дипломированных специалистов». Именно в эти годы казалось, что практически исчезла связь с

⁸ cyberleninka.ru/article/n/obraz-sovetskoy-shkoly-v-vospominaniyah-teh-kto-v-ney-uchilsya/viewer

дореволюционной традицией: университет перестал быть храмом знаний и превратился в конвейер по выдаче профессиональных специалистов. Как отмечают Т. В. Попова и О. А. Сухорукова, «эта система столкнулась с фатальным кризисом в тех условиях, когда практика жизни и образ будущего, рисуемые советской идеологией, окончательно перестали соответствовать реальности, а начавшаяся новая эпоха не смогла предложить стратегий жизненного пути подобного мировоззренческого масштаба»⁹.

Постсоветская реальность

Распад СССР обрушил не только политическую систему, но и образовательную. Там, где ещё вчера существовал пусть и формализованный, но всё же единый образовательный каркас, в 1990-е возникает хаос и коммерция.

Первые постсоветские реформаторы взялись за школу и вуз с энтузиазмом, напомиравшим хрущёвские эксперименты. Но если в 1960-е реформы прикрывались идеологией «сближения с производством», то в 1990-е их обосновывали лозунгами «демократизации» и «либерализации». Если до 1989 года воспитывали «строителей коммунизма», то после 1991 года — «строителей новой России».

Фактически же произошла деградация стандартов. Советская школа давала крепкую базу — выпускник умел решать уравнения, читать тексты и писать без орфографических ошибок. Постсоветская школа, раздираемая бесконечными реформами, всё чаще превращалась в лабораторию сомнительных педагогических экспериментов, отражавшихся на качестве образования. К этому добавилось падение социального статуса учителя и преподавателя. Если в XIX веке гимназический преподаватель был несомненным культурным авторитетом, а в советские годы школьный учитель — «воспитателем нового человека», то в 1990-е он превратился в наёмного работника, подрядчика родителей по образованию и воспитанию детей. «Ориентация на многообразие образовательных программ, индиви-

Так называемая стабильность Брежнева для образования означала окаменение. Университет в значительной степени перестал быть центром культурной жизни, профессура — духовной элитой. Если в XIX веке университетская культура воспитывала поколения мыслителей, то в 1970-е и 1980-е годы высшая школа стала готовить «дипломированных специалистов».

дуальность школ создаёт не только предпосылки для повышения качества образования за счёт его персонализации, но и риски для развития профессионального сообщества: рейтинги школ, конкуренция оказываются важнее сотрудничества в решении общих социальных и педагогических проблем», — считает О. Е. Лебедев¹⁰.

Высшая школа тоже не избежала нового вектора — коммерциализации. Университеты и институты начали открывать платные отделения, множились негосударственные вузы, часто без реальной научной и производственной базы, фабрики «продажи дипломов». Доступное не для всех (хотя и для многих) высшее образование стало просто предметом торговли.

Произошёл символический перелом: образование перестало быть ценностью и стало услугой. Если в дореволюционной России университет был храмом культуры, в советской — кузницей кадров, то в постсоветской реальности он всё чаще оказывался бизнес-проектом или просто «корочкой».

Символом этой эпохи стала школа, размытая по содержанию, бедная по атмосфере, лишённая фундаментальности. Из школьных программ исчезали целые пласты классики, «реформы» под видом обновления постоянно снижали планку требований. Идея «школы как культурного института» растворилась: учителя выживали, ученики скучали, родители требовали «услуг», чиновники — отчётов.

⁹ cyberleninka.ru/article/n/sovetskoe-obrazovanie-traditsiya-i-sovremennost

¹⁰ cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-politika-v-1990-e-gody-rezultaty-i-uroki

Когда в 2010-е годы стало понятно, что новые либеральные ценности не прижились на нашей почве, мы вспомнили, что являемся наследниками великих педагогических и научных школ, и это сформировало общественный запрос на возвращение утраченного. Из школы исчезает понятие «образовательной услуги», возвращается воспитание как одно из основных направлений развития личности в школе. С переосмыслением образовательных стандартов должен укрепляться авторитет педагога и наставника. Пока же материальная база школ России начала системно обновляться за счёт нового оборудования, новых или отремонтированных школьных зданий и кабинетов.

Однако содержание (атмосфера, дух и духовность, учебники, образование и культурный уровень) ещё в начале пути к требуемым временам высотам. Многие педагогические коллективы по-прежнему живут в логике горбачевско-ельцинских лет: реформы ради реформ, инновации ради инноваций, но без главного — культурного и образовательного фундамента. Постсоветская реальность закрепила тенденцию, начавшуюся ещё в хрущёвские годы: снижение фундаментальности. Но если в СССР образование опиралось на мощную инженерную и научную базу, то с его распадом стало жертвой рыночных экспериментов и культурного упадка.

Сегодняшние школа и университет нередко выглядят как пространство имитации. Формально — да, есть стандарты, программы, дипломы. Но за фасадом — часто «печальная реальность», когда ни преподаватель не чувствует себя носителем высокой культуры, ни студент — участником большой традиции.

Все разговоры о «стандартах», «программах» и «учебных планах» не должны затмевать главного: образование — это не только знание, но и культурная и духовная среда. Без этой среды, без «воздуха университетов», без традиции, поддерживаемой поколениями, любое образование превращается в формальность.

Исторический университет был не просто местом лекций и экзаменов, он был культурным пространством: профессорские квартиры, студенческие кружки, диспуты в аудиториях, дружеские собрания, где искренне обсуждались книги и идеи. Профессор в дореволюци-

онной России — это не только специалист, но и человек культуры. Его образ был сродни наставнику, духовному вождю. Студент учился не только предмету, но и стилю мышления, этике поведения, самому отношению к миру.

Советская эпоха постепенно превратила профессора в чиновника от науки, а постсоветская — в «поставщика образовательной услуги». Но без возрождения культурного авторитета и автономии преподавателя никакая реформа невозможна. Образование начинается с личности учителя, а не с той условной методички, лежащей в основе всей его жизни.

Школа и университет формируют не только интеллект, но и нравственный горизонт. Атмосфера, в которой растёт молодой человек, подчас гораздо важнее, чем сами предметы.

Произошёл символический перелом: образование перестало быть ценностью и стало услугой. Если в дореволюционной России университет был храмом культуры, в советской — кузницей кадров, то в постсоветской реальности он всё чаще оказывался бизнес-проектом или просто «корочкой».

В гимназии XIX века ребёнка учили дисциплине, уважению к слову, к традиции. В университете — свободе мысли и ответственности за её последствия. В советской школе этой атмосферы не осталось: ученик часто видит усталого учителя, перегруженного отчётами, который далеко не всегда получает зарплату, соразмерную его труду. Даже в знаменитой советской кинокартине «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» в диалоге главных героев это пронзительно отмечено: «И всё-таки у нас с вами самые замечательные профессии, самые нужные», — говорил врач Женя Лукашин учительнице Наде Шевелёвой. «Судя по зарплате, нет», — с улыбкой отвечала та.

Именно поэтому так важно вернуть воспитательную и духовно-нравственную составляющую образованию, достоинство школьному учителю и университетскому профессору — не только как декларации, а как естественный

культурный процесс внутри среды, основанный в том числе на достойной оплате труда.

Образовательная культура не возникает за один день. Чтобы вырастить университетскую традицию, нужно как минимум три поколения: первое создаёт фундамент, второе укрепляет, третье превращает получившееся в естественную норму.

Спустя время многие стали забывать, что атмосфера университета зависит не только от профессоров, но и от администраторов. Канцелярия, хозяйственные отделы, деканаты — всё это задаёт тон жизни вуза. Когда администраторы мыслят себя не культурными хранителями, а «менеджерами», университет быстро превращается в офис.

В XIX веке ректор был культурным лидером. В XXI веке он слишком часто становится бухгалтером. Это и есть главный признак деградации.

В конечном счёте образование — это не набор знаний, а событие культуры. В нём рождается личность, формируется стиль мышления, закладывается горизонт ценностей. Всё остальное: программы, стандарты, аккредитации — важные, но лишь внешние оболочки. Если мы хотим вернуть качество, нужно вернуть атмосферу. Школа и университет снова должны стать пространством, где молодые люди встречаются с культурой в её полном, высоком смысле.

Чему следует научиться у трёх эпох?

Несмотря на два серьёзных разрыва — в 1917-м, когда была прервана дореволюционная традиция, и в 1991-м, когда разорвалась советская, — наше образование живо и держится идей высокого Просвещения. Россия не утратила преемственности образования и культуры. От ошибок не застрахован никто, но у нас есть главное — серьёзный фундамент многовековой системы образования. Результаты сегодняшних действий будут видны лишь через десятилетия, но уже сейчас мы видим, какую пользу создают учителя и преподаватели, готовящие специалистов высочайшего уровня. Перед нами стоит задача выработать новый синтез, в котором будут соединены лучшие элементы трёх эпох.

Главный урок дореволюционной школы и университета — это *фундаментальность и высокая культурная планка*. Классические гимназии давали широту мышления, формировали способность мыслить категориями тысячелетий. Латынь и древнегреческий, философия и риторика — всё это было не данью моде, а школой ума. Университеты были пространством свободы и интеллектуального риска. Там воспитывались не только специалисты, но мыслители, готовые к ответственности перед историей. Лицейская модель показывала, что элитарность не противоречит служению Отечеству. Напротив, элита мыслилась как ядро, способное вести за собой страну. Из этой эпохи мы должны взять именно идею образования как культурного события — возвышенного, строгого, глубоко укоренённого в традиции.

Советская система, несмотря на утрату гуманитарной глубины, дала другое ценное качество — массовость. За одно поколение страна перешла от неграмотности к всеобщему школьному обучению. Школа формировала дисциплину, трудолюбие, уважение к коллективу.

Советская система, несмотря на утрату гуманитарной глубины, дала другое ценное качество — *массовость*. За одно поколение страна перешла от неграмотности к всеобщему школьному обучению. Школа формировала дисциплину, трудолюбие, уважение к коллективу. Инженерная и естественно-научная база советского образования позволила СССР выйти в космос и создать мощную промышленность. Именно советский период показал, что *массовое образование может быть качественным, если оно опирается на ясные цели, дисциплину и уважение к знанию как таковому*.

Начало постсоветского периода показало, как не стоит строить образование. Попытка превратить образование в услугу убивает сам его смысл. Однако это время показало силу энтузиазма, необходимость поддержки инициативы на местах. Ведь эксперименты, оторванные от культурного фундамента, приводят к хаосу, а деградация статуса учи-

теля делает невозможным функционирование всей системы. Но именно здесь мы получили и важное осознание: *без культурной среды, без уважения к учителю и профессору, без преемственности поколений образование невозможно.*

Только такой синтез способен создать образование будущего: не элитарное в узком смысле, не массовое в примитивном, а фундаментально-массовое, где глубиной не жертвуется ради доступности, а массовость не превращается в посредственность.

Сегодняшние вызовы требуют от нас иного уровня осмысления. Нам нужно помнить о преемственности образовательной традиции и вернуться к фундаменту — не к буквальной копии гимназии XIX века или советской школы 1960-х, а к их культурному и организационному ядру. Из дореволюционной традиции мы должны взять фундаментальность и воспитание личности, где образование есть приобщение к высокой культуре. Из советской эпохи — массовость и дисциплину, способность охватить миллионы и одновременно воспитать инженеров, врачей, учителей, созидателей. Из постсоветского опыта — энтузиазм на местах требует государственного управления, а инициативы в образовании нельзя превращать в рынок услуг.

Советские плакаты

Наряду с тремя основными светскими ветвями власти (законодательной, исполнительной и судебной) и четвёртой властью (медиа) образование является властью пятой, но по значимости, возможно, и первой, формируя вместе с семьёй базовый корпус знаний, умений и навыков человека и гражданина. Поэтому основная задача, которая стоит перед нами сейчас, — обеспечить образовательную среду высокого качества, взаимосвязь «учитель (источник знания) — ученик (обязан учиться)». Патриот, творец и профессионал — вот целевой образ сегодняшнего ученика как в школе, так и в университете. Школа должна быть пространством воспитания, а не тренировочной площадкой для экспериментов. Университеты — местом, где даются фундаментальные знания, а не офисами для отчётности. Учитель и профессор — культурными авторитетами, а не «поставщиками услуг».

Когда образование воспринимается как стратегический ресурс (как сегодня), а не как расходная статья (как в 1990-е), то будущее России обеспечено. Не только экономическое и технологическое, но прежде всего культурное. Само образование как процесс есть основной носитель и выразитель культуры.

Плоды образования не видны сразу, но именно они определяют судьбу страны через поколение, два, три. И потому сегодня, уже в начале второй четверти XXI века, нам нужно в логике преемственности строить фундаментальное образование на великом опыте прежних эпох — для тех, кто будет жить в веке XXII. ●

Смутное время в Европе

Д. Р. Жантиев,
кандидат исторических наук,

М. В. Баранов,
кандидат философских наук

Отечественную историю в России традиционно изучают отдельно от европейской ещё со школы. И из-за этого даже хорошо образованным людям в России представляется, что страна развивалась своим, особым путём, изолированно от общеевропейской цивилизации, не имея к ней никакого отношения и лишь время от времени подвергаясь нашествиям с Запада. Между тем для всех профессиональных историков очевиден тот факт, что Россия развивалась как часть Европы. Безусловно, у России свой, особый цивилизационный путь внутри Европы, но заметим, что и у каждой европейской страны был особый путь: Франция, Англия, Германия, Италия, Испания, Голландия, Швеция, Польша, Швейцария — все эти страны развивались по разным траекториям.

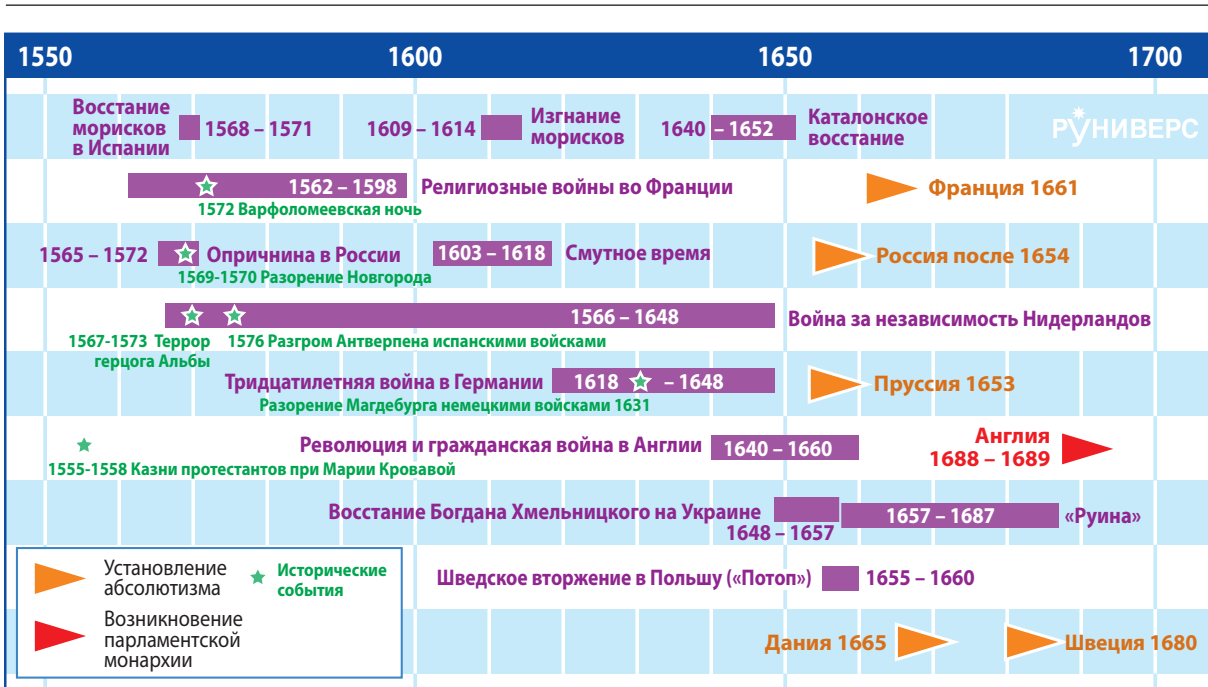
Среди устоявшихся миф об исключительности событий времён царствования Ивана Грозного и Смутного времени. Однако если посмотреть на эти периоды в рамках истории всей Европы, то беспрецедентные, потрясшие современников события в России оказываются частью общеевропейских процессов с множеством удивительных аналогий.

1560-е годы как раз были переломными для Европы. В любом академическом учебнике истории говорится о том, что период 1560–1660 годов — это период смут, гражданских и религиозных войн в Европе, то есть по не вполне понятным причинам в середине XVI века в этой части света начинается полоса небывалых по ожесточённости внутренних конфликтов. Примечательно, что этот процесс инициируется с двух сторон континента: с од-

ной стороны — Франция, где в 1562 году начинаются религиозные войны (длились 36 лет, до 1598-го), чуть позже (в 1566-м) они начались в Нидерландах, с другой стороны — Россия, где появляется опричнина (1565). Продолжая этот ряд событий, следует отметить 1567 год — свержение королевы Марии Стюарт в Шотландии и её заключение в Англии после бегства, завершившееся беспрецедентной казнью в 1587 году (послужившей, в свою очередь, прецедентом для будущих казней короля Англии Карла I в 1649-м и короля Франции Людовика XVI в 1793-м).

Более того, репрессии периода опричнины (1565–1572) в России хронологически удивительным образом совпадают не только с массовым истреблением гугенотов-протестантов во Франции (включая Варфоломеевскую ночь 1572 года) но также и с казнями оппозиционеров в Швеции лично королём Эриком XIV (1567), казнями представителей знати в Нидерландах (1568) и массовыми репрессиями против морисков в Испании в ходе подавления их восстания (1568–1571).

Наиболее трагичное событие периода опричнины — разорение Новгорода в 1569–1570 годах — по современным оценкам, привело к гибели 2–3 тыс. человек и потерей городом своего торгового значения, в то время как во время Варфоломеевской ночи и в последующие недели во Франции было убито более 30 тыс. человек и около 200 тыс. вынуждены бежать из страны. Продолжая сравнения, отметим, что в правление испанского короля Филиппа II (1556–1598) его вышедшие из-под контроля войска в 1576 году разгромили Антверпен (было убито около 7 тыс. жителей), который после этого утратил роль крупнейшего в Европе центра торговых и финансовых операций, в одной только Испании тысячи человек стали жертвами инквизиции, а в Нидерландах не-

сколько тысяч были казнены только в период террора герцога Альбы (1567–1573). Для полноты сравнения Филиппа II и Ивана IV Грозного можно упомянуть, что в 1568 году в Испании богобоязненный католический монарх лично арестовал родного сына и наследника Дона Карлоса, который вскоре умер в заключении при невыясненных обстоятельствах — за 13 лет до того, как в России после ссоры с отцом быстро скончался наследник русского престола царевич Иван Иванович. Можно сравнить и личную жизнь Ивана IV и английского короля Генриха VIII: шесть жён у первого, причем двоих насильно постригли в монахини, и шесть у второго, двум из которых отрубили головы.

Период смут, гражданских и религиозных войн в Европе, начавшийся в середине XVI века, продолжался почти сто лет. Религиозные войны на протяжении более чем 35 лет разоряли Францию. Через 20 лет после смерти Ивана Грозного оправившаяся после опричнины Россия в 1603–1618 годах пережила Смутное время, в ходе которого значительная часть населения страны была вовлечена в братоубийственную разрушительную борьбу различных претендентов за власть, что лишь усугублялось иноземным вмешательством. По случайному (или неслучайному) совпадению в год окончания в России Смутного времени начинается Тридцатилетняя война (1618–1648) в Центральной Европе, охватившая германские земли. Из локального конфликта на чешской

периферии империи Габсбургов неожиданно разгорелся небывалый 30-летний пожар, словно перекинувшийся из Франции, Нидерландов и России в центр Европы. В результате военных действий, разорения и голода Германия потеряла за этот период от 25 до 40%

Среди устоявшихся мифов об исключительности событий времён царствования Ивана Грозного и Смутного времени. Однако если посмотреть на эти периоды в рамках истории всей Европы, то беспрецедентные, потрясшие современников события в России оказываются частью общеевропейских процессов с множеством удивительных аналогий.

населения в разных землях. Дальше «волна нестабильности» переходит в Англию, где в 1642 году начинается гражданская война, приведшая к десяткам тысяч жертв и завершившаяся в 1651 году. Следующий этап этого пожара — восстание Богдана Хмельницкого, начавшееся в 1648 году (снова случайное совпадение с годом окончания 30-летней войны!), приведшее, среди прочего, к «Руине» — полному запустению Правобережья Днепра, которое пришлось заселять заново более ста

Сигизмунд II Август (соправитель Сигизмунда I в 1529 – 1548 гг.) 1548 – 1572				Генрих Валуа 1573 – 75	Стефан Баторий 1576 – 1586						
Генрих II 1547 – 1559		Франциск II 1559 – 1560		Карл IX 1560 – 1574		Генрих III 1574 – 1589					
Густав I Ваза 1521 – 1560 (король с 1523 г.)			Эрик XIV 1560 – 1568		Юхан III 1568 – 1592					Сигизмунд 1592 – 1599	
Карл V 1519 – 1556		Фердинанд I 1556 – 1564		Максимилиан II 1564 – 1576			Рудольф II 1576 – 1612				
		Мария I 1553 – 1558		Елизавета I 1558 – 1603							

1560

1570

1580

1590

ЮРИКОВИЧИ

1550-е

Появление первых приказов
(центральных учреждений).
Земская и налоговая реформы

Опричнина

Иван IV Грозный

1584

1557

Фёдор Иванович 1598

1551

1551

Стоглавый церковный собор

1589 Фёдор Борисович

?

1553

Василий Шуйский

Первая русская печатная
книга «Апостол» Ивана
Фёдорова

1564

1581 – 1585

Опричнина

1565 – 1572

Особый режим управления
страной, разделённой
на две части –
опричнина и земщина.
Ликвидация крупных родовых
владений княжеско-боярской
знати

Походы Ермака

Начало присоединения Сибири к России

Присоединение земель

1552 Казанское ханство
1556 Астраханское ханство
1557 Большая Ногайская
Орда
1557 Кабарда
1582 Сибирское ханство

Фёдор Иванович
(1557 – 1598)

Царь и государь
всёя Руси и
великий князь
владимирский и
московский
1584 – 1598

Последний русский царь из династии
Рюриковичей; фактическим правителем страны
при нём был Борис Годунов

Жена (1575 – 1584): Ирина Фёдоровна Годунова
(ок. 1557 – 1603) – сестра Бориса Фёдоровича
Годунова

Дочь: Феодосия (1592 – 1592 или 1594)

1589

Учреждение
патриаршества

Присоединение земель

1594 Кодское,
Обдорское и
Пелымское
княжества
Сибири

1591

Гибель царевича
Дмитрия в Угличе.
Кризис
престолонаследия

1590 – 1593

Русско-шведская
война

1552

Взятие
Казани

1549 – 1556

Присоединение
Казанского
ханства
к России

1555 – 1559

Война
с Крымским
ханством
и Турцией

1558 – 1583

Ливонская война

Сигизмунд III 1587 – 1632

Владислав IV 1632 – 1648

Генрих IV 1589 – 1610

Людовик XIII 1610 – 1643

Людовик XIV
1643 – 1715герцог Карл 1599 – 1611
с 1604 – король Карл IX

Густав II Адольф 1611 – 1632

Кристина 1632 – 1654

Маттис
1612 – 1618

Фердинанд II 1618 – 1637

Фердинанд III
1637 – 1657

Яков I 1603 – 1625

Карл I 1625 – 1649

1600

1610

1620

1630

1640

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Борис Фёдорович Годунов (1551 – 1605)
Царь и государь всея Руси и великий князь владимирский и московский
1598 – 1605

Жена (1570 – 1605):
Мария Григорьевна Скуратова-Бельская († 1605), дочь Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского (Малюты)

Дети:
Ксения (1582 – 1622)
Фёдор (1589 – 1605)

Борис Годунов 1605

Годунов

Лжедмитрий I 1606

1596

Лжедмитрий I (Григорий Отрепьев) (? – 1606)

Под именем Дмитрия Ивановича правил с титулом «царь и государь всея Руси и великий князь владимирский и московский»

1605 – 1606

Самозванец, выдававший себя за чудом спасшегося младшего сына Ивана IV Грозного – царевича Дмитрия Ивановича. Согласно наиболее распространённой версии, подлинное имя самозванца – Юрий (в иночестве – Григорий) Отрепьев. Беглый монах Чудова монастыря. После воцарения пытался проводить самостоятельную политику. В то же время окружил себя советниками из поляков, что вызвало возмущение многих бояр. Убит в результате дворцового заговора 17 мая 1606 г.

Семибоярщина (1610 – 1612)

При формальном царствовании польского королевича Владислава

князья: бояре:
И. М. Воротынский И. Н. Романов
А. В. Голицын Ф. И. Шереметев
Б. М. Лыков
Ф. И. Мстиславский
А. В. Трубецкой

Василий IV Шуйский (1553 – 1612)

Царь и государь всея Руси и великий князь владимирский и московский
1606 – 1610

Избран царём на Земском соборе после убийства Лжедмитрия I. Подавил восстание Ивана Болотникова, упорно сражался со сторонниками самозванца Лжедмитрия II («тушинского вора»). После поражения русской армии от польских войск в 1610 г. свергнут с престола и пострижен в монахи. Умер в польском плену

1612

Окончание Смутного времени

Освобождение Москвы вторым земским ополчением Минина и Пожарского

1613

Избрание на российский трон династии Романовых

Земский собор избрал Михаила Фёдоровича Романова «великим государем, царём и великим князем всея Руси»

РОМАНОВЫ

Михаил Фёдорович Романов (1596 – 1645)

Великий государь, царь и великий князь всея России самодержец
1613 – 1645

1-я жена (1624 – 1625):
княжна Мария Владимировна Долгорукова († 1625)
2-я жена (1626 – 1645):
Евдокия Лукьяновна Стрешнева (1608 – 1645)

Дети:

- Ирина (1627 – 1679)
- Пелагея (1628 – 1629)
- Алексей (1629 – 1676)**
- Анна (1630 – 1692)
- Марфа (1631 – 1632)
- Иван (1633 – 1639)
- Софья (1634 – 1636)
- Татьяна (1636 – 1706)
- Евдокия († 1637)
- Василий († 1639)

Первый русский царь из династии Романовых; избран на царство Земским собором. Только после смерти отца – патриарха Филарета (1633) стал править самостоятельно. Правительству царя Михаила удалось восстановить государственный аппарат, заключить мир с Польшей и Швецией. В его правление Россия восстановилась после Смутного времени и продолжила своё развитие

Михаил Фёдорович

1645

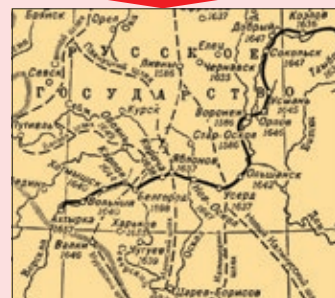
1629

1630 – 1633

Реорганизация армии. Создание первых полков «нового строя»

1635 – 1637

Возобновление строительства крепостей Тамбов, Козлов и Яблонов для защиты южных границ от набегов крымских татар и ногайцев

1632

Основание первого железоделательного завода под Тулой

Присоединение земель

1632 Якутия
1634 Серпейский край

1604 – 1613

Гражданская война и интервенция в эпоху Смуты

1609 – 1618

Русско-польская война

1610 – 1617

Русско-шведская война

1632 – 1634

Русско-польская (Смоленская) война

лет, и не только русскими и поляками, но даже хорватами. Последний акт этой столетней европейской трагедии — «Шведский потоп» 1655–1660 годов, обрушившийся на благополучную Польшу. Вторжение шведской армии во внутренние области Польши в 1655 году по своим разрушительным последствиям стало для Речи Посполитой настоящей катастрофой: потери населения, по разным оценкам, составили от 30 до 50%, экономика обширной страны уменьшилась почти в два раза. Только 10% жителей Варшавы пережили шведское нашествие, столица Речи Посполитой была практически полностью разрушена. Польско-литовскому государству так и не удалось оправиться от этого урона, что предопределило его дальнейший упадок. Важно отметить, что эти трагические события также носили характер гражданской войны, поскольку значительная часть польско-литовских магнатов и шляхты после начала военных действий перешла на сторону шведского короля.

Таким образом, мы видим, что за это столетие «волна нестабильности» прокатилась по всем ключевым державам Европы — начавшись во Франции и России, она захлестнула Нидерланды и Испанию, перекинулась на Германию, потом затопила Англию, территорию нынешних Украины и Белоруссии и Польшу. В отличие от предшествовавших этому процессу феодальных усобиц и более поздних столкновений регулярных европейских армий на полях сражений, в гражданские и религиозные войны середины XVI — середины XVII века были напрямую вовлечены не только элиты, но и широкие массы населения — как городского, так и сельского. Их активное участие на стороне того или иного политического лагеря придавало военно-политическим конфликтам столь разрушительный и длительный характер.

Такой детальный экскурс в историю Европы 1560–1660 годов убедительно показывает, что и опричнина, и Смута в России являлись частью общеевропейского процесса, а не необъяснимыми особенностями «русского менталитета».

В этой связи перед историками встаёт вопрос: по каким причинам в середине XVI века в европейских странах (и в России в том числе) сложились условия, при которых жестокость правителей, направленная на собствен-

ных поданных и сограждан, не только была реализуема, но стала поощряться самой социальной средой. И в этом аспекте трагические события опричнины времен Ивана Грозного не выбиваются из общего контекста — в сравнении с репрессиями Марии Кровавой в Англии в 1554–1558 годах (где сжигали даже епископов!), зверствами Варфоломеевской ночи и религиозных войн во Франции с десятками тысяч убитых, массовыми казнями протестантов в Нидерландах испанцами, казнями Эрика XIV в Швеции, инквизицией и массовым сжиганием «ведьм» по всей Западной Европе (десятки тысяч жертв), изгнанием морисков из Испании (погибли десятки тысяч, а всего было выселено 4% населения страны), разорением Магдебурга в Германии немецкими же войсками в 1631 году (из 30 тыс. жителей уцелело менее 5 тыс.), а также с ужасами восстания Богдана Хмельницкого и «Шведского потопа» в ранее благополучной и толерантной Речи Посполитой (даже в Польше опустели целые области).

Дело не в том, что репрессии Ивана Грозного оправдываются злодеяниями в других странах, — в христианской этике каждый отвечает за свои личные грехи. Вопрос в том, почему неожиданно стали возможными разорение Новгорода, Антверпена и Магдебурга, Варфоломеевская ночь, массовые казни в Нидерландах и в Англии, охота на ведьм, инквизиция, опричнина и прочие ужасы этого времени. До середины XVI века кровопролития подобного масштаба в Европе были связаны с внешними конфликтами, но никак не с внутренними. То есть, очевидно, события времен Ивана Грозного в России происходят в период некоего общеевропейского не очень понятного процесса борьбы правителей разных государств с реальными и мнимыми заговорами и изменами.

Можно предположить, что стремительные изменения во всех сферах жизни, происходившие с середины XV столетия во всей Европе, связанные с формированием системы государств Нового времени, привели к накоплению внутренних напряжений в европейских социумах до уровня, который вызвал массовое вовлечение самых разных слоёв населения в вооружённые гражданские конфликты. Такова была «цена» перехода от системы словных монархий с «распределённым суве-

ренитетом» к централизованным абсолютистским монархиям, выстроившим вертикальные системы управления с максимальной концентрацией суверенитета в руках монарха. Этот переход к абсолютизму в целом ряде европейских стран произошёл как раз после периода смут, гражданских и религиозных войн.

В России переход к абсолютизму завершился при Алексее Михайловиче после 1654 года — с падением роли земских соборов, последний из которых был созван в 1683 году. Опять же, аналогичный переход к дворянскому абсолютизму происходил почти одновременно в большей части Европы: во Франции при Людовике XIV (1661), в Пруссии (1653), в Дании (1665), в Швеции (1680). «Исключением из правила» стала Англия, где попытки Стюартов утвердить абсолютизм провалились и привели в 1688–1689 годах к возникновению парламентской монархии.

Таким образом, скорее всего, и опричнина, и Смута в России были платой, которую пришлось понести за прохождение через период общеевропейской смуты, захлестнувшей все крупные державы Европы. Россия, преодолев этот трагический период своей истории, смогла в первой четверти XVIII века прочно утвердиться в качестве великой державы и постоянного участника альянсов и противостояний в европейской «Большой игре».

Но все это не даёт ответа на другой вопрос — а почему в отечественной общественной памяти столь разнятся образы Ивана IV и Петра I? Иван Грозный — кровавый тиран, Пётр I — великий преобразователь. При этом, если посмотреть внимательно на их биографии как правителей государств, какие-либо отличия, не связанные с изменениями образа жизни за 150 лет, найти сложно. Оба были и тиранами, и реформаторами, оба активно приглашали европейцев на службу, оба вели как успешные, так и неудачные войны, при обоих территория России значительно выросла. С точки зрения массовых казней и расправ отличий тоже нет. С моральной точки зрения Иван Васильевич выглядит даже чуть-чуть лучше Петра Алексеевича — он, по крайней мере, иногда раскаивался в содеянном и если и причастен к смерти сына, то точно неумышленно. Пётр же никогда не выражал ни малейшего сожаления по поводу погубленных им

людей, своего сына, царевича Алексея, приговорил к пыткам и смерти. Да и в целом казнил не меньше людей, чем Иван Грозный. Тем не менее в глазах либералов и «прогрессистов» Иван Грозный — исчадие ада, а Пётр — великий реформатор.

Вопрос в том, почему неожиданно стали возможными разорение Новгорода, Антверпена и Магдебурга, Варфоломеевская ночь, массовые казни в Нидерландах и в Англии, охота на ведьм, инквизиция, опричнина и прочие ужасы этого времени.

И дело не столько в том, что один — из Рюриковичей, угасшей династии, а другой — из императорской фамилии Романовых, правивших в период расцвета русской литературы и истории. Гораздо важнее, кажется, другое:

- среди жертв Ивана было много представителей элиты, включая высшую знать, в то время как жертвы Петра — представители средних и нижних сословий;
- Пётр обеспечил расширение контактов России с Западом, Иван Грозный же — напротив, присоединив к России всё Поволжье от Казани до Астрахани, обеспечил России одну из ключевых ролей на Востоке, а на Западе из-за Ливонской войны подвергся одной из первых в истории PR-атак.

Это, наверное, похоже и на более близкую к нам ситуацию с Лениным и Сталиным. При том что Иосиф Виссарионович продолжал (в том числе в области репрессий) политику Владимира Ильича, в общественной памяти тираном оказался именно Сталин, а Ленин — «добрым дедушкой», чьи заветы были грубо извращены. Бросается в глаза, что различия между Лениным и Сталиным в массовом сознании очень напоминают различия между Петром Первым и Иваном Грозным. И они также вызваны тем, что при Сталине, как в своё время при Иване Грозном, под репрессии попали представители высших слоёв общества. Ну и, конечно, Ленин в исторической памяти представляется «западным» политиком в противовес «азиатскому» Сталину. ●

Сетевые сообщества как новая форма социальности

О. М. Голыщенко,
президент Ассоциации граждан и организаций
по содействию развитию корпоративного
образования «МАКО»

От редакции

Теория гиперболического роста населения Земли (эта гипотеза в XX веке даже самыми продвинутыми мыслителями рассматривалась как открытие) — практически установленный эмпирически закон, для описания которого математиком и одним из создателей кибернетики Хайнцем фон Фёрстером было выведено уравнение, демонстрирующее связь плотности населения и его массы. В 1960 году в журнале *Science* он опубликовал статью «Судный день. Пятница 13 ноября 2026 года». По его расчётам получалось, что если население продолжит расти так, как это происходило последние две тысячи лет, то есть гиперболическим образом, то (по выведенной им формуле) в этот день — 13 ноября 2026 года — оно станет бесконечным.

В более поздних работах С. П. Капицы и его расчётных формулах «конец света» приходится на 2025 год. При этом он обратил внимание, что гиперболический закон для развитых стран Европы и Северной Америки перестал действовать в 60–70-х годах XIX века. Вслед за Капицей в работах конца XX века С. П. Курдюмов предположил, что в 2025 году произойдёт демографический переход, что и будет точкой бифуркации. И ключевую роль в последующих событиях сыграет, по Курдюмову, топологически правильная организация структур в единую эволюционирующую. Целое развивается быстрее составляющих его частей.

Чтобы обеспечить устойчивый коэволюционный процесс сложных структур, чтобы

строить сложное эволюционное целое, надо производить отбор, подгонять части друг к другу, согласовывать их темп развития, совершать итерации.

И Капица, и Курдюмов увидели в вопросе расчёта «плотности» ещё один фактор, чем просто «масса», населяющая планету, но этот фактор не так отчётливо виден в статистике. Возможно, реально работающим фактором, на который оба обратили внимание, является способ организации взаимодействия людей и выстраиваемые в этом взаимодействии традиции, определяющие сценарии жизни и установки, также обеспечивающие закрепление, трансляцию и присвоение оных.

Речь может идти о взаимодействии больших социальных групп между собой. Надо не только таргетировать ход процесса сборки, но и выявлять разные варианты построения этого целого на базе сетевых сообществ, объединяющихся вокруг нескольких десятков традиционных ценностей русского мира и их приоритетов с возможными сочетаниями. Культурному развитию нашей русской цивилизации необходима коэволюция сетевых структур.

Развитие нашего понимания об обществе и законах его существования приходит иногда к совершенно неожиданным пересмотрам давно устоявшихся представлений о правильном и его эволюции. Иногда оказывается, что под маской эволюции скрывается один из не проявленных и неотфиксированных факторов, который как раз и переворачивает с головы на ноги (или наоборот) всю картину мира. Из таких факторов сейчас всё более заметным становится фактор формирования устойчивых и внеинституциональных систем организации взаимодействия. Условно его можно отнести к сетевым принципам взаимодействия. Это, безусловно, новое прочтение законов общественного развития. И это,

безусловно, вызов, требующий более сложного аппарата анализа, чем традиционные вертикальные, функциональные (институциональные), процессные и даже ценностные модели описания общественной управленческой политической реальности. Это выход в другую плоскость «бритвы Оккама», когда сложностью инструмента решения определяется сложностью решаемой задачи. Впрочем, о том, что задача понимания общественного не просто актуальнейшая, но и наисложнейшая, сегодня не будет спорить никто. Поэтому и предлагаем исследования по её новым формам.

В современном обществе, переживающем кризис традиционных институтов, на первый план выходит феномен сообществ как принципиально новая форма социальной организации. В отличие от формализованных структур, сообщества основаны на добровольной сетевой координации, объединённой общей системой ценностей. Данная статья анализирует природу современных сообществ и сетевых форм взаимодействия, их ценностный фундамент, механизмы трансляции идентичности и их возрастающую роль в создании значимого социального эффекта, недостижимого для иерархических и рыночных систем.

От декларации к реализации социальности

Классическая социальная теория долгое время описывала общество через призму жёстких структур: государственных институтов, политических партий, корпораций, сословий. Эти формы, безусловно, сохраняют своё значение, однако всё чаще демонстрируют ригидность и неспособность оперативно реагировать на вызовы времени, а также удовлетворять глубинные потребности человека в принадлежности, идентичности и соучастии.

Ответом на этот запрос стали сетевые сообщества. Важно подчеркнуть, что речь идёт не о цифровых платформах или социальных сетях как таковых. Соцсети — это инфраструктура, технологический каркас определённой части сообществ. Сетевое сообщество же — это форма социальности, основанная на добровольной, децентрализованной, горизон-

тальной, сетевой координации для достижения общих целей, фундаментом которых всегда являются разделяемые ценности.

Многие исследователи современной «сетевой науки» в большинстве случаев определяют сети как любые системы из элементов (вершин, или узлов) со связями между ними, которые обозначаются как ребра (дуги). Данное широкое определение принимается многими учёными во всём мире.

Понятие «сеть» не ново, оно применялось в гуманитарных науках для описания отношений между индивидами и группами в социуме примерно с начала XX века. Георг Зиммель, основатель «формальной школы» в социальных науках, использовал понятие «социальная сеть» в своих работах. Антрополог А. Р. Рэдклифф-Браун писал, что «человеческие индивиды соединены сложной сетью социальных отношений». Понятие «сетевые структуры» в такой интерпретации применялось к разнообразным типам систем. Оно достаточно популярно в социологии, социальной психологии и ряде других научных областей, включая активно развивающуюся в настоящее время «сетевую науку» (network science).

В обществе можно привести многочисленные примеры сетевых структур: семья, где члены семьи служат точками или узлами сети, а соединяющими линиями или рёбрами — их взаимоотношения; любая организация, рассмотренная с точки зрения взаимосвязей (рёбер сети) между её работниками или их группами (узлами сети); несколько предприятий, связанных между собой контрактными отношениями; социальное движение, объединённое некоторой идеей, а также многое другое.

Необходимо отметить, что идеологи сетевого движения в политической сфере, в частности сторонники антиглобализма и «альтернативного глобализма», организовавшие на рубеже XXI века эффективные акции протеста против Международного валютного фонда и Всемирного банка, приводят свои сетевые структуры в соответствие с «экологикой, биологией, глубинной логикой жизни». Они сравнивают политические сетевые структуры с нейронными сетями и ещё в большей степени со структурами насекомых, особенно муравьёв.

Ценности как узел сети. Архитектура современного сообщества

В отличие от анонимных и часто атомизированных цифровых пространств, устойчивые сетевые сообщества базируются на фундаменте общих ценностей — будь то взаимопомощь, профессиональная солидарность, гражданская ответственность или культурная идентичность. Именно эти разделяемые ценности выступают основным «социальным клеем», который превращает разрозненную группу пользователей в сплочённое сообщество. Через постоянные горизонтальные коммуникации, совместную деятельность и вы-

работку общих норм внутри таких структур формируется и укрепляется капитал доверия — как между участниками (межличностное доверие), так и к самому сообществу как к институту. Этот процесс является ключевым для преодоления социальной разобщённости и содействия консолидации общества. Именно ценность (экологическая сознательность, профессиональная экспертиза, взаимопомощь, идея развития территории) выступает тем центром кристаллизации, вокруг которого формируется социальная материя.

Сетевая структура сообществ, в том числе с точки зрения формирования и передачи ценностей, устроена следующим образом: существуют ключевые сетевые узлы — наиболее активные и влиятельные участники (лидеры мнений, эксперты, модераторы), которые берут на себя роль трансляторов ценностей. Они формулируют и озвучивают ответы на ключевые вопросы: «Кто мы?», «Зачем мы здесь?», «Какие правила и принципы мы разделяем?» Далее благодаря сетевому эффекту ценности тиражируются, адаптируются и усваиваются другими участниками. Каждый новый член, принимая правила сообщества, сам становится микроузлом, ретранслятором этих установок. Таким образом, сообщество работает как живой, самообучающийся организм, где идентичность и нормы не спускают-

ся сверху, а вырабатываются и постоянно подтверждаются коллективной практикой. Это обеспечивает невероятную устойчивость и вовлечённость, сравнимую с которой не могут предложить традиционные иерархические структуры.

Рост сетевых сообществ как инструмента гражданской самоорганизации коренится не только в технологической доступности, но и в глубоком ценностном сдвиге. Эти сообщества становятся новыми социальными лабораториями, где формируются, тестируются и воплощаются альтернативные системы ценностей, основанные на принципиально иных, по сравнению с традиционными институтами, механизмах генерации доверия и социальной консолидации. Именно эта ценностная основа является их главной силой и одновременно источником ключевых проблем и противоречий.

В традиционном обществе доверие к институтам (государству, финансовым институтам, СМИ) основано на их формальном статусе, легальности, истории и иерархии. В сетевых сообществах доверие конструируется заново и постоянно подтверждается через конкретные действия. Это создаёт новую, «перформативную» модель доверия.

В горизонтальной сети нет формальных званий, а авторитет и доверие зарабатываются через экспертные комментарии, полезные действия, успешную организацию процессов, выполнение взятых на себя обязательств. Однако подобная система требует постоянной демонстрации компетентности и порядочности. Одна серьёзная ошибка или акт недобросовестности могут мгновенно разрушить годами выстраиваемую репутацию, что создаёт высокую психологическую нагрузку на участников.

Внутри успешных сообществ действует принцип максимальной открытости: открыты обсуждения, отчёты о расходовании средств (если они собираются), процесс принятия решений. Доверие возникает из возможности в любой момент проверить действия любого участника. Члены сообщества зачастую консолидируются не вокруг абстрактных лозунгов или принадлежности к большой группе (нация, класс), а вокруг решения конкретной практической задачи — совместный труд и

достижение измеримых результатов создаёт прочные связи. Для ряда сообществ практики такая консолидация может оказаться ситуативной и непрочной, так как после решения конкретной проблемы сообщество может быстро распасться, не оставив после себя устойчивой структуры. Доверие к проекту не всегда трансформируется в доверие к людям в долгосрочной перспективе.

Сетевые сообщества часто формируются вокруг чёткого набора разделяемых ценностей, которые являются более важным скрепляющим элементом, чем формальные правила. Отказ от жёсткой вертикали власти — это не просто организационный принцип, а ключевая ценность, основанная на идеалах равенства, свободы самовыражения и уважения к каждому голосу.

Влияние в сообществе определяется личным вкладом и экспертизой, а не связями, богатством или формальным статусом в «офлайне». При этом подобный меритократический принцип построения сообществ, по мнению ряда специалистов, может перерасти в диктатуру самых активных или «тиранию структу-

В традиционном обществе доверие к институтам (государству, финансовым институтам, СМИ) основано на их формальном статусе, легальности, истории и иерархии. В сетевых сообществах доверие конструируется заново и постоянно подтверждается через конкретные действия. Это создаёт новую, «перформативную» модель доверия.

ры без лидеров», где решения принимает узкий круг наиболее вовлечённых, а остальные играют пассивную роль, что воспроизводит новую форму исключения.

В основе многих сообществ (особенно помогающих, профессиональных, активистских) лежит принцип «мы вместе» или «мы делаем это вместе», что порождает сильное чувство принадлежности, сопричастности и взаимной поддержки. Исследователи выделяют вытекающую из этого проблему партикулярного характера такого рода солидар-

ности: она распространяется только на «своих», членов сообщества, и может сочетаться с настороженностью к «чужим» (официальным структурам, несогласным, другим сообществам), что может вести к усилению социальной фрагментации и формированию так называемых эхо-камер.

По мнению исследователей, сеть в большей мере, чем бюрократическая система, даёт человеку почувствовать себя социально защищённым членом некой целостной структуры. Люди в сетях стремятся к неформальному многоаспектному общению друг с другом с перспективой «жить в сети», а не только работать в ней или решать ту или иную задачу. Сети в большей мере, чем иерархии, структурно предрасположены к предоставлению своим членам не только ресурсов, но и

Ценностная консолидация очень уязвима, что приводит к проблеме устойчивости сетевых сообществ. Внутренние конфликты, выгорание ключевых участников и лидеров сообществ, смена общей повестки могут быстро разрушить хрупкую систему неформального доверия. Сообщество держится на энтузиазме и личной вовлечённости, а это исчерпаемые ресурсы.

эмоциональной поддержки, формируя у членов особую «сетевую идентичность», связанную с принятием основополагающих целей, норм поведения, особых этических правил и др. Даже возникая по конкретному деловому поводу, организации сетевого типа склонны эволюционировать в направлении квазиобщинных структур. Важно отметить, что даже виртуальные сети, приобретая устойчивый и долговременный характер, поражают доверительностью, открытостью, многоаспектностью контактов.

Среди ключевых проблем и противоречий ценностного базиса сетевых сообществ можно выделить следующие. Во-первых, есть основания говорить о проблеме масштабируемости доверия. Механизмы доверия, работающие в малой группе (десятки, сотни чело-

век), крайне сложно масштабировать на тысячи и десятки тысяч участников. Сообщество рискует либо распасться на кланы, либо бюрократизироваться, воспроизводя те самые формальные институты, от которых оно стремилось уйти.

Ценностная консолидация очень уязвима, что приводит к проблеме устойчивости сетевых сообществ. Внутренние конфликты, выгорание ключевых участников и лидеров сообществ, смена общей повестки могут быстро разрушить хрупкую систему неформального доверия. Сообщество держится на энтузиазме и личной вовлечённости, а это исчерпаемые ресурсы.

Нельзя не отметить проблему перевода ценностей во внешний мир, за пределы сообщества. Ценности и модели доверия, выработанные внутри сообщества, часто непонятны и не признаются внешними «традиционными» акторами (государством, крупным бизнесом). Как доказать банку свою кредитоспособность, имея лишь репутацию внутри сетевого сообщества? Как вести переговоры с государственными органами, не имея официального статуса? Возникает разрыв между внутренней легитимностью (признанием внутри сети) и внешней легитимностью (признанием со стороны общества и его институтов).

Таким образом, можно говорить о том, что сетевые сообщества становятся мощными платформами для формирования нового типа социальности, основанного на ценностях горизонтальности, прозрачности, меритократии и практической солидарности. Однако их сила одновременно является их ахиллесовой пятой: эти же ценности порождают фундаментальные проблемы с устойчивостью, масштабируемостью и интеграцией в более широкий социальный контекст. Понимание этой ценностной проблематики является ключом к анализу их потенциала и ограничений как инструментов гражданской самоорганизации.

Применение же сетевых принципов в деятельности общественных объединений отражает общую тенденцию внедрения сетевых практик в различные сферы и во многом обуславливается их внутренней динамикой, готовностью к апробации новых организационных и управленческих схем для достижения стоящих целей, позволяет расширить степень

участия общественных институтов в процессе выработки и принятия решений по общественно значимым вопросам.

Истинная значимость феномена сетевых сообществ раскрывается в том социальном эффекте, который сообщества генерируют. Именно здесь проявляется их уникальность и незаменимость. Сообщества отвечают на запрос атомизированного общества, создавая новые связи — не родственные и не административные, а ценностно-избирательные. Они сплетают ту самую «социальную ткань», которая является основой гражданского общества, доверия и взаимной поддержки. В отличие от бюрократических систем, сообщества способны на чрезвычайно быструю мобилизацию ресурсов — интеллектуальных, временных, материальных. Запуск благотворительного сбора, организация субботника, коллективное обращение к властям — всё это происходит в разы оперативнее благодаря сетевой логике, где каждый действует на своём уровне, без ожидания команды «сверху». Государственные институты часто работают по принципу «усреднённого подхода». Сообщества же, особенно профессиональные или проблемно-ориентированные (например, родительские), создают крайне адресные и точные решения. Они аккумулируют экспертизу и опыт, которые невозможно формализовать и упаковать в универсальную госуслугу. Многие значимые общественные движения и НКО вырастают именно из небольших инициативных групп. Сообщество является для них идеаль-

ной питательной средой — безопасным пространством для апробации идей, поиска единомышленников и получения обратной связи.

В мире бизнеса сетевые структуры могут функционировать по крайней мере на трёх различных уровнях: они могут быть составлены из целых предприятий как узлов или же из частей (отделов, департаментов) одного предприятия; малые коммерческие сетевые предприятия (например, кооперативы), обычно прямо составленные из индивидуальных бизнесменов или их небольших групп. Развитие стратегических альянсов между организациями ведёт к формированию системы «распределённого интеллекта» на межорганизационном уровне, где хранится информация и ноу-хау, которым не владеет в полной мере ни одна из этих организаций. Используя коллективно сохраняемую информацию, стратегический альянс может обучаться/тренироваться как единое целое, адаптируясь к изменчивым, динамичным внешним условиям. Можно провести системную аналогию между организационной структурой межфирменных сетей и таковой нейронных сетей, где обучение и тренировка также происходят на уровне целых сетей из нервных клеток или их искусственных аналогов.

Следует отметить, что любая организация, в том числе коммерческое предприятие, может комбинировать сетевую организацию и иерархическую, особенно если последняя смягчена и включает немного уровней (от гендиректора до рядового служащего).

Сетевые взаимодействия даже в комбинированных, смешанных формах с иерархическими и рыночными/квазирыночными структурами помогают преодолевать социальное отчуждение, апатию и дезинтеграцию, зачастую становятся единственным способом обнаруживать и адресно решать многие локальные проблемы, находить неочевидные ресурсы.

Сетевые сообщества в России: от диагностики социальных эффектов к целеполаганию в рамках стратегии консолидации

В современной социальной архитектуре, характеризующейся усложнением коммуникативных связей и ростом значения горизонтальных взаимодействий, феномен сетевых сообществ перестал быть периферийным элементом. Он трансформировался в ключевую форму социальности, определяющую новые механизмы самоорганизации, формирования идентичности и выработки коллективных ценностей. В данном контексте актуальной задачей государственной и экспертной политики становится не просто констатация данного феномена, но его глубокая концептуализация и интеграция в стратегию общественного развития. На текущем этапе эта работа находит своё концентрированное выражение в деятельности Координационного совета при Общественной палате Российской Федерации по сетевым сообществам, где, в частности, ведётся подготовка специального доклада по данной тематике.

Экспертиза как основа для концептуализации: систематизация накопленного опыта

Инициатива по подготовке специального доклада на тему «Сетевые сообщества в России: ценностно-ориентированные социальные технологии самоорганизации, консолидации и доверия» представляет собой первостепенный и своевременный шаг. Его значимость заключается в переходе от эмпирического наблюдения за множеством разрозненных кейсов к созданию единой аналитической рамки. Эта рамка позволит:

- классифицировать сообщества не только по тематическому или платформенному признаку, но и по их социальным функциям, ценностному ядру и потенциалу воздействия на общественные процессы;
- выявить универсальные социальные технологии, которые обеспечивают эффективность сообществ, — механизмы модерации, модели принятия решений, инструменты поддержания солидарности и разрешения внутренних конфликтов;
- сформировать понятийный аппарат, обеспечивающий взаимопонимание между экспертами, государственными структурами и самими сообществами.

Диагностика наличия социальных эффектов: что мы фиксируем уже сегодня

Чёткое понимание целей работы с сетевыми сообществами невозможно без объективной диагностики их текущего воздействия на социальную ткань. Уже сегодня можно фиксировать ряд значимых позитивных эффектов.

Эффект доверия. Внутри успешных сообществ формируется высокий уровень социального капитала, основанный на репутационных механизмах и общей системе ценностей. Это «микродоверие», возникающее между участниками, может экстраполироваться на более широкий социальный контекст, снижая общий уровень общественного разобщения.

Эффект консолидации. Сообщества выступают платформами для объединения граждан вокруг конкретных интересов, проблем или ценностей (профессиональных, культурных, волонтерских, гражданско-патриотических). Они создают «каркас связности» в условиях фрагментированного информационного пространства.

Эффект социализации и идентичности. Для значительного числа людей, особенно молодого поколения, сообщества становятся важнейшим агентом социализации, предлагая новые формы принадлежности и идентичности, дополняющие или частично замещающие традиционные (семейные, профессиональные).

Эффект гражданской мобилизации. Сетевые сообщества доказали свою эффективность как инструмент быстрой координации для решения конкретных задач: организация волонёрской помощи, краудсорсинг инициатив, коллективное экспертное обсуждение общественно значимых проблем.

Опираясь на диагностику текущих эффектов, стратегическая работа должна быть направлена на проектирование и достижение целевых результатов. Ключевой вопрос заключается в том, как не просто наблюдать, а целенаправленно культивировать позитивный потенциал сетевых сообществ. В перспективе видится целесообразным запланировать разработку и внедрение моделей государственно-частного партнёрства, направленных на поддержку и интеграцию ценностно-ориентированных сообществ, работающих в интересах общественного блага; создание инфраструктурных решений (правовых, информационных, образовательных), облегчающих легитимную самоорганизацию граждан и снижающих транзакционные издержки создания новых сообществ; формирование системы подготовки кадров (управления сообществами), владеющих технологиями модерации, коммуникации и проектной деятельности в сетевой среде; запуск пилотных проектов, демонстрирующих синергию между инициативами сетевых сообществ и национальными проектами в сфере образования, культуры, социального развития и цифровой трансформации.

Таким образом, комплексное видение роли сетевых сообществ как драйвера консолидации и формирования доверия требует последовательного движения по трёхуровневой траектории: 1) экспертная концептуализация и обобщение практик; 2) объективная диагностика возникающих социальных эффектов; 3) стратегическое целеполагание и проектирование желаемых результатов. Реализация этой траектории, инициированная в рамках подготовки специального доклада, позволит перейти от пассивного наблюдения за стихийным развитием новой формы социальности к активному и осмысленному партнёрству государства и сетевых сообществ в интересах укрепления общественного единства и устойчивого развития страны.

Для исследования ключевых характеристик сетевых сообществ был проведён опрос и интервью среди представителей ключевых сетевых сообществ России, которые в течение последних трёх лет активно развивались в тесном деятельностном партнёрстве с Координационным советом Общественной палаты по сетевым сообществам. Выбранные для анализа сообщества представляют собой ядро крупнейших и наиболее устойчивых сетевых инициатив в России. Они охватывают разные аудитории — от школьников и студентов до молодых специалистов и опытных экспертов, включают в себя тысячи людей с определённой идентичностью, целями, ценностным взглядом. Кроме того, эти сообщества не

В современной социальной архитектуре, характеризующейся усложнением коммуникативных связей и ростом значения горизонтальных взаимодействий, феномен сетевых сообществ перестал быть периферийным элементом.

являются временными инициативами. У них сформирована устойчивая культура, институциональные механизмы и правила. Многие из них существуют годами, имеют закреплённые процедуры отбора участников, кодексы поведения и механизмы медиации. Это отличает их от множества менее устойчивых или спонтанных групп. Многие сообщества связаны с крупными федеральными проектами («Россия — страна возможностей», отраслевые корпорации, государственные образовательные программы), что повышает их легитимность и даёт ресурсы для развития, — по сути, являются «витриной» российской культуры сетевых сообществ.

Результаты исследования показали, что чаще всего сообщества идентифицируют себя как образовательные и экспертные, а также сообщества практики и патриотические сообщества. Это означает, что наиболее ярко проявленной миссией сетевые сообщества видят задачи взаимного развития, передачи знания и опыта, и именно этот «профессиональный клей» становится определяющим фактором в

Рисунок 1

устойчивости и системности деятельности сообществ (см. рис. 1).

Следует отметить, что представители сетевых сообществ отмечают более пяти целевых направленностей сообщества, что показывает нам широкое покрытие сетевыми сообществами социальных задач, однако эти волонтерские, творческие, профориентационные направления чаще всего имеют определенную связанность с основными целевыми направлениями и часто имеют событийный формат.

Интересно также отметить, что только 20% проанализированных сообществ имеет более жесткую самоидентификацию (экспертное сообщество и сообщество практики), а представители других сетевых сообществ выделяют дополнительные идентификаторы — исследовательское и управленческое сообщества, — демонстрируя тем самым особый фокус своих сообществ.

Важно отметить, что, несмотря на разнообразие тематик, у сообществ есть схожие ценностные основания:

- наставничество и передача опыта;
- профессионализм и командная работа;
- образовательная миссия;
- социальная и патриотическая ответственность.

Эти ценностные мотивы прослеживаются практически во всех сообществах как единые для всех сетевых сообществ ценности, однако сформировать унифицированный набор ценностных оснований не представляется возможным. Часть организаций формализует культуру в кодексах и регламентах (например, с процедурами допуска или исключения). В других сообществах ценности закреплены через традиции, фигуры лидеров и «культурный код».

Анализ масштаба и численности сетевых сообществ России показал, что, несмотря на возможность использования различных коммуникационных ресурсов, точные данные по количеству участников и постоянно действующему ядру сообществ достаточно сложно определить. Это связано с постоянной «пульсацией» сообщества — поскольку границы сообщества открыты и проницаемы, участники сообщества могут свободно менять свою роль в сообществе — от активного участника до стороннего наблюдателя. То же самое касается и «дочерних» сообществ, которые часто возникают локально в ответ на какую-либо актуальную социальную задачу.

Сообщества, которые мы рассматривали в этом исследовании, охватывают от 3 тыс. человек, где не менее 10% являются активными

участниками, регулярно актуализирующими участников сообщества и его деятельность. (см. рис. 2).

Таким образом, проведённое исследование рисует портрет российских сетевых сообществ как зрелых, ценностно ориентированных и социально ответственных институтов, динамичных и открытых экосистем. Их сила — в сочетании общего ценностного фундамента и в их структурной способности к «пульсации», самообновлению и органичному росту через создание новых ячеек. Это делает их устойчивыми и жизнеспособными акторами современного общества.

Заключение. **Сетевые сообщества как партнёр** **современного государства**

Сетевые структуры, сообщества — это не антагонист государству и не маргинальный феномен. Это эволюционная форма социальной организации, адекватная вызовам сложного сетевого XXI века. Сила сообществ — в гибкости, ценностной ориентации и способности к самоорганизации.

Безусловно, как любая технология, сетевые сообщества могут быть использованы и эффективно используются террористическими, экстремистскими организациями и объединениями в качестве инструментов манипулирования массовым сознанием и распространения вредоносного контента. Особенность сетевых сообществ — возможность охвата большой целевой аудитории, что позволяет влиять на убеждения, взгляды и ценности большого количества людей, — отвечает цели манипуляторов, связанной с искажением представлений о действительности и соответствующем влиянии на поведение людей, «попавших в сеть». Деструктивные сообщества, которые распространяют идеологию и увлечения, опасные для жизни, здоровья, нравственности человека (суицидальные сообщества, сообщества по криминальной идеологии, сообщества по пропаганде наркотиков и т. п.), к сожалению, пользуются всеми сильными сторонами сетевых структур и ведут за собой большое количество людей, особой опасности влияния таких сообществ подвергаются молодёжь и дети, поэтому они нуждаются в осо-

Общая численность и ядро сообщества

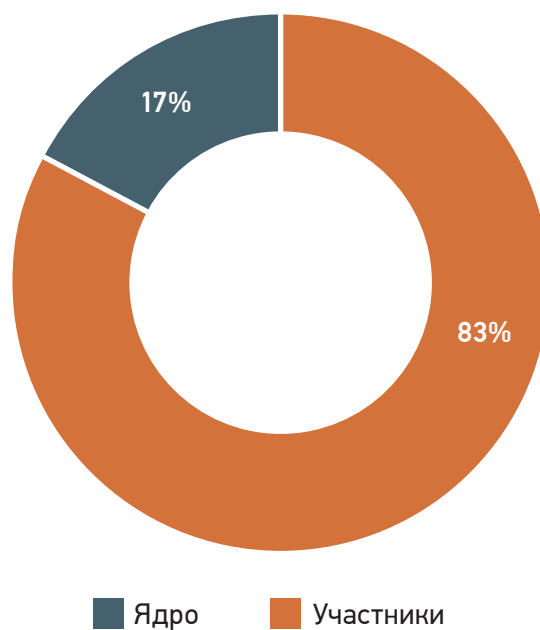

Рисунок 2

бой защите и профилактике таких негативных воздействий. Именно поэтому большой выбор сетевых сообществ, транслирующих традиционные духовно-нравственные ценности, помогающих людям реализовать свои идеи, проявлять свои таланты и способности, быть полезными и востребованными для решения значимых для государства и общества задач, — профилактика влияния деструктивных сил через сетевые сообщества.

Задача современного государства в работе с сетевыми сообществами — не игнорировать и не пытаться административно подмять их под себя, а научиться распознавать, поддерживать и выстраивать с ними партнёрские отношения. Создавая правовые и инфраструктурные условия для их развития, государство может получить мощнейшего союзника в решении общегосударственных задач, усилить обратную связь с обществом и в конечном счёте укрепить собственную легитимность.

Признание сетевых сообществ в качестве полноправного субъекта социально-политического процесса является ключевым шагом к построению более устойчивой, адаптивной, человеко- и ценностноориентированной модели общества. ●

Песня строить и жить помогает

Мы можем многое сказать о культуре и значении песен, об этом поистине чудесном явлении. Мы видим, что песню сегодня реально недооценивают не как продукт и элемент культуры, но как инструмент решения задач формирования мировоззрения.

А. В. Полосин,
доктор политических наук,
кандидат психологических наук

Взрослые инстинктивно переходят при виде младенца на «сюсюкающий» язык в общении с ним, больше напоминающий пение, чем разговор: голос становится выше, гласные звуки артикулируются. Каждого новорождённого привлекают музыкальные звуки. Не столько погремушки, которые могут своим резким дребезжанием возбудить генетическую память об опасных хищниках и заставить замолчать капризничающего младенца. Для грудничка более важны мелодичные звуки музыкальных шкатулок, особенно если игрушка, откуда исходит звук, совершает ритмичные движения. И конечно, решающее значение для ребёнка играет голос матери, убаюкивающий под одну им понятную песню без слов. Эмоциональное звучание фразы запоминается раньше, чем значение каждого слова. Музыка слов впитывается с молоком матери. Именно в этот момент возникает первая коммуникация, и начинается цивилизационный путь ребёнка ещё до обучения языку. Вполне возможно, что музыка и появилась как способ успокаивать и обучать детей. Хотя музыка могла развиваться из праязыка, служившего для передачи сигналов ещё до того, как у людей появились слова и предложения.

Это постулировал ещё Чарльз Дарвин при обосновании теории эволюции: «...Очень вероятно, что предки человека, мужского или женского пола или обоих полов, прежде чем приобрели способность выражения взаимной

любви с помощью членораздельной речи, пытались очаровывать друг друга музыкальными звуками и ритмами».

Мелодию может воспроизводить не только человек. Вой волков, консолидирующая стаю, тоже является своеобразной песней, как и хоровые звуки китов и даже крыс. Но человек, кроме мелодии, имеет ещё чувство музыкального ритма, причём, находясь в толпе, он бессознательно начинает следовать ритмичным движениям всей массы людей. Это может быть переход на единый ритмичный шаг, или одновременное притопывание ногами, или хлопанье в ладоши. Ритмичная музыка подталкивает к действию и во многом воспринимается на физическом уровне.

Ноги сами по себе начинают двигаться ей в такт. Дыхание, пульс и движения синхронизируются с ритмом на бессознательном уровне. Именно так музыка может стать мгновенным организатором толпы. Для большей вовлечённости каждого музыка должна быть выражена всем известными словами, стихотворением, совпадающим по ритму с музыкальным фрагментом. Определённые песни были написаны специально под протесты. Например, для революционных действий использовались при организации толпы «Марсельеза», «Интернационал», «Варшавянка»...

Наши предки отлично это знали, и на пешем марше войск всегда заводили песню для ускорения передвижения уставших солдат. Многие исследования показали, что и новорождённые могут чувствовать ритм и следовать ему. Передвижение на двух ногах с определённой моторикой — это залог существования всех маршей — раз-два, раз-два...

Ницше описал это предельно точно: «Мы слушаем музыку всеми нашими мышцами». Ритм и темп тесно связаны с движением.

**«Марш
весёлых ребят»**

Неизвестно ни одной культуры, в которой не было бы музыки. Самым древним сохранившимся музыкальным инструментам около 40 тыс. лет. Но, вероятно, уже 100 000–200 000 лет назад Homo sapiens умели создавать простые инструменты, такие как барабаны и флейты, и даже совместно играли на них. Многие исследователи считают, что это способствовало установлению социальной принадлежности, возникновению коммуникации и совместного труда. Греки считали, что благодаря музыке в теле появляется душа. Музыка — это основополагающая деятельность, а музыкальность — основополагающее качество для человека.

Греки делили всю музыку на духовую и струнную. У них считалось, что звуки, создаваемые расщеплением воздуха, мобилизуют низшие инстинкты человека, в то время как колебания струн облагораживают слушателей. Для мобилизации воинов на атаку использовали рожки и флейты. Впрочем, на отдыхе и праздниках с лирами и кифарами всегда соседствовали духовые инструменты. Доподлинно установлено, что в Древней Греции и Риме практиковалось коллективное — хоровое — пение. Оно спланировало. Это активно использовалось для перевоспитания пришедшими к власти в России большевиками. Об этом с иронией написал Михаил Булгаков в повести «Собачье сердце», в которой персонаж Филипп Филиппович рассуждает о пении хором: «Если я, вместо того чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха».

**«Надежда —
мой компас земной»**

Совершенно очевидно, что музыка крайне эмоциональна. Её звучание может вызвать как страх, так и безрассудность, как печаль, так и радость. Причём воздействие происходит мгновенно и может сопровождаться физиологическими реакциями организма: слезами, изменением пульса, ознобом и т. п. То есть музыка — одно из самых эффективных средств для создания эмоций, и она понятна всем.

Управление эмоциями — это один из способов воспитания. Популярная мелодия начинает автоматически ассоциироваться с определёнными словами, в которые может быть заложен глубокий посыл. «Если кто-то кое-где у нас порой...» — слушатель понимает, что речь идёт о преступности, которая не характерна для страны и вскоре отомрёт как пережиток прошлого.

Каждая культура создаёт свои решения и инструменты для выполнения как минимум двух задач — обеспечения интуитивного выражения отношения к миру и формирования человеческой общности. В большинстве культур эти инструменты совпадают. Мы знаем их набор: изображение, текст, танец (движение), музыка, архитектура, скульптура, костюм, кулинария, ритуал, праздник, кино/видео. А есть ещё один инструмент, в случае «весёлости» объединяющий несколько из универсальных инструментов, — это, конечно, песня! У песни есть целый ряд характеристик, которые как раз представляют собой совокупность инструментов/механизмов, воспроизводства циклической последовательности, т. е. ритуала. Кроме того, синтезируя многообразие представлений, опыта и смыслов, она направлена на объединение и координацию, даже скорее синхронизацию психоэмоционального настроения/состояния. Так, песня может, в том числе, представлять собой воплощение коллективной молитвы.

Гимн России

И глаза, и тело человека снабжены дофаминовыми рецепторами, отвечающими в том числе и за ощущение удовольствия от окру-

«Смелых людей земля». Художник Г. Дмитриева

жающего мира во всей его полноценности, масштабности и комплексности. Прекрасное вокруг: небо, море, животные, прикосновения — всё, что угодно может ввергнуть в восхищение / обрушиться восхищением. Для тех же людей, кто не живёт в дауншифтинге, слух редко доставляет радость. Что мы слышим в течение нашего дня? Шум тысяч автомобилей, крики, шипение чайника, грохот кофемашины, сирены, хлопки дверей, смывы воды, скрипы чего-то по чему-то — много звуковых (шумовых) неприятностей даёт нам техногенный мир. А как же звучит / чем слышится счастье?! Птицы (но только не вороны), ветер (иногда создаёт причудливые и еле различимые на четверть тона мелодии), голос любимого человека (хотя здесь, скорее, ключевым является не голос, а отношение), потрескивание поленьев, журчание речки или ручейка, убаюкивание прибрежных волн или же вовсе спокойная тишина — вот, пожалуй, и всё.

А человек создаёт музыку. И, переплетаясь, ноты и слова, проясняют смыслы звуков. Появляется ещё одно чудо — «Сотворение»: «Из миража из ничего из вдохновенья моего...». Связываясь воедино, проявляются ещё сотни оттенков произношения и откликов. В век же видеоконтента добавить изображения к

дорожке вообще легко, и получим в основе чудо — соединение мелодии, ритма, текста.

«Московские
окна»

«Есть только
миг»

Можно лирически поностальгировать или задуматься о смысле жизни (или его отсутствии) ... Но ещё — передать эту красоту своим потомкам. Чтобы её можно было не только сохранить, но и преумножить. Для правильного же воспитания крайне важным становится и само прослушивание и исполнение песен на родном языке. Исследование Эрин Хэннон (Е. Е. Hannon) 2009 года «Восприятие речевого ритма в музыке: слушатели классифицируют инструментальные песни в соответствии с языком их происхождения» показывает, как родной язык влияет на то, как мы воспринимаем музыкальный ритм.

«Конь»

В это же время нейрopsихолог профессор Анируддх Патель (Aniruddh D. Patel) высказал гипотезу, согласно которой занятия музыкой способствуют улучшению языковых способностей. Он считает, что совпадают отделы мозга, участвующие в анализе музыки и речи. При этом музыка предъявляет более высокие требования к точности анализа, чем речь, и вызывает более яркие эмоции. К тому же музыка в значительной степени увеличивает активность эмоциональных центров и стимулирует их работу. По мнению Пателя, это объясняет, почему у музыкантов в целом лучше вербальные способности, шире словарный запас.

Все эти аргументы выдвигают необходимость не только музыкальных занятий в школе. Исполнение песен и само желание петь молодёжи и детям на русском языке должно получить государственную поддержку как важнейшая часть воспитательной работы. Пока же возможность петь ограничивается сомнительными продюсерами из поп-индустрии. При поиске в интернете легко обнаружить, что от создателя новой песни для её «раскрутки» с неизвестным результатом (как пишут в рекламе) требуется не менее полумиллиона рублей. И это при том, что надо принести уже готовую композицию. А ведь на самом деле должны платить автору. И немалые деньги. К примеру, Майкл Джексон купил права на 251 мелодию The Beatles на аукционе в 1985 году за 50 миллионов долларов и был крайне доволен все последующие годы.

**«Ветер
перемен»**

Способность музыки быстро и без единого слова содействовать нашему эмоциональному сближению, совершенно уникальна. Нелучайно орудовавшие в Чечне ваххабиты запрещали не только петь, но даже слушать песни по радио, в том числе и на местных языках. После нескольких командировок в Грозный в 2002 году, когда фаза активных боевых действий уже закончилась и большая часть населённых пунктов республики вернулась под контроль России, выявилось всякое отсутствие музыки. Водители и меломаны покупали кассеты на рынках, качество и содержание которых было ужасающим.

**«Одна
победа»**

Потребители рекламы на этой территории музыкальным радиостанциям были не нужны, и их владельцы не хотели тратить средства на распространение сигнала. В лучшем случае

«Пусть всегда будет солнце!» Художник Н. Чарухин

можно было поймать на приёмник только «Радио России». И в это время, взяв на себя все расходы, Объединённая редакция МВД РФ, сумела покрыть не только Грозный, но и даже некоторые горные районы сигналом радиостанции «Милицейская волна». Музыка буквально ворвалась в Чечню. Повсюду слушали песни — в кафе и рынках, в автомобилях и магазинах, в частных домах и зданиях администраций непрерывно лилась «Милицейская волна». Многие жители республики говорили потом, что именно тогда они почувствовали, что вновь стали частью России.

Многие, кто пишут песни, говорят о том, что именно текст определяет мелодию. Она пропевается. Вообще, в лингвистике даже выделяют субъективно «певучие» (итальянский, французский, испанский) и «непевучие» языки (немецкий, польский, шведский). Русский язык ввиду гибких ударений (что создаёт непредсказуемый, живой ритм, который очень напоминает мелодию с её переменными акцентами), редукции гласных (создающих волнообразное движение просодии) и их богатства палатализации (т. е. смягчение согласных) априори «раб ритмического текста», а текст — это смысл! А вот для английского...

**А вот русская песня — иной мир.
Её текст связный, составляет
историю, которая и рассказывается
в соответствии с вложенной
мелодикой фонетики и смыслами.**

Я помню, как, переводя некоторые развесёлые мелодии, с удивлением понимал, что тексты посвящены несчастьям, постигшим автора, или протестам социального или политического контекста/подтекста. Очень я тогда удивлялся. Наши же авторы песен нашли решение «трудности перевода»: ответом стал бессмысленный или не связанный логикой текст или текст, связанный ассоциативной логикой. Эстрада 80-х пестрит такими примерами. Мелодия и ритм диктуют условность не только рифмам, но и смыслом. Главным становились не повествования, но рефрены, которые закладывали в куплет или припев песни — конкуренция подчас творит чудеса, но не только прекрасные... Для нашей песенной индустрии оказались необходимы такие решения. И они появились.

Следующий шаг — это, безусловно, все формы речитатива, основная функция которого сводится к приведению сюжета в движение, развитию действия, точнее, соединению «времени и действия», где музыкальное сопровождение усиливает драматургию, подчёркивая ключевую атмосферу и настроение произведения за счёт быстрого темпа, исполнения на одном дыхании, отрывистости (чёткости) произнесения, — всё это способствует созданию мобилизационной собранности, повышению внимания к происходящему, формированию единого деятельностного поля.

**«Вставайте,
люди русские»**

Рэп и то, что сегодня используется в текстах современных песен — это смещение рифмы и строфы, изменение скорости произнесения текста в музыкальной рамке. Безусловно это решает огромное количество проблем му-

зыкальных решений, но и выносит за скобки смысловую составляющую, редуцируя её до рефренов. Множество произведений показывают нам, как текст повествования перестаёт быть связанным с выделенной в повторения часть текста песни. «Матушка-земля», кстати, классический пример такого музыкального производства. Это музыка с текстом. Также работает. Но весьма своеобразно. А есть совершенно чудесная поэтесса, которая просто исполняет свои стихи с музыкальным сопровождением. Очень мило. И у неё, естественно, текст первичен и диктует музыке и ритм, и ритмическую интонацию, и мелодику.

Однако вернёмся к чуду, которое составляет соединение этих направлений искусства. Оно тоже весьма разнообразно: опера (где текст часто вообще не слышен и неразличим в связи с особенностями построения материала, способностями исполнителей и условностью полноты отображения текстом сюжета произведения), оперетта (облегчённая, но не менее сложная история, в которой сплетение текста и музыки преследует украшение мелодии текстом), кантата и оратория (строящиеся на поэтическом или религиозном «развесистом» либретто, исполняющиеся хором с оркестром). Характерно то, что эти жанры формировались в той же культуре, в которой и сегодня мелодия первична, а текст призван ей соответствовать.

А вот русская песня — иной мир. Её текст связный, составляет историю, которая и рассказывается в соответствии с вложенной мелодикой фонетики и смыслами. Это означает, что основной задачей появления русской песенной музыки будет не подражательное выполнение упражнений по оснащению какими-то словами забойных мелодий, а придётся напрягаться и искать выражение слов. И это чудо совпадения в рамке «композитор — музыкант — отношение к словам и смыслам — понимание ритма текста и творческого его изложения» было бы очень здорово поручить для созидания какому-нибудь интеллекту. Лучше человеческому! ●

«Родина»

**ПРОГРАММА ДЛЯ БУДУЩИХ
ЛИДЕРОВ СИЛЬНОЙ
И НЕЗАВИСИМОЙ РОССИИ**

2

КВАЛИФИКАЦИИ
«ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»
«БИЗНЕС-ИНФОРМАТИКА»

**ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
ПОДГОТОВКА**

**ПРОЕКТНО-
ОРИЕНТИРОВАННЫЙ
ПОДХОД**

**ПРАКТИКИ И СТАЖИРОВКИ В ФОИВ,
ГОСКОПОРАЦИЯХ, ВЕДУЩИХ
БИЗНЕС-КОМПАНИЯХ**

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ТРАЕКТОРИИ**

**ЦИФРОВАЯ
СРЕДА**

ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ТВОРЧЕСТВА

1000

**МЕРОПРИЯТИЙ
В ГОД**

4000

**АКТИВНЫХ
УЧАСТНИКОВ**

20

**КЛУБНЫХ
ОБЪЕДИНЕНИЙ**

39000

УЧАСТНИКОВ

В РЕЙТИНГАХ
№1

СРЕДИ ВУЗОВ ПО ПОДГОТОВКЕ
СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ГМУ

• ИНТЕРФАКС

ПО ЧИСЛУ ВЫПУСКНИКОВ,
СТАВШИХ УСПЕШНЫМИ ГОССЛУЖАЩИМИ

• RAEX

СРЕДИ ВУЗОВ ПО ВКЛАДУ В ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛИТ

• ИНТЕРФАКС

ПО СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ УНИВЕРСИТЕТОВ

• RAEX

СРЕДИ БИЗНЕС-ШКОЛ

• MBA.SU

ОБРАЗОВАНИЕ

31

НАПРАВЛЕНИЕ
ПОДГОТОВКИ

108

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
ПРОГРАММ

**КРУПНЕЙШИЙ
ВУЗ
РОССИИ**

5 ИНСТИТУТОВ

270 000 ОБУЧАЮЩИХСЯ ЕЖЕГОДНО

56 ФИЛИАЛОВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ